

ФЭНТЕЗИ-БЕСТСЕЛЛЕР

Сергей
МАЛИЦКИЙ

**ПРОВИДЕНИЕ
ЗЛА**

Камни Митуту

Сергей Малицкий

Провидение зла

«Автор»

2014

Малицкий С.

Провидение зла / С. Малицкий — «Автор», 2014 — (Камни Митуту)

ISBN 978-5-69410-5

Полторы тысячи лет назад, заплатив высокую цену, боги низвергли в преисподнюю Анкиду Лучезарного – губителя мира. Исчезая в бездне, Анкида оставил на земле семь загадочных камней, семь свидетельств мощи, семь зерен, ростки которых должны разорвать спасенную землю на части. И вот, через столетия, зерна проклюнулись. Они нашли себя в телах полудемонов, колдунов и убийц. В пламени разгорающейся войны оказались Игнис и Кама – принц и принцесса маленького королевства Лапис. На них охотятся магические ордена и храмовые убийцы. За них сделали выбор – как им жить и как умереть. Но древняя королевская кровь не случайно течет в их жилах...

ISBN 978-5-69410-5

© Малицкий С., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Пролог	6
Часть первая	16
Глава 1	16
Глава 2	29
Глава 3	38
Глава 4	48
Глава 5	55
Глава 6	64
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Сергей Малицкий

Провидение зла

© Малицкий С., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Пролог Камни Митуту

В сапог попала песчинка и уже больше часа то колола пятку, то закатывалась в центр ступни. Если бы шаг был быстрым, растерзала бы стопу в кровь. Но и так растерзает. Полдень на подходе, а сил, чтобы остановиться и переобуться, – нет. Стыкивая зубы и сдерживая слезы.

– Стой, – обернулся к Алиусу Син. – Йор!

Широкоплечий дакит с мотком веревки мгновенно оказался рядом. На поясе Алиуса захлестнулась петля.

– Зачем? – брезгливо скривился юноша, слишком уж явно в облике Йора проступали черты зверя.

– Считай, пришли, – хмуро проговорил Син.

«Куда пришли?» – поевшись, не задал вопрос Алиус. Солнце выкатилось на небо уже давно, но среди холодных скал, в тени которых еще лежал снег, согреться не удавалось. Не баловала путников теплом весна в горах Митуту. Да и какая весна? Лету пришла пора. Последний весенний день докатился до середины.

– Веребочка для твоей же пользы, сам скоро поймешь, – с сомнением посмотрел на юного спутника угодник. – И хватит уже плечами камень обтирать, держись за мной след в след. Йор замыкает. И не косись на него, мало найдется людей, которым я доверял бы так же, как ему.

«Никому нельзя доверять», – вспомнил слова матери Алиус. Мать, мама, матушка. Тонкие коричневые пальцы с бобышками суставов – словно гадальные куриные кости, желтые коклюшки с нитками, серебристое плетение, подслеповатые глаза. Последние кружева собирала на ощупь. Знала бы упрямая лаэтка из древнего рода, какая судьба уготована ее сыну, раньше бы умерла. Или, наоборот, вцепилась бы в эту жизнь больными руками намертво. Или вцепилась? Так крепко вцепилась, что не расцепилась до самой смерти.

– Хотя на твоём месте я бы не стал доверять никому, – добавил Син.

Алиус только вздохнул. Урок наставника можно было считать оконченным и даже счесть угодника болтуном. И в предыдущие дни разговоров не случалось, а за две недели пути по узкой, едва проходимой горной тропе и словом перекинуться не удалось, и не потому, что Син страдал немотой. Угодник как раз был не прочь если и не поболтать, то затянуть какую-нибудь песню на незнакомом Алиусу языке. Наверное, и пел бы, не переставая, а не шептал чуть слышно, если бы то и дело не оглядывался с тревогой, словно враг шел по следу троицы. Алиус тоже порой чувствовал что-то вроде чужого взгляда, но не то что говорить, думать об этом не мог. Дневная дорога выматывала так, что остатки сил всякий раз хотелось сохранить на следующий день, а утром все повторялось; необъяснимый, накачивающий с мертвых вершин и усиливающийся с каждым шагом ужас, серые камни, лед на скалах, липкий пот по спине, дрожь в коленях, прерывистое дыхание, вой ветра в ущельях да крылья горных орлов в синем небе. Хорошо хоть не силуэты сэнмурвов. В горах возле Дакиты, как слышал Алиус, их немало. А здесь, наверное, им нечем поживиться. Ни одного зверька за две недели пути: ни сурка, ни горной лисицы. Что же тогда делают в небе орлы? Может быть, именно они и следят за маленьким отрядом? Тогда почему Син смотрит не в небо, а вглядывается в оставленное за спиной ущелье? И на кого охотятся эти птицы? Или они падальщики? На таком расстоянии и не разглядишь. Но ведь и падали в этих горах вроде бы нет? Или всякий может оказаться падалью? А угодник и дакит потому и помалкивают, что ведут Алиуса на прокорм падальщиком? Ну уж нет. Угодники не такие. Да и много ли прибытку голодным птицам с одного худого лаэта? К тому же вряд ли в здешние места часто забредают странники, и уж тем более юные бедолаги без гроша в кошельке и без локтя собственной земли за душой. Хотя, как говорила

покойная матушка, у всякого человека имеются четыре локтя собственной земли, и ждут они его там, где он простится с жизнью. Конечно, удержать их после смерти невозможно, но после смерти с их потерей легче смириться. К тому же разве можно что-то отнять у мертвого? Пресвятой спаситель, какая чушь лезет в голову в этих молодых горах? И почему все-таки Син называет горы Митуту молодыми? И как там лежит матушке, в той земле, что ее сын постелил под иссохшее тело, и под теми камнями, которыми он ее накрыл?

– Ну вот, – угодник преодолел уступ скалы, остановился, прислонил к камню посох, сбросил с плеч мешок, звякнув ножами меча, расстегнул пояс, обхватил себя за плечи и склонил голову в благоговении. Только пальцы сложил неправильно. Не сдвинул их в две щепоти, как велит Храм Праха Божественного, не стиснул в кулаки, как предписывают правила службы Храма Последнего Выбора, не растопырил пальцы в стороны, сообразуясь с обрядами Храма Святого Пламени, не спрятал большие пальцы под остальными, как делают приверженцы Храма Энки. Нет, просто обхватил себя за плечи и склонил голову. И стоял так не до счета десять, а секунды три, не более того. Когда уж тут успеть прошептать Символ веры. Матушка за три секунды шесть узлов делала. А за десять – не двадцать, а двадцать пять. Тут, главное, настрой. И чтобы не с пустого начинать, а с ходу. Пальцы, словно куриные кости, серебряное плетение, гроши за искусную работу на тиморском рынке – все, что было у них на пропитание. Потом уже Алиус сам стал зарабатывать понемногу, удавались ему всякие фокусы, чуть ли не из любого предмета мог искру извлечь. Но потом – это потом, когда голод на улицу выгнал. Когда матери не стало. А пока была, жил за ее счет. Точнее, рос за ее счет, как положено детям. На гроши за серебряное плетение, седое, как ее волосы. Седое и изящное, никто так не мог сплести нить в Тиморе, как его мать. А что толку? И ни единой жалобы на злую судьбу. Плела и говорила что-то, смеялась, напевала. Не жаловалась. И сына к жалобам не приучала. А вот мудрость в голову внедрить пыталась. Говорила, что согнуться легко, разгнуться трудно. Говорила, что та помощь – помощь, что платы не требует, а все прочее – торговля. И еще говорила, если кого и просить о помощи, так это угодника, но и если подивиться на кого хочешь, за угодником наблюдай. Да уж, чудны они, эти бродяги. Молятся не так, как положено. Говорят, что лет пятьдесят назад за меньшие промахи можно было повиснуть в петле инквизиции. Или потому угодников так мало и осталось? Эх, матушка...

– Переобуйся, – бросил через плечо Син. – Ноги в долгом пути главное... после головы. И хотя главное – голову сберечь, о ногах забывать не следует. Порой только ноги и спасают...

– Сейчас...

Откуда только силы взялись? Запрыгал на одной ноге белобрысый, как и положено лаэтам, вытряхнул камешек – чем мельче, тем больше, этот вообще едва приметный, поправил спекшийся носок, сунул нагруженную ногу в свиное голенище, шагнул вперед.

– Что там? – спросил, подходя ближе. Подошел и ахнул, зубами шелкнул от страха. Сразу за уступом, на который забрался Син, горы Митуту заканчивались, обрывались кривыми, выточенными ветром и временем ступенями к развалинам некогда величественного города, а затем и к застывшей стальным листом водной глади.

– Сухота, – хрипло прошептал Алиус в ужасе. Вот уж куда бы он не хотел попасть даже в страшном сне. Особенно на берег мертвого озера или, как говорили редкие счастливики, побывавшие на его берегах и сумевшие вернуться домой, моря Аабба. Конечно, моря, даже с этакой высоты не видно другого берега. И вправо, и влево, и вперед – почти до горизонта вода. Или до самого горизонта, разве разберешь, что там за мгла вдали? Алиус даже приступ тошноты ощутил то ли из-за страха, то ли из-за гнетущего несовпадения; небо над водой было ослепительно синим, а вода в озере оставалась серой. К тому же угодник Син отдавал молитвенные почести не храмовым реликвиям, а развалинам и мертвому озеру – проклятой долине, проклятому городу, проклятым людям, что нашли здесь нежданную смерть. Ужас! Святотатство!

– Множество людей погибло на равнине Иккибу, когда открылись... Врата Бездны, – глухо проговорил, на мгновение запнувшись, Син. – И в городе Алу, что у наших ног, и в городе Эссуту, что на северо-западе от нас, и в городе Кахак, что на юго-западе. И в бесчисленных деревнях. А когда-то в каждом из этих селений жили тысячи семей. Не самых несчастных, смею заметить. И уж точно большинство из них никому не желало зла. Ладно. Садимся. Надо перекусить теперь, на развалинах этого делать нельзя, потом придется терпеть до вечера.

Алиус безропотно присел на выступ скалы, чуть ослабил веревку, захлестнувшую туловище, потянул с плеч вещевой мешок. Черствые лепешки с сыром и вяленое мясо нес он. Конечно, неплохо было бы смочить нехитрую еду глотком терпкого вина или козьего молока (главное, не одновременно), но в долгом пути Син предпочитал вино воду, хотя имелась у него заветная фляжечка, куда же без нее?

– Почему ты прибился ко мне? – спросил угодник парня.

Алиус чуть не поперхнулся. Похоже, Син собрался в один день выговорить годовой запас слов. С того самого дня, когда ошарашенный внезапным землетрясением и появлением трещины на главной кирумской башне оборванный молодой лаэт увидел угодника и попросился к нему в ученики, тот не только не удосужился спросить его о причинах столь странного желания, но даже и не сказал, принимает ли он его в послушание или только разрешает увязаться следом. Нет, Син выслушал сбивчивый рассказ парня о его матери, об отце, о древности рода, и даже почти загибал пальцы, когда Алиус именовал ему собственных предков, начиная едва ли не от сотворения мира, но сам спросил его о чем-то впервые. Хотя еще под остановившимися городскими часами Кирума долго смотрел в глаза бледному от голода и холода лаэту. Тот уже начал переминаясь с ноги на ногу, потирать плечи – продувало последними зимними ветрами ветхую куртку насквозь, а угодник все смотрел и смотрел ему в глаза, словно пытался высмотреть что-то важное. Потом кивнул, но не Алиусу, а сам себе, отвел парня в лавку, купил ему простую, но прочную одежду, сапоги, мешок, затем накормил, насыпал в ладонь горсть медаков и пошел по своим делам, предоставив бедолаге возможность отправляться на все четыре стороны или все-таки следовать за избранным им благодетелем.

Алиус пошел за Сином. Стоял в пяти шагах, когда тот останавливался, шел в пяти шагах, когда тот шел. Питался на отсыпанные ему медаки. Потом голодал или ел то, что попадалось в руки. Через полторы недели пути, когда лаэта уже опять шатало от голода, Син остановился у древних ворот Бэдгалдингира и оплатил проход для двоих путников, а потом взял Алиуса за плечо и отвел в ближайший трактир, где во второй раз накормил беднягу, следя, чтобы исхудавший лаэт не получил заворот кишок, после чего вновь отправился в путь. Правда, теперь уже Алиус шел рядом с угодником и даже получал изредка кое-какие поручения. Или лаэту так казалось. За две недели странная парочка миновала ущелье Себет-Баби и на несколько дней осела у покрытых древними шрамами стен Алки в ожидании каравана до Абуллу и Кагала. Но и в эти несколько дней, и в полтора месяца тяжелого пути почти в тысячу лиг по северному краю Сухоты, на котором испуганный лес предгорий Хурсану сменялся спекшейся глиняной коркой проклятой равнины, Син тоже не нашел времени, чтобы поговорить с парнем, и уж тем более спросить Алиуса о главном. И ведь вроде бы учил лаэта, что делать, когда караван останавливается на ночь и колдуны выставляют охранные заклинания. Учил тому, как готовить пищу и как разговаривать со стражами каравана, хозяевами груза и такими же попутчиками, как он сам. Или не учил, если его учение обходилось не только без лишних слов, но порой и вовсе ограничивалось жестами? Что же тогда он делал? Развлекался? Подшучивал над увязавшимся за ним бедолагой? Зачем? Спросить бы, только что уж теперь вопросами насыпаться, если самому вопрос задан? Почему он подошел к Сину в Кируме? Ведь не потому же, что верил в древние сказки или отчаялся отыскать для себя другой путь? Поймал взгляд угодника, когда сидел у крепостной стены и щелкал пальцами, пытаюсь согреться, поджигал показавшуюся из-под снега прошлогоднюю траву. Поймал взгляд и словно согрелся от одного

взгляда. И ведь не ошибся? Угодник не только оказался надежным попутчиком, если не спасителем, но и уж точно не был обычным бродягой, к коим частенько причисляли его собратьев! Так кто он? Сумасшедший – нет, идет не куда глаза глядят, а куда ему надо. Колдун? Опять же нет, без колдовства пока обходился. Воин? Вряд ли, борода седая, глаза старика, хотя простенький меч из-под балахона торчит. Тогда отчего же кланялись ему караванные стражники? Отчего прикладывали стиснутые кулаки к боевым шлемам дозорные у крепостных ворот? Вот и думай, верить ли древним преданиям, в которых угодники охраняли от нечисти целые поселения? Хотя разве не таким же угодником был благословенный Энки? Так не теми ли мыслями томилась ушлые караванщики, выказывая Сину особое уважение? Ведь никакой платы за следование с караваном с него не брали, даже кормили вместе с Алиусом из общего котла, раскланивались в конце пути! А у ворот Абуллу Сина ждал звероподобный дакит Йор, которому Син сказал следующее: «Молнии бьют в черное месиво, Йор, и часы на башне Кирума встали. Землю потрянуло в тот самый день». Дакит словно услышал то, что и хотел услышать, кивнул, развернулся, двинулся на юг и дальше останавливался только на ночевки, пока сопровождающие его Син и Алиус не миновали Кагал, не поднялись в горы и не дошли за две недели выматывающего пути до развалин древнего города. И вот только теперь Син спросил лаэтского сироту:

– Почему ты прибился ко мне?

Оставалось добавить: «а не пойти ли тебе, светловолосый оборванец, прочь?»

– А к кому я еще мог прибиться? – с трудом проглотил кусок лепешки Алиус.

– Мало ли? – вытер пальцы тряпицей Син. – Ты терпелив, думаю, имеешь некоторые способности к магии, не спорь, я видел, как ты сплетаешь пальцы. Мог бы стать послушником в любом магическом ордене. Или в любом храме. Да и на службе у любого атерского короля скорее добрался бы до собственного дома, красавицы жены и десятка белокрысых детишек. Почему решил идти со мной?

– Не знаю, – признался Алиус и вдруг ляпнул висевшее на языке: – А если бы я стал послушником любого магического ордена или любого храма, или даже воином атерского короля, тогда бы меня кормили бесплатно из караванного котла, как это было рядом с тобой?

Даже Йор не сдержал улыбку, сделавшись на мгновение подобным человеку, а уж Син и вовсе расхохотался.

– Тебя кормили не бесплатно, Алиус. Тебя кормили вместе со мной за ту работу, которая могла нам с тобой выпасть. За участие в жаркой схватке. Или врачевание после нее. Какие бы ни случились пакости с караваном, мы бы без работы не остались.

– Выходит, нам повезло? – замирая от ужаса, бросил Алиус взгляд за плечо угодника. – Если пакости не случились?

Пространства Сухоты не умиротворяли, с какой стороны на них ни смотри, что с северной караванной тропы, что с западного склона гор Митуту.

– Может быть, повезло, – приглушил усмешку Син. – А может, и наоборот. В прошлые времена ни один караван не мог пройти даже по самому краю долины Иккибу, чтобы не попасть в десяток не слишком приятных переделок. Но когда привычный враг не является, чтобы убить тебя, чаще всего это значит, что он убивает кого-то другого.

– Это из-за того, что «молнии бьют в черное месиво»? – вспомнил Алиус.

– После, – медленно проговорил Син, в который раз пристально вглядываясь в оставленную за спиной тропу. – После расскажу... Пошли. Хватит болтать.

Угодник легко, словно и не было у него за плечами изрядного количества прожитых лет, поднялся, подхватил пояс, мешок и вскоре зашагал вниз по склону. Ни камешка не выпадало из-под его сапог, как и из-под сапог Йора, а вот из-под ног Алиуса то и дело струилась скальная пыль, катилась галька и почему-то ракушки.

– Раньше эти скалы были дном моря, – обернулся Син. – И кстати, не так уж давно, если посмотреть каменными глазами. Только не жди морской свежести. Не дождешься. Не то что весной, но и зимой тоже.

Еще недавно страдавший от холода Алиус теперь изнывал от жары. Развалины и озеро под ними мгновенно обратились в пекло. Казалось, что водную гладь и в самом деле составляет не вода, а сталь или расплавленный свинец. Неужели кто-то отваживается пить эту серую воду? И куда она девается? Матушка говорила, что в проклятое озеро впадает одна река и множество ручьев, но не вытекает ни одна. Или насчет ручьев она погорячилась?

Не прошло и часа, как путники оказались на улицах мертвого города. Идти приходилось против полуденного солнца, но, даже жмурясь от его лучей, Алиус замечал, что если окраинные здания еще поднимались к небу закопченными стенами, то чем дальше, тем чаще они представляли собой груды камня. Бывшие мостовые были засыпаны мусором, в котором белели кости. Ни травинки не колыхалось между пыльных камней. Впереди же, там, куда направлялся Син, вовсе зиял пустырь. Сладковатая вонь ударила в ноздри.

– Осторожно! – поднял руку угодник, приглядываясь к руинам.

С противным зудом в воздух поднялись бронзовотелые мухи. На камнях лежали трупы. Без плащей, без знаков различий орденов, храмов или королевских домов. Без оружия и без доспехов. Все, что могло подсказать их происхождение, включая волосы, – было срезано. Лица обгрызены неизвестными тварями. Но раны на телах происходили от мечей и стрел. Впрочем, их следы едва угадывались, стгнившая плоть уже подсыхала под лучами солнца.

– Месяца три уж как, – пробормотал, выпрямляясь, Син. – Или даже больше. Ну, точно. Как раз в нужное число и встретились. Поэтому я и зарекся приходить сюда на исходе зимы. Никогда без свары не обходилось, но вот так, с кровью – впервые. Кстати, тут и орденские, и дикие... Интересно, кто взял вверх? Или появился кто-то новый?

– Смотри, – впервые за время путешествия подал голос Йор.

Син подошел к дакиту, пригляделся к остаткам кострища. На нем лежали четыре обугленных трупа. Судя по виткам стеблей каменного кустарника, которыми были стянуты руки и ноги обгорелых мертвецов, их сжигали живыми, выложив телами квадрат. Животы у несчастных были вспороты, внутренности вынуты и вытянуты в центр кострища, где пробиты обгоревшим копьём.

– Не новый, а старый, – помрачнел угодник. – Квадрат с плоским крестом. Не мы одни ждали срока. А я уж было подумал, что из провала кто-то выбрался. Ну, если такое дело пошло, то выберется. Ну что же, начинается. Ты запоминай, запоминай, – повернулся он к онемевшему от ужаса Алиусу. – Если на наших путях столкнешься с кем-то, кто хочет убить тебя, сражайся, пока жив. Иначе участь твоя будет незавидной.

– А разве теперь его участь вызывает зависть? – удивился Йор.

– И в самой поганой жизни случаются черные денечки, – заметил угодник. – Да и с чего ему пока жаловаться?

– Что тут было два месяца назад? – простучал непослушными зубами Алиус. – Из-за чего эта резня? На каких мы путях? Кто он, этот «старый»? И как мне сражаться? У меня даже меча нет! Да и не умею я с ним управляться!

– Научишься, – бросил беспокойный взгляд на солнце Син. – Но времени у нас мало. И уж тем более на разговоры. Поспешим. Нам туда. К той башне.

Алиус проследил за жестом угодника и не только разглядел среди странно оплывших, словно растаявших, руин все еще крепкую и даже почти не опаленную древним огнем башню, но и в мгновение понял – весь тот ужас, которым он пропитывался в последние дни, имеет своим источником именно ее, а еще вернее, ее корни, которые она уж точно пустила в окрестные скалы, иначе как сумела устоять за долгие годы?

Между тем Син отдалился. Алиус поймал недоуменный взгляд Йора и поспешил за угодником. Едва приметная тропа вилась между развалинами, на которых кое-где расстелился лишайник, и каждый шаг по ней приближал путников не только к башне, но и к провалу в скалах, который Алиус издали принял за пустырь. Сначала лаэт увидел его дальний край, до которого было не меньше четверти лиги. Затем разглядел словно срезанные огромным ножом пласты гранита почти под ногами. И вот, наконец, заглянул в бездну.

Там плыли облака. Они клубились, как в небе. Алиус даже хотел поднять глаза и убедиться, что и в самом деле они плывут над провалом и лишь потом отражаются в огромном зеркале на его дне, но не смог. Он забыл, что еще секунду назад все небо от гор Митуту до скрывающихся за горизонтом гор Балтуту, все небо над Сухотой, над бывшей долиной Иккибу сияло бездонной, без единого облачка синевой. В секунду он забыл обо всем. Об отце – знатном воине из далекого Бабалона, которого и так почти не помнил, о больной матери, что угасала, как прикрученный фитиль в масляной лампе, о лачужке в окрестностях Тимора, отошедшей к соседу матери за ее долги, о собственном скитании, об отчаянии, о надежде, о Сине, о Йоре, обо всем. В провале плыли настоящие облака. И сквозь них пробивался точно такой же свет, который бывает, когда облака на небе закрывают солнце, но его лучи режут облачную плоть и подсказывают: я здесь, в небе, даже невидимое, я согреваю и сохраняю вас, дети мои. Не бойтесь, что бы ни случилось, каждое утро я поднимаюсь в небо, а каждый вечер ухожу, чтобы вернуться. И даже зимой я тоже с вами, и холод, который приходит ото льда и снега, подобен теплу от моих лучей, потому что столь же сладок и безмятежен. И если ты не веришь, то взмахни руками и поднимись в небо. Поднимись и прислушайся...

...Удар пришелся на спину. Затылок не пострадал, но лопатками приложило изрядно, верно, мешок сплюснулся на спине от удара, затем поясницей и уже на излете ягодицами. В то же мгновение веревка безжалостно сдавила живот, и недавно съеденная лепешка отправилась в ту сторону, куда не удалось улететь Алиусу. Ученик угодника болтался на прочной дакитской привязке над бездной. С трудом оторвав взгляд от мутного месива на дне пропасти, лаэт посмотрел вверх.

– Ничего не переломал себе? – окликнул летуна Син. – Вот и славно. Нужно было дать упасть, иначе ты бы сиганул вниз в следующий раз, когда меня или Йора рядом не будет. Там таких, как ты, без счета. Маги из орденов, что послабее, сплошь амулетами обвешиваются, чтобы только через край заглянуть. Хотя ты меня повеселил. Махал руками, как едва оперившийся птенец на краю гнезда. Так рано еще тебе летать, надо бы червячков поклевать для начала. Ну, давай, что ли, выбирайся. Тяни, Йор!

Алиус с трудом перевалился через край провала, сорвал с пояса фляжку, жадно напился. Йор распустил узел у него на животе, начал сматывать веревку.

– Это и есть Врата Бездны? – спросил угодника лаэт. – Я слышал... Зачем они приманивают в себя?

– Он слышал, – недовольно буркнул Син. – Врата Бездны! Зачем приманивают! Не слишком ли много почета мерзкому колдовству? Грязная дыра в камне! Тоже мне врата...

– И все-таки, – не унимался Алиус, торопясь за угодником по узкой тропе. Неожиданное облегчение накатило на него, развязало язык.

– Промысел зла, конечно же, не промысел божий, – пробормотал Син. – И, наверное, не столь же непостижим. Но постижение его отвратительно. И если его выгребная яма кажется бездонной, она все равно всего лишь выгребная яма. Весь вопрос в количестве дерьма, которое можно в нее поместить. Или которое способно выплеснуться из нее. И пока на этом все!

«На этом все», – разочарованно пробормотал про себя Алиус, хотел сказать еще что-то, но в горле у него пересохло, и от кривых линий странной каменной кладки закружилась голова.

Путники остановились у основания башни. Вблизи она оказалась не только огромной, но и ужасающе совершенной. Неведомый мастер словно закручивал огромными искусно обрабо-

танными гранитными блоками чудовищную спираль, да так, что казалось – отойди на сотню шагов, и увидишь огромную змею. Головы у нее, к счастью, не было, потому как оголовок башни был разрушен до верхнего ряда бойниц, зато имелся выложенный отшлифованными камнями хвост. Он был одновременно и порогом перед темным проемом входа, и частью фундамента, который покрывали магические рисунки. Кто-то, добравшись до древних камней, не пожалел ни красок, ни, кажется, крови. С десятков трупов лежало и здесь.

– А теперь прибавим шагу! – словно очнулся Син.

Алиус проследил за встревоженным взглядом угодника и похолодел. На площади, где темнело жуткое кострище, мелькали черные тени. Длинные торчащие уши, острые морды, тонкие ноги, массивные тела – сомнений быть не могло, полакомиться мертвечиной прибыли калбы – вирские псы. Выходит, не зря матушка Алиуса пугала этими тварями непослушного сынишку? Йор потянул из ножен меч.

– Наверх! – процедил сквозь зубы Син.

Алиус тут же застучал подошвами сапог по сбитым ступеням. Трупы были и здесь. Или не трупы, а их перемолотый в месиво тлен, размазанный по стенам, ступеням, потолку. Пустой желудок сжался в тщетном приступе тошноты.

– Тише, неуклюжий лаэт, тише! – шипел в раздражении Син.

– На этот раз пока обошлось, – прошелестел снизу Йор.

...А дакит оказался разговорчивым парнем, – мелькнула мысль в голове Алиуса, который, задыхаясь, следовал за угодником. Страх понемногу проходил, сменяясь досадой и как будто злостью. А ведь у него и в самом деле не было не только меча или ножа, но даже и посоха. Следовало хоть какую-нибудь палку подобрать в горах. Если бы еще попалась в пути хоть одна палка. Даже на четверть костра хвороста ни разу не удалось собрать. Выходит, что каламы назвали горы Митуту мертвыми горами не зря? Хотя лишайника на них было предостаточно. Но и на могильных камнях его полно. Так молодые эти горы или мертвые? Или и молодые, и мертвые? Матушка, как ты там под грудой камней?

– Я так и знал, – устало пробормотал Син.

Алиус вытер со лба пот. Троица остановилась на верхней площадке. В синее небо поднимались закопченные огрызки межоконных простенков. Между ними словно вырастала из массивной, засыпанной осколками камня плиты серая чаша. В ее отшлифованном чреве чернели шесть свежих пятен, словно шесть горячих клубней выкатили из костра и бросили на огромное блюдо. Однако камень не только почернел под каждым, но и оплавился. Воздух, казалось, закручивался над чашей горячим варевом. Никаких амулетов не нужно, вот она, сила, чистый мум, черпай его хоть горстями, хоть ложкой и сплетай любые заклинания. А хочешь, запасай впрок, если умения хватит.

– Что это? – спросил Алиус. Слово комок из горла вытолкнул.

– Камни Митуту, – пробормотал, ощупывая черные следы, Син.

– Камни Митуту? – в который раз задрожав от ужаса, пролепетал Алиус. – Но как же? Они ведь пропали тысячу лет назад! К тому же их возвращение предвещали сотни раз! Но они ни разу не вернулись! Никто уже не верит пророчествам! Да и...

– Да и? – переспросил Син.

– Их ведь было семь? – наморщил лоб Алиус.

– Смотри-ка! – кивнул ухмыльнувшемуся Йору угодник. – Малыш изучал не только историю собственного рода. Который сейчас год, Алиус из рода Алитеров?

– Одна тысяча четыреста восемьдесят третий со дня самосожжения всеблагого Энки, – заученно прошептал лаэт.

– Так вот, дорогой, – тоже шепотом ответил Син. – Семь камней было одна тысяча четыреста восемьдесят три года назад. И тогда еще никто не называл их камнями Митуту. А тысячу лет назад, как ты верно подметил, их стало шесть. Шесть из семи проявились. Именно тогда они

получили нынешнее имя, и именно тогда пылала эта башня, и рушился этот город, и именно тогда благословенная долина Иккибу стала мертвой Сухотой.

– Значит... – пробормотал Алиус.

– Значит, они вернулись, – ответил Син и раздраженно ударил кулаками по краю чаши. – Вернулись по-настоящему. И вернулись все шесть, хотя нам хватило бы и одного, чтобы захлебнуться кровью. Хозяин камней или его наследник дождался их здесь. Сильный наследник. Нападавших на лестнице он, во всяком случае, размазал знатно. Но почему же я не чувствую камней? Два месяца прошло! Я должен их чувствовать!

– Может быть, их опять нет? – проговорил Йор.

– Нет? – не понял Син.

– Как не было тысячу лет.

Дацит подошел к одному из простенков, на котором копоть лежала особенно густо, и не пожалел рукава, чтобы смахнуть ее. Взгляду открылась надпись.

– Так, – оживился угодник. – Ты смотри... Кое-что проясняется... Скрытое заклинание. Потайная обвязка тройная, надежная. То-то я... Копоть свежая. Что зоркий взгляд дакота и отметил... Ну-ка... – палец заскользил по выщарапанным на черной стене рунам... – Эх, давно я не разбираю вирские буквицы... Тем более старое письмо. Да еще на древнелаэтском... Ну ладно. Так. Это знак королевской крови. Это знак рода. Это перечень... Перечень домов?

Алиус подошел ближе.

– Шесть королевств, – шептал Син. – Так... Кажется, это Тимор... Ардуус... Лапис... Фидента... Утис... Хонор... И число шесть в конце... Все правильно... Но почему? Шесть из девяти королевств Ардуусского договора. Все атерские... Раппу – лаэтское, отбрасываем. Бабу и Обстинар – атерские только по королевским домам. Поэтому? Зачем? Из-за близости Светлой Пустоши и черного месива в ее центре? Или чтобы порвать Анкиду на части? Или чтобы атеры, лаэты и руфы из-за гор вновь пришли на то же поле, что и почти полторы тысячи лет назад? И кто поднимется за их спинами? Кто их погонит? Но где же, раздери меня, камни? Почему я их не чувствую? Я должен!

– Неправильно, – робко подал голос Алиус и протянул дрожащий палец к рунам. – Ты неправильно прочел. Посмотри. Руна «шесть» есть в начале текста, перед перечнем королевских домов. А руна в конце его – не шесть. Похожа, но не шесть. Шестнадцать. И вот эти два крючка за ней обозначают, когда они вместе, срок, направленный вперед. В будущее. То есть через шестнадцать лет.

– Точно так, – заметил Йор.

– Смотри-ка, – удивился Син. – Выходит, что и ты можешь кое-чему меня научить? Йор! Что это значит?

– Только то, что ты и не должен чувствовать камни, – пожал плечами Йор. – Они еще летят к своим целям. Тот, кто залил здесь все кровью, отправил их дальше.

– Летят к своим целям... – принялся соскабливать руны со стены Син. – Отправил их дальше... Долетели уже. Нам еще добираться туда, шестнадцать лет мытарств, а они уже там, на месте. Только не там, куда их отправили... Ничего, вместе прибудем. Заодно и посмотрим... Хотел бы я взглянуть на лицо этого колдуна... Ох, он будет зол, когда поймет, что его замыслы были тщетны. Если уже не понял. И не потому, что я не желаю зла атерским королевствам. Хотя зла я им и в самом деле не желаю, в наших краях они заслужили его менее прочих.

– Разве так можно отменить заклинание? – удивился Алиус.

– Нельзя, – поднял камень и начал сбивать буквицы Син. – Чтобы отменить его, никакой силы не хватит. Хоть разбей чашу. Но знать об этом заклинании никому не следует. Хотя, – угодник обеспокоенно оглянулся, – от некоторых глаз ничто не укроется, даже если снести эту башню до основания. А ну-ка, Йор, Алиус, подойдите к чаше. Да приподнимите ее с одного

края. Хоть на пядь! Давай, лаэт, Йор силач, каких мало, но даже для него эта вазочка тяжеловата!

Дакит сдвинул ногой в сторону каменный мусор у четырехугольного основания чаши, обнажив темную щель под ним, и ухватился за отшлифованный край гигантского сосуда.

– Давай, – жилы на шее дакита вздулись, под стиснутыми губами проявились клыки. – Напрягись, лаэт. Оторвем край на кулак – этого хватит.

– Уже хватило, – раздалось из-под чаши чихание угодника.

Алиус вытер со лба пот, в накатившем бессилии оперся спиной о край сосуда. В руках у Сина был второй меч. Точно такой же, как на поясе угодника, но его ножны толстым слоем покрывала паутина, да и кожаная шнуровка на рукояти истлела. Оружие явно пролежало под камнем не один десяток лет.

– Да! – снова чихнул Син. – Мне, дорогой лаэт, чуть больше лет, чем ты думаешь. Будешь топтать ногами дороги Анкиды, как я, и за тобой старость не угонится. Главное, чтобы смерть ее не обогнала. Однако это оружие для тебя, парень. Надеюсь, мечу не будет стыдно за руку, ухватившую его рукоять?

– Надеюсь, – пролепетал, краснея, Алиус. – Так ты испортил заклинание еще до того, как его составили?

– Испортил? – поднял одну бровь Син. – Как тебе сказать... Я просто хотел почувствовать беду первым... И считай, что срезал оперенье со стрелы, которую враг выпустил в цель. Или ударил по руке мерзкого лучника. И его стрела уже не найдет назначенную ей жертву.

– А какую найдет? – спросил Алиус. – Или... уже нашла? Там? Через шестнадцать лет?

Угодник помрачнел. Помолчал мгновение, потом неохотно процедил:

– Какую-нибудь нашла. Может быть, более опасную, чем та, что была ей назначена. Даже скорее всего. Но если твой враг натягивает тетиву, нужно бить его по руке, куда бы потом ни полетела стрела.

– Там разберемся, – мрачно заметил Йор.

– Ты еще не передумал? – спросил Син лаэта, пристально глядя ему в глаза, словно сам натягивал невидимую тетиву до уха.

– О чем ты? – дрогнул голос Алиуса. В самом деле, о чем теперь его спрашивал угодник? Опять об ученичестве или о чем-то большем?

– О том самом, – кивнул Син. – Если передумал, никто тебя не осудит. Если только ты сам себя не осудишь.

– За что? – пролепетал Алиус.

– Ладно, – махнул рукой Син. – У тебя еще не единожды будет возможность струсить и отказаться. А ведь придется повозиться с тобой, парень. Очень серьезно повозиться. Лет пятьдесят нужно, чтобы сделать из тебя... человека, а осталось всего шестнадцать. Выдержишь?

– Выдержу? – растерялся Алиус.

– Похоже, Йор, придется тебе помогать мне, – повернулся к дакиту Син. – Лишний угодник к столетию Ардуусского договора нам ведь не помешает?

– Угодник не помешает, – процедил, обнажая клыки, дакит. – А нерасторопный увалень – еще как. Шестнадцати лет мало. Очень мало. А если не выдержит?

– Закопаем, – подмигнул опешившему Алиусу Син. – Не волнуйся, парень, гнить, как вот эти гниют на развалинах, не оставим.

– Калбы, – бросил, отпрянув от бойницы, Йор, – взяли наш след, бегут сюда. Свежатинку-то они любят больше мертвечинки.

– Ну что, приятель? – спросил Син. – Все еще хочешь сбросить в проход чашу?

– Уже нет, – ответил дакит.

– Ну и славно, – шагнул к сосуду Син. – Лезть по скалам следует только в крайнем случае. И он пока еще не наступил. Нет, с калбами мы как-нибудь справились бы. Но за ними придет кто-то другой... Идет уже... С ним я схватываться не готов... Хотя рассмотреть его вблизи очень хотел бы, очень... А ну-ка, Алиус из рода Алитеров, забирайся в чашу, сейчас увидишь, как из башни выбирался когда-то ее хозяин.

Для троих мужчин серая чаша была маловата.

– И что теперь? – прошептал Алиус, сжавшись в комок, глотая мум и прислушиваясь к цокоту когтей по ступеням башни.

– Как обычно, какая-нибудь неприятность, – поднес нож к ладони Син. – Если хочешь колдовать, не причиняя боли другим, неминуемо причиняешь ее себе.

Лезвие расчертило основание ладони, капли крови упали на камень.

Часть первая Ардуус

Глава 1 Знаки

Белого ворона прибили на городские ворота в ночь перед королевским выездом. Лаписская стража не проспала злую шалость, стражники услышали удар, но не распознали его причину. Могла и недужная ночная птица удариться сослепу. Тем более что ни шагов, ни цокота копыт за ударом не последовало. Правда, судя по силе удара, размером эта птица была с гуся, а то и с пеликана. Но мало ли какая пакость могла перелететь вершины Балтуту в последние дни зимы? Зря, что ли, жители королевства на ночь запирают двери, на окна ладят решетки с мелким разбегом железных прутьев и развешивают обереги и амулеты? Или напрасно строятся дозорные башни на перекрестках? Понятно, что маленькое горное королевство не Светлая Пустошь, нечисть свободно не разгуливает, но так ведь и Сухота рядом – смотри на горные вершины и вздрагивай; здесь жизнь, а за перевалами смерть или кое-что похуже смерти. Так что удар ударом, а стену ночью покидать не стоило, по ночам в Лаписе ворота просто так не открывались. Вот и ждала стража первых лучей солнца. А уж утром подарок предстал перед вторым мастером стражи Вентером во всей красе – на высоте трех человеческих ростов обнаружилась пришипленная трезубцем к дубовой створе мертвая птица: раскинуты в стороны ошипанные до кожистых огрызков крылья, вымазана в крови белая грудь, свернута в сторону голова. Минут пять Вентер разглядывал неприятный гостинец, прежде чем решил вызвать старшего мастера королевской стражи; для стрелы трезубец был тяжеловат, да и птица явно попала на зубы до отправки оружия в цель, но с катапульты никто в окрестностях столицы замечен не был. Неужели злоумышленник воспользовался лестницей, ведь не великан же он в самом деле? Да и трезубец... Не бывало таких дротиков ни в Лаписе, ни в прочих атерских королевствах. Вот на севере, где свеи трезубцами били пятнистую рыбу в горных реках... Но опять же – рыбу, а не птиц. Да и разбег зубьев у тех трезубцев был иным.

Старший мастер стражи Долиум явился не один, а с королевским магом Окулусом. В другой раз Вентер не преминул бы отпустить пару шуток, уж больно нелепо они смотрелись рядом – толстый, словно вставший на задние ноги боров, здоровяк Долиум и бледный и худой, как помоечный червь, маг. Но теперь было не до смеха, и дурак бы понял; в день королевского выезда, на знамени которого разметал крылья белый ворон, подобный знак мог означать нечто большее, чем неудачную шутку.

– Что со следами? – скривился от увиденного Долиум.

– Нет следов, – с досадой махнул рукой Вентер. – Да и дождь прошел под утро. Со снегом. Шагов тоже не было слышно. Думаю, что шутник был в мягкой обуви и в плечах имел размах побольше, чем у нас с тобой. Если встал на плечи к приятелю, то вполне мог напакостить. А там, кто его знает... Я послал стражу по дорогам, но вряд ли кого разыщут.

– Один из малумовских головорезов? – понизил голос Долиум.

Дозорные младшего брата короля, которых тот привел с севера, под описание подходили – и сами из свеев, и плечи у них едва ли не шире любых атерских плеч, и обувь носили мягкую, без подбитых сталью каблуков, да вот только все двадцать провели ночь за стенами, в этом Вентер был уверен.

– Похожий кто-то, – задумался мастер стражи.

– Нет магии, – начал стирать с ворот нанесенные на скорую руку колдовские знаки Окулус. – Шутка, думаю. Можно снимать птицу.

– Ассулум! – откликнул юного стражника Вентер. – Принес лестницу?

– Не спеши, – остановил стражника Долиум. – Король велел не трогать птицу, пока он не увидит ее собственными глазами. Хотя... А ну-ка.

Мастер стражи постучал прислоненной к воротине лестницей о землю, смахнул с шапки посыпавшийся с перекладин лед, отстранил юркого стражника-мальчишку и, кряхтя, полез вверх.

– Ну что там? – крикнул снизу Вентер.

– Трезубец свейский, – проворчал Долиум. – Железо дрянь, хотя выковка неплохая. Но точно свейский. У малумовских таких нет, кстати. Надо будет переговорить с ними. Но на нем и клейма никакого нет. Крайние зубья разжаты в стороны. Однако здоровяк доставил гостинец. Да и зубья разжимала не девка. И в мореный дуб они вышли не меньше чем на ладонь. Да на нем висеть можно! Куда там, у нас в городе таких силачей нет!

– Не о том я, – сдвинул брови Вентер. – Птица крашенная или белая?

– Белая, – после паузы пробурчал Долиум.

Вентер скрипнул зубами. Случалось, забавлялись лаписские подростки, ловили лесную птицу да мазали мелом. Не убивали, конечно, выпускали на торжище. Эту птицу выращивали специально, потому как в лесу белый птенец живет недолго, свои убивают...

– Свои убивают, – зачем-то повторил вслух всплывшую в голове мысль Вентер.

– Крылья зачем выщипали? – покосился на стоявшего внизу мага Долиум.

– А кто их знает? – пожал плечами Окулус. – Нужны, значит. Может быть, для письма?

– Да ну? – удивился Долиум. – Нешто тебе ворон – гусь?

– Так знак королевского дома Лаписа белый ворон, а не гусь? – неуверенно пробормотал маг.

– В том-то и дело, – начал слезать с лестницы Долиум. – Вот ведь принесла нелегкая птичку...

– Отменит выезд король? – спросил мастера Вентер.

– Отменит? – усмехнулся тот. – Да никогда!

Король выезд не отменил. Увеличил охрану, пускал впереди дозорных, устраивал ночевки в надежных постоянных дворах, но тревога, охватившая его подданных, не развеялась и через неделю. Неспроста королевский кортеж, который в последний день пути вытянулся по старой ардуусской дороге сквозь чахлый ельник на три сотни шагов, двигался без обычных для такого случая песен и переливов атерского рожка. Впереди молчаливо держалась главная стража, за ней король с королевой, за ними опять стражники, затем дети, кое-кто из наставников, слуги, мулы с самым необходимым скарбом, в хвосте – наемники Малума – дозорные союза девяти королевств. Свечи должны были еще пару недель прохлаждаться в Лаписе, заливаясь вином да приставать к лаписским вдовушкам, но после явления на воротах белой птицы король приказал младшему брату следовать с дозорными за кортежем, и вот уже неделю двадцать широкоплечих молодцев обозначали готовность королевской свиты к любым неприятностям. Серьезных неприятностей вроде бы не случилось, но близкий конец дороги, хоть и сулил облегчение, все же не радовал. Не могло завершиться хорошо то, что началось плохо.

Приметы на то и приметы, чтобы сбываться во всякую пору – и в праздности, и в напряге. И если пришипленный к воротам полуощипанный белый ворон показался сначала неудачной шуткой какого-то королевского ненавистника, то повешенных над дорогой отнести к шутке было нельзя никак. Висельники всегда были плохой приметой. Тем более что эти точно совпадали с мрачным предначертанием будущей смерти из сонника старшей сестры короля – бойся, если приснятся тебе два голых безымянных трупа на двух горелых соснах один против другого

через проезжий путь. А если подобная пакость явится не во сне, а наяву? И ведь случилась эта оказия в первый же день, в который кортеж едва успел отдалиться от лаписских ворот с уже подсохшим кровавым пятном от снятой птицы, прошел через узкую теснину Холодного ущелья, миновал неприступные бастионы граничной крепости Ос с шишкой сигнальной башни над скалами, оставил за спиной ленту заледеневшего подъема в горы и Гремячий каменный мост через Малиту, вышел на приречный тракт, и на тебе – висельники тут как тут. Болтаются на закопченных с давнего лесного пожара соснах. Ни ардууские, ни лаписские: те далеко, а из этих вроде никто не пропал, разве только деревеньку одну оползнем накрыло с месяц назад на склоне, но все, кто там погиб, под камнем со льдом и остались. Так что явились мертвецы на пути кортежа ни из-под суда, ни из-под грабежа, а с неясным намеком. Свежие, чуть примороженные, без тлена, но без одежды, без лиц, лишь с кровавыми пятнами вместо них, да с волосами, опаленными в корень. Один справа, другой слева, ни колдовства, ни пометки какой на телах, разве только следы срезанных пут на руках и на ногах, и все это с явным намеком – смерть близко. Мухи уже вились – день-два, и поползет запах мертвечины или в сторону Кирума, или Лаписа, или за реку в сторону Фиденту. В другое время кортеж бы развернулся, пошел иной дорогой, либо встал и ждал, пока будут сожжены трупы да очищена, выверена земля на сто шагов во все стороны, но времени не было, никто не задержит ардуусскую ярмарку ради суеверий лаписского короля. Да и где ж другая дорога из лаписской теснины об эту пору? Все-таки не лето, весна только пыжится, снег и лед властвуют на горных тропах. Или через Фиденту окружной путь закладывать? И вот уже шесть дней миновало, а словно тяжкий груз придавил каждого из отряда, разве только наемники раскатывались гоготом время от времени в его хвосте.

Кама – младшая дочь короля Лаписа – стройная семнадцатилетняя девчушка с копной темных с медным отливом волос, мягкими чертами лица и твердым взглядом, в котором, по слухам, утонул не один молодой лаписский воин и в будущем были обречены утонуть молодые воины всей Анкиды, привычно пробежала пальцами по поясу, проверила ножи, крепление меча, край небольшого щита, притороченного к седлу, сумку с кольчужницей, ощупала застежки жилета из сыромятной кожи. Что-то неясное не давало девчонке покоя. И не боль, которая еще с вечера ударила в живот, согнула ее пополам, едва дала отдышаться, а теперь подступала к горлу. Боль, которая всерьез обеспокоила ее мать, хотя и не заставила Каму остаться со стражей на последнем постоялом дворе. Что-то иное, внешнее, чужое. Опасное и неотвратимое. Столь страшное, что не только недавняя тошнота, но и жгущая изнутри радость от скорого свидания с тем, кто занимал сердце девчонки, меркла. И ведь всю неделю, с того момента, когда увидела распятую птицу, и еще сильнее со скрипа горелых ветвей под тяжестью висельников, будущая радость справлялась с ожиданием неприятностей, ночью справилась и с накатившим недугом, и вот, когда путь уже иссякал, словно и сама иссякла. Так может, не справилась? И предчувствие беды – всего лишь следствие обычной тошноты? Или тошнота сама по себе, мать говорила, что случается подобное, хотя и Кама не маленькая девочка, чтобы пугаться глупостей, а тревога сама по себе? Ведь не ветер же развешивал мертвых птиц на воротах и висельников на ветвях? Нет, это сделал какой-то негодяй, который если и не желал смерти никому в Лаписе, то уж никак не насылал на горное королевство благоденствие и покой. Ничего, все откроется. Мать говорила, что ничего нельзя скрыть. Если жизнь подобна книге, то, переворачивая ее страницы, неминуемо видишь обратную сторону прочитанной. Однако невелика радость – узнавать причины горести после того, как несчастье уже произошло. Вот уж не хотелось бы никакой беды, лучше недуг, чем еще какое несчастье. Тем более что с недугом Кама справиться могла. Да и что там справляться, амулеты Окулуса свидетельствовали, что яда нет, болезни нет, просто так сошлись звезды, значит, скрипи зубами, думай о чем-то другом, а не о собственном животе, да хоть о той же померкнувшей радости или о пройденной почти до конца дороге. Кама снова обернулась, скользнула взглядом по хмурым лицам настав-

ников, прищурилась, вглядываясь в сияющие белым вершины. Вновь задумалась о том, о чем думала с самого утра.

От Лаписа до Ардууса двести лиг пути, которые теперь уже остались, считай, за спиной. Напрямик, через ардуусский кряж, пастушьими тропами – ближе, лиг сто пятьдесят, но той дорогой в распутицу не только конный, но и не всякий пеший проберется, тем более что снег еще лежит на перевалах, горные приюты пусты, а на большую весеннюю ярмарку, да еще на столетие союза девяти королевств следовало отправляться всем семейством, что и случилось, несмотря ни на какие приметы, благо было на кого оставить хозяйство. Средний брат короля Латус не слыл любителем ярмарочных забав, ему хватало любви к винному погребу, в котором томились бочки с лучшим тиморским квачем. Однако не стоило думать, что пристрастие к крепким напиткам могло лишит казначея и первого королевского советника ума или чести. Честь Латуса не смывалась никаким вином, а помрачнение ума случалось нечасто и обычно благополучно проходило к первому после возлияния утру. К тому же за казначеем присматривали сразу двое: королева-мать – старуха Окка, и ее старшая дочь, обладательница того самого сонника, – Патина Тотум, которую не то что Латус, сам король Тотус остерегался, и которая уж точно была опаснее любых висельников.

Следовало добавить, что побаивались Патины не только ее братья. Вся королевская челядь страшилась ее пуще огня и провожала счастливых, отбывающих вместе с королевским выездом в Ардуус, с нескрываемой завистью. Патина Тотум, единственная из пятерых отпрысков королевы-матери, не связала себя узами брака. Ее четыре с лишком локтя роста, широкие плечи, грозный рык и стальной взгляд внушали ужас не только слугам и робость всем возможным, ныне уже забытым женихам, но и многочисленным племянникам и племянницам. Вряд ли Патина так уж радовалась собственному безмужеству, но со временем убедила себя, что, отправив в Ардуус невесткой младшую сестру Куру, никакой возможности устроить собственную судьбу сама себе не оставила, потому что из трех ее братьев старший Тотус, надев на себя корону, перестал видеть то, что творилось у него под носом, младший Малум с рождения слыл изрядным пройдохой, а средний Латус при всех своих уме и чести был чересчур мягковат, не следовало оставлять королевство на такого увальня даже на недолгий срок. Да и его здравомыслие вызывало сомнения. Уже то, что двадцать два года назад Латус связал жизнь с сестрой почтенного Салубера Адорири – короля Утиса, у осведомленного подданного любого атерского королевства вызывало если не оторопь, то изрядное удивление. Пустула Адорири еще в девичестве слыла воплощенной мерзавкой, во всяком случае, она была способна испортить настроение кому угодно, даже не сказав ему ни единого слова. Хватало взгляда, в котором всякий мог отыскать собственный сорт отвращения, а то и ненависти. Поговаривали, что даже комары не кусают Пустулу, потому как кровь ее наполнена ядом. Змеи, после ее появления в королевском замке, куда-то подевались! Ядовитые пауки исчезли! (Не потому ли хозяйственная Патина отчасти благоволила жене среднего брата? И еще интересно, как Латус сумел зачать с Пустулой двоих детей? Сонным снадобьем ее опаивал, что ли?) Во всяком случае, если Латус Тотум и хотел почти на месяц избавиться от выпавшего ему утисского счастья, лучшего повода придумать было невозможно; вечно недовольная всем и всеми, его супруга ярмарку пропустить не могла. Где еще встретишь сразу всех близких и дальних родственников, похвастаешься новыми одежаниями, поделишься сплетнями да изойдешь желчью в ответ на чье-нибудь хвастовство? Да и детишек пора было пристраивать, понятно, что измельчал по этикету приплод – крови королевской, но второго ряда, так что делать? И королевским детям не век в принцах числиться. А в маленьком Лаписе, как головой ни крути, вокруг только близкие родственники. Куда же податься, как не на ярмарку? Где еще бродят знатные женихи да невесты с тугими кошельками? А для кого-то, у кого на лбу брезжат отсветы возможной короны, но собственный род недостаточно знатен, и не слишком богатые дети Латуса Тотума могут показаться выгодной партией.

Так, во всяком случае, Пустула объявила мужу, змеиным шипением пресекла вопрос об очевидном малолетстве наследников и взяла детей с собой. К их, впрочем, недолгой радости – оба ее отпрыска – сын Дивинус и дочь Процелла седьмой день тащились вместе с матерью в хвосте отряда. Неужели Пустулу прельщал запах пота, которым исходили наемники? Или ушлая невестка королевы-матери не хотела вляпываться во всевозможные дорожные истории, надеясь на воинское умение дозорных? Но приметы не разбирают, на кого ложиться карой или немощью, на тех, кто сопровождает короля в голове отряда или изображает почтение королю в хвосте.

Кама оглянулась. Даже издали, а хвост отряда отстал от его головы изрядно, в глубоком вырезе платья Пустулы сияли драгоценные камни. И ведь словно не зябла мерзавка на холодном ветру, смеялась под взорами воинов так, что и в середине кортежа было слышно! Конечно, взгляды наемников привлекали не камни, но ведь не жадных взглядов и скабрзных шуток не доставало Пустуле? Или именно они согривали невестку короля? И ей все равно, где черпать недостающую ласку? Конечно, дурная слава бежала впереди вельможной дамы, найти воздыхателя среди почтенных ашаров и тем более кураду ей вряд ли было суждено, но мало ли простых воинов, умевших держать язык за зубами, служили утешением знатных вдовушек или неверных жен? Хотя в Лаписе такого воина Пустула бы вовек не сыскала, может быть, поэтому крутилась среди наемников Малума? А не пожалеет ли она потом? Да, каждый из свеев-дозорных был сильнее и быстрее едва ли не любого воина короля Лаписа, но каждый показался Каме с первого взгляда опаснее дорожного грабителя. Не по силе и разбойной сноровке, по черноте, которая словно просвечивала через их бледную кожу. Нет, они были не ахурру, как называли среди атеров и каламов воинов-наемников, а врагами, аху. Просто пока это никому не было известно, кроме Камы. Она всегда все видела раньше других.

Принцесса зажмурилась, с трудом перенесла новый приступ тошноты. А ведь она и в самом деле всегда все видела раньше других. Так же, как ее мать. Может быть, и недуг донимает ее именно поэтому? Боль комом поднялась к горлу и, словно раздвоившись, одновременно с этим спустилась ниже, в сердце. Камнем тревоги охладила грудь. Странно, что не тогда, когда висельники замаячили перед отрядом, а только теперь. Как будто лучший оружейник Лаписа сумел заключить в свинцовый слиток кусок льда и это ледяное чудо поместил в грудь самой быстрой, самой сообразительной и самой красивой девчонки из молодых Тотумов. Именно так, самой быстрой, самой сообразительной и самой красивой. Затвердить и не забывать. К чему скромность, когда речь идет о цене собственного счастья? Или король не говорил дочери, что если бы у него и не было сокровищницы, то она появилась бы сама собой с того мгновения, как его дочери – Камаене Тотум – была выделена отдельная комната? Так что нарисовать в голове точные руны и прочесть их отчетливо и четко. Выучить и повторить. Чтобы избавиться от дрожи в коленях при виде того самого, кто заставил ее дрожать всем телом. Повторить. Только не вслух, а про себя. Самая быстрая, самая сообразительная и самая красивая из всех Тотумов. И не только. Что не только? Демон ее раздери! Что с ней происходит? Ведь мать, которую Кама числила образцом, приучила дочь к словесному воздержанию, да и равнодушна была до недавних пор она и к собственной красоте, и сообразительности? Знала все про себя, не оскудел королевский замок зеркалами, и строгость наставников не оборачивалась их немотой, когда Кама демонстрировала доблесть в науках, но ведь никогда не кичилась собственным совершенством? Оттачивала мастерство и способности, сберегала умение, таила таланты, и вдруг самая, самая и самая? Неужели все это безумие в голове из-за одного взгляда крепкого парня? Или всему причиной холод в груди?

Кама закрыла глаза, опустила руки, впустила в себя ветер. Привычное к седлу тело само удерживало равновесие. Гнедая не нуждалась в понукании. Куда же исчезло спокойствие принцессы? Спокойствие и уверенность, где они? Что с нею происходит? Еще вчера была безразличной к самой себе или казалась безразличной, хотя и понимала, что судьба распорядилась

способностями королевы странно, передала большую часть ее силы, ловкости, быстроты, способности к магии только ее старшему сыну Игнису и четвертому ребенку, Камаене. Интересно, как же так вышло, что у королевы-матери пятеро детей, трое сыновей и две дочери, и пятеро детей у ее старшего сына, тоже трое сыновей и две дочери? И двое из них – особенные. Мать никогда не выделяла никого из своих детей, но Кама это чувствовала, как чувствовала бы крылья, вырасти они у нее за спиной. Хотя разве была дурнушкой или неумехой Нигелла? Или отличался глупостью толстяк Нукс, которого Окулус ставил всегда прочим воспитанникам в пример? Да и что можно было сказать о младшем королевиче – Лаусе, всеобщем любимце, копии собственного отца? Десять лет – слишком малый возраст, чтобы оценивать ум, силу или быстроту. В этом возрасте ум питается, а не питает, силу не меряют, потому как прибывает она ежеминутно, а быстроты хватает всем. Вон, дочь Пустулы, Процелла, так быстра, что порой Кама с недоумением косилась на ее мать, должна же была девчонка унаследовать от кого-то свои таланты, если отец Процеллы сущий увалень? Странное дело, что у такой ведьмы получились вполне приличные дети. И если семнадцатилетний Дивинус чем-то напоминал не слишком расторопного отца, то четырнадцатилетняя Процелла, за неимением достойной прямой наследственности, явно впитала в себя все лучшее от двоюродных братьев и сестер. Или кто-то из Адорири бросил нитку достоинства и доблести белобрысой (в бабу-лаэтку) племяннице через голову ее мамы-ведьмы? Или же наставники постарались? Вылепили из негодного что-то приличное? Тотус Тотум нанимал лучших. У короля пятеро детей, у его среднего брата двое, да у младшего один сын – красавчик Палус. Вот же опять загадка – его мать, Тела Нимис, лаэтка из Раппу, сестра тамошнего покойного короля, для Камы была лучше любой подружки, даром что ей уже за сорок лет отстучало, а сын пошел в отца, такой же скользкий и гадкий. Что Малум Тотум был горазд отпустить грязную шутку в спину любому, что его единокровный любимчик Палус. Что папочка смотрел на всех с ехидной усмешкой, словно нож готовился всадить в живот, попробуй только зазеваться, то и его сыночек. Хорошо, что его нет в отряде. Тела еще пару недель назад отбыла в Ардуус вместе с обозом, слугами, лучшими оружейниками и прочими мастерами Лаписа – ярмарка не только потеха, нужно и лучшие места для королевских ремесленников загодя занять и обустроить, да и присмотреть, чтобы в снятом для королевского семейства богатом доме все было в порядке. Кому еще мог поручить такое дело король, разве что жене или старшей сестре, но на старшую сестру оставлено королевство, а жене место рядом с мужем. Так что никто, кроме Телы, не мог с этим поручением справиться. И хвала всеблагому Энки, что она забрала с собой собственного отпрыска. Может быть, столкнется он в Ардуусе со своей двоюродной сестрой Лавой, дочерью Куры. Точно схлопочет между глаз, у той не задержится, она не то что слово, взгляд может счесть оскорбительным. Кама тоже и взгляда поганого не стерпит, не станет ждать грязного слова, на первом звуке любую пасть заткнет, но обещала ведь, обещала и отцу, и матери, что будет сдержанной в поступках? Будет, куда же деваться, не убивать же Палуса, хотя иногда казалось, что ничто, кроме смерти, не может исправить мерзавца, точно так же, как его папочку. Тому бы, кстати, не с Телой Нимис сойтись, а с Пустулой, вот была бы ядовитая смесь, но Малум словно вовсе не интересовался женщинами. Все не наиграется со своими наемниками. Хотя и Кама нет-нет да бросала на них взгляд. И ведь было на что посмотреть, было. Двадцать светловолосых верзил были похожи друг на друга, как братья. Ни одного лаэта, все с севера, и управляться горазды не с мечами, а с топорами, и ходят так, словно половину жизни провели в рыбацких барках, говорят с акцентом, горланят иногда что-то на своем, на непонятном, словно гуси на королевском дворе гогочут. Смеются они над Пустулой или хвалят ее? Та-то словно расцветает от чужеземного гогота, и так вырез на ее платье едва ли не до пупка, так еще шнуровку ослабила, волосы распустила, шестой день держится среди подопечных вельможного деверя. И детей там же морит. И что не отпустит несчастных в середину отряда? Что там в хвосте, кроме ехидной улыбки Малума и жадных взглядов его дозорных на ее грудь и бедра? Хочешь позабавиться,

забавляйся, но детей отпусти под надзор строгого дядьки-воспитателя Сора Сойги. Если уж мастеру оружия не доверять, то никто доверия не заслуживает.

Кама открыла глаза, поймала строгий взгляд Сора, отметила едва приметную улыбку – клыки дакита блеснули над нижней губой, ответила похожей улыбкой, но без клыков, откуда они у дочери атера и лаэтки, хотя могли и проявиться звериные черты, разное гуляло в крови у королевы, и принялась озираться. Гнедая шла ровно, комок тошноты и лед в груди приутихли, подчинились усилию воли шустрой девчонки, а тело ее было привычно к верховой езде сызмальства. Королевская стража вместе с венценосными следовала впереди, опасность она бы не пропустила, оставалось не забивать голову всякой шелухой, а любоваться видами ардаусского кряжа, что вставал по правую руку от дороги, отливая черной, едва отошедшей от снега землей, словно отвалы у замкового рва, да туманом, ползущим со стороны реки Малиту и Кирума, а то и от самой Светлой Пустоши, ужасней которой, как говорили в Лаписе, немного мест найдется в Анкиде, да и во всей Ки. Скоро уже покажутся башни Ардууса, скоро. Поднимется ввысь крепостная стена, что отделяет самую большую и самую плодородную долину с этой стороны гор Балуту от равнины, за которой только нечисть и смерть. Неспроста с этой стороны стены от деревни до деревни не один десяток лиг, а с той, едва минуешь город, начинается сразу с десяток селений и каждое следующее на околице предыдущего. Только к чему Каме ардуусские деревни, если в самом городе ждет ее встреча с тем, о ком она думала весь прошедший год? Сколько осталось до счастливого мгновения? День, половина дня, два дня? Ведь не побежит она к тому, кто и знать не знает о ее чувстве? Или побежит? Когда же? Последнюю деревню миновали с час назад, вокруг перелески да поля, ждущие плуга пахаря. Скоро. Эх, в прошлые времена стражники непременно затянули бы какую-нибудь песню, а теперь даже лошади не стучат копытами, а словно крадутся...

Сразу за королевскими стражниками правил конем старший сын короля Игнис. Принц, по которому сохло не менее десятка принцесс, в отличие от Палуса, обходился без брезгливо выпяченной губы и презрительного прищура глаз. Не было добрее парня среди молодых атерских, да и араманских королевичей, причем его доброта сочеталась не только со статью и умом, но и с внутренней твердостью, к воспитанию которой были причастны и мать с отцом, и тот же Сор Сойга. Сегодня черные волосы принца были взлохмачены, подбородок не брит, а глаза – мутны. Игниса, судя по кислому виду, тоже мучило недомогание, но скрывать это, как его сестра, он даже не пытался. За ним следовали девятнадцатилетние двойняшки Нигелла и Нукс, а уж следом тащился на молодой кобыле младший из Тотумов – Лаус. Время от времени Лаус спускал затвор маленького самострела. Механизм срабатывал со звонким щелчком, мальчишка специально выдернул из него кожаную прокладку, и белая лошадь Нигеллы всякий раз испуганно взбрыкивала. Лаус закатывался в хохоте, его старшая сестрица оборачивалась, чтобы призвать на голову мальчишки несчастья и неудачи, но затем вновь продолжала ту самую песню, которую тянула шестой день и из-за которой Кама уже была готова растерзать сестрицу.

Нигеллу интересовали женихи. Она перечисляла всех неженатых отпрысков королевских домов, отзывалась о каждом, иногда мечтательно закатывала глаза, затем переходила к списку незамужних принцесс, теперь уже время от времени скрипя зубами. Толстяк Нукс прислушивался к ееговору, но скрипел зубами именно тогда, когда его сестричка вздыхала, а вздыхал, когда раздражалась она. Да, конечно, от Пустулы Тотум было немного пользы, но важность ее присутствия в королевском замке Лаписа недооценивать не стоило. Именно Пустула примером собственного мужа дала понять каждому из молодых отпрысков рода Тотумов, что к вопросу выбора будущей жены следует подходить со всей ответственностью. Каждому, но не Нуксу. Нукс, вместе со всей своей сообразительностью и прилежанием в науках, не слишком часто думал о будущей женитьбе, потому как чаще всего думал о еде, так что за ним следовало держать глаз да глаз. Но как раз теперь он думал именно о женитьбе, потому как прилип к Нигелле, словно вымазанная в смоле шишка, да и еда, в виде мешка сушеных с медом слив, висела у него

на груди. Неизвестно, что творилось у него в голове, но скорее всего то же самое, что и за столом, потому как особенно горестно Нукс вздыхал, когда Нигелла перечисляла невест, которые, как помнила Кама, отличались некоторой полнотой. К тому же толстяк не только вздыхал, но и пускал при этом сладкую слюну, всасывая ее в себя обратно вместе с очередной сливой. Ведь вляпается братец, вляпается точно так же, как его дядюшка Латус! Конечно, подобных Пустуле среди невест королевского рода как будто не осталось, но так кто же их знает, с виду все кувшинчики золотые, но пока крышку не снимешь, в котором самоцветы, а в котором сушеное дерьмо – не определишь. Нигелле бы не самой жениха подыскивать, а о братце позаботиться, но куда там, и думать о нем забыла, да и Кама, которая не просто так вспомнила о собственных достоинствах, хоть и раздражалась, но ждала только одного, когда Нигелла произнесет заветное имя. Было отчего поерзать в седле. С прошлого года это имя жгло ее так, что будь она бумажным свитком, давно бы обратилась в пепел. На языке висело, сколько раз грозило слететь в ненужное время, так, что Кама уже язык прикусывать начала и только повторяла чуть слышно по вечерам в своей комнате: Рубидус Фортитер, Рубидус Фортитер, Рубидус Фортитер. Да-да. Сын короля Кирума засел в ее сердце. Да, ему уже двадцать пять, а Каме в прошлом году исполнилось только шестнадцать, но ведь Рубидус заметил ее тогда?

Заметил... Даже сказал какую-то глупость. Что-то вроде: «надо же, какая красивая звёрушка подрастает в доме Тотумов!» Принцессы и принцы, что ходили хвостом за красавцем Рубидусом, принялись хохотать, но Кама не обиделась. И на что было обижаться? Если где-то и обижались на сравнение с дакитами, то уж никак не в Лаписе. И дацитов имелось в достатке, и Сор Сойга, любимый наставник Камы, был дацитом, да и в самой принцессе текла частичка дацитской крови. А в жилах ее матери эта частичка была четвертинкой. А восьмушкой – кровь этлу, что вообще ни в какие устои не вписывалось. Это великанше Патине следовало числить среди предков этлу или Субуле Белуа, дочери короля Эбаббара, тоже ростом выше на голову почти любого, а в Каме, да и в Игнисе, ее старшем брате, ничего не было от этлу, кроме силы, которая приводила в изумление даже Сора Сойгу, дацитской быстроты да неутомимости. Впрочем, от дацитской крови происходил еще особый разрез глаз, форма скул и долгий срок жизни. «Долго будешь жить, – увещевал ее мудрый Сор, – очень долго. Дакиты долго живут. Жаль, только клыков у тебя нет, девочка, а то вовсе не было бы тебе равной по красоте».

«Долго буду жить и без клыков как-нибудь обойдусь», – думала теперь Кама и вспоминала рассказ о том, как однажды на такой же ярмарке ее отец, сам еще будучи лаписским принцем, вышел биться в доспехах против противника из Даккиты. Бился долго, умелым он был в фехтовании, но все равно проиграл. Каково же было его удивление, когда противником оказалась вельможная девица Фискелла Этли? Понятно, что результат поединка был отменен, потому что не участвуют девицы в таких поединках, с тех пор и на длину волос стали проверять смельчаков, шаря рукой под шлемом, но отец-то был сражен не на шутку! Отправился с караваном через страшную Сухоту в Даккиту и уломал шустрюю девицу стать его женой. А потом и королевой Лаписа. Может быть, и Каме следует поступить так же? А сможет ли она пробиться в турнир? А пробьется ли туда Рубидус? Нет, Рубидус-то точно пробьется, мало кто с ним мог сравниться в фехтовании, разве только Фелис Адорири – принц Утиса, племянник Пустулы, да Игнис – брат Камы? Но Фелис не участвует в вельможных турнирах, считает их баловством, а Игнис предпочитает борьбу, так что Рубидус неминуемо будет биться в финальной схватке, последние два года он в них и побеждал. А сможет ли она его победить? Сор Сойга говорил, что даже Игнис не должен быть уверен, что сумеет победить сестру. Он не всегда и побеждал ее, но Игнису двадцать один год, а Рубидусу двадцать пять. Будет трудно, и не только потому, что семнадцать лет против двадцати пяти. Не только потому, что Рубидус – умудренный схватками воин, не один год дозорным провел в Светлой Пустоши, а она сопливая девчонка. Сор Сойга учил ее, что нужно быть спокойной и холодной, так успокаивается вода в горной речке перед тем, как ринуться с водопада. Успокойсь тут, когда нутро

горит и лоно сжимается при одном упоминании Рубидуса. Может быть, как раз этот ледяной комок в груди выручит? А не благословенный ли Энки ей посылает лед в сердце во спасение и для спокойствия духа? У королевы-матери пять детей, у ее старшего сына – тоже пять. Мать Кама победила будущего мужа в безымянной схватке, и она – ее дочь – должна победить своего избранника. Победить, чтобы потом подчиниться. Взять силой, чтобы затем отдаться без боя. Значит, единственный сын короля Кирума против одной из многих Тотумов? Но нужно выйти безымянной, с ярлыком кураду. Где же взять ярлык? Разве только у Малума, но ведь рассказать ему все придется, душу открыть, а это еще противнее, чем, к примеру, целоваться с Пустулой, хвала Энки, не приходилось пока делать ни того, ни другого. Но даже если она найдет ярлык кураду, рука устроителя неминуемо заберется под шлем, ощупает затылок... Что делать с роскошными волосами? А если именно ее волосы и заставили обратить на нее внимание Рубидуса? Кстати, а пошли бы Кама светлые волосы? Хорошо или плохо, что цвет волос она унаследовала от отца? И что сделает с нею мать, если узнает, что ее дочь лишилась роскошных волос? И сможет ли она, Кама, дойти в турнире до Рубидуса, ведь и прочие участники турнира куда как не новички в фехтовании...

– Стой! – донесся голос стражника.

Отряд остановился мгновенно. Заблестели обнаженные клинки, заскрипели самострелы. Если бы загудел рожок, женщины и дети стали бы натягивать кольчужницы, а стражники, которые в пути только кольчужницами и обходились, подхватили бы притороченные к седлам щиты. Только наемники Малума всю дорогу провели в полных доспехах, но то их привычки, мало ли кто и как с ума сходит после дозора у Светлой Пустоши? Но рожок не загудел, поэтому и кольчужницу вытаскивать из сумы не было нужды, да и строго следовать отведенному месту в походном строю – тоже. Что же там случилось, ведь до Ардууса осталось всего ничего? Последний лесок сгустил кроны по правую руку от дороги, точно, вон остовы родовых каламских башен, словно редкие стариковские зубы, на гребне увалов, если к ним подняться, то и ардуусские башни разглядишь.

С трудом сдерживая желание выдернуть из ножен меч, Кама подала лошадь вперед. Миновала Нигеллу и Нукса, Игниса, который все еще боролся с тошнотой и посмотрел на сестру мутным взглядом, отряд стражников, приставленный к королевским детям. Поймала встревоженный, но тут же ставший спокойным взгляд второго мастера королевской стражи – Вентера. Что ж, и тревога его была понятной, и сменившее ее спокойствие. Сор Сойга правил лошадью за спиной непоседливой девчонки. Тут уж и думать не приходилось о ее безопасности, дакит бы расправился со всяким, кто только замыслил бы подобное.

Король, королева, десяток лучших стражников стояли перед ободренным молнией кедром. В былые времена под ним семейство Тотумов делало последний привал перед Ардуусом. Сегодня привал не планировался, но отряд остановился. Королевский маг Окулус, поблескивая лысиной, вычерчивал на очищенной от льда и прошлогодней хвои тропе какое-то заклинание, старший мастер стражи Долиум грозно вращал глазами.

– Ну что там? – раздраженно бросил король.

– Сейчас, Ваше Величество, – смахнул пот со лба Окулус дрожащей рукой, на одном из пальцев которой мерцал зеленоватым отсветом, расходуя драгоценный мум, охранный перстень. – Магия какая-то есть, но я пока не могу разглядеть...

Магия и в самом деле имелась. Кама ее почувствовала сразу. Она никогда не была особой умелицей в сплетении заклинаний, но в их распознавании с нею не мог сравниться никто. Магия таилась впереди, среди низкорослого ельника. Но кроме странной, непонятной магии, там не было никого. Хотя чей-то взгляд присутствовал, но не там, не оттуда было устремлено напряженное внимание, а откуда-то справа. Даже не от башен. С гор. Издали. Внимательный взгляд. Без злобы, но с любопытством. И с тревогой. Может быть, даже с опаской.

– Насторожь в двух сотнях шагов, – наконец не удержалась Кама. – Засады нет.

– Нет, Ваше Высочество, – закивал головой Окулус. – Но насторожь странная. Вроде ловушки. Только и ловушки нет. Петля будто есть, но без силка. С вестью. Не опасная вроде. Потому как не против человека, а против магии, а какая тут у нас магия? Наговор против наговора? Вроде вот этого перстня. Но колдовать против такого перстня все равно что с тараном на нищую хибару выходить. Нет магии у нас в отряде. Так что не на нас насторожь. Хотя не уверен... Но мума на эту забаву было потрачено изрядно.

– Может, король Ардууса вещалки расставляет, Ваше Величество? – сморщил нос Долиум.

– Никогда не расставлял, а тут начал? – стиснул зубы король. – С чего это вдруг? Ну что, третья примета?

Окулус побледнел. Белый ворон, потом висельники, теперь магическая ловушка. Правило трех примет обозначало не просто угрозу, а обязательную смерть. Неотвратимую кару судьбы. Правда, смерть смерти рознь, иногда от большого можно откупиться малым. Смерть какого-нибудь мула – ведь тоже смерть? Другой вопрос, что судьба сама выбирает, что для нее большое, что малое.

– Нет, Ваше Величество, – пробормотал маг. – По сути, наука о приметах наукой не является, потому как непознаваема, а все непознаваемое есть морок или обман. Но даже если взять за основу, что приметы есть суть знаков судьбы...

– Изъясняйся короче, Окулус! – поморщился король.

– Простите, Ваше Величество, – изогнулся маг. – Нет третьей приметы. Нарушено правило подобия. Первые две приметы не были связаны с магией, к тому же обе они не являются приметами, потому как явно подстроены, то есть являются игрушкой стороннего замысла, а не проявлением знаков судьбы...

– Вот, – поднял палец король. – Слышишь, Долиум?

– Да, Ваше Величество, – постарался подобрать живот старший мастер стражи.

– Явно подстроены, – продолжил король. – То есть из одного костра прыгаем в другой. Судьба, выходит, нам благоволит, но имеется сторонний злоумышленник. Или даже два, если ворон и висельники – две неудачные шутки двух неудачных шутников, незнакомых друг с другом. А третьим шутником прикинулся какой-то колдун. Что делать-то будем, если наш маг не в силах разобраться с чужими магическими ловушками?

Король посмотрел на королеву. Та улыбнулась, но явно была встревожена. Окулус же вовсе побелел. Старик не был слишком хорошим магом, но служил в замке еще при отце короля, и чего не мог добиться талантом, брал упорством и усидчивостью, к чему приучал и королевских детей. Но всякий раз, когда имел дело не с книгами и свитками, а с огнем, землей, водой и воздухом – робел и терялся.

– Так, может, объехать это место, Ваше Величество? – осторожно предложил Долиум.

– Нет, старина, – покачал головой король. – Или мы не настолько сильны, чтобы рвать поставленные на нас силки? На то и расчет, что мы объедем, иначе бы это заклинание не светило за две сотни шагов, даже я чувствую магию. Сворачивать не станем. Но сначала надобно приглядеться к насторожи. Хотелось бы знать, чьих рук дело? Кто из магических орденов или еще каких умельцев замышляет против нас? Сторожевая магия без ярлыка запрещена в Ардуусе. Понял, колдун?

Окулус судорожно закивал и полез на мула.

– Камаену возьми с собой, – добавил король и успокаивающе коснулся руки жены. – Если кто и разглядит что-то там, то только она. Вентер! – обернулся он к приблизившемуся второму мастеру. – Проследи!

Сору Сойга напоминать об охране принцессы не приходилось.

Прошлогодня хвоя шелестела под копытами лошадей, из-под еловых ветвей языками высывался потемневший снег. Кама даже взмокла, всматриваясь в молодой ельник, хотя Вен-

тер был рядом, не упустил бы ни самострела, ни засады, да и Сор держался поблизости. Но засады не было, хотя тонкая, едва приметная нитка заклинания и в самом деле тянулась от насторожи куда-то в сторону гор. Далеко тянулась. И само заклинание было искусным, куда там Окулусу. Хотя именно он говорил, что не то умение делает мага высшим мастером, которое способно обратить в руины крепость, а то, которое может пронзить ее тонким лучом и уничтожить врага, не тревожа камень. Однако зачем такое умение, если можно разрушить крепость? Да и есть ли такие маги? Кама оглянулась. Отряд стоял на месте, не двигаясь, между тем четверка понемногу поднималась по склону.

– Здесь, – сказал Вентер.

Из-под куста можжевельника тянулись, подрагивая, кожаные ремни. Между забитыми в землю кольями на заледенелом и полустертом рисунке был распят молодой волк. Глаза животного туманились болью и ненавистью, из горла доносился едва различимый хрип, шерсть на загривке стояла дыбом.

– Мум, – потрясенно прошептал Окулус. – Мума тут много, очень много. Много муки, много мума. Плохой мум ведь тоже мум? Зачем столько?

Кама зажмурилась. Мум, без которого не обходилось ни одно заклинание, конечно, если его составитель сам не был истинным магом и не полнил колдовской замысел силой из собственных рук, здесь плескался через край. Выструганные из горького дерева – осины – палочки были забиты во все суставы животного. Магический рисунок, вычерченный между кольев, который венчал обреченный на муки зверь, был готов к выбросу силы. Неужели все это только для тонкой, едва приметной линии-нити, что все так же уползала в скалы? Ведь лиги на три или четыре, не меньше. И там, на ее конце, таился кто-то неизвестный. Чего он хотел? Все-таки крови или известия? Зачем столько силы? Для вести хватило бы и сотой, тысячной ее части. Против какой магии эта насторожь? Если бы она была нацелена на колдуна, то его бы испепелило за сотню шагов. Но нет колдуна в кортеже, разве Окулус колдун?

– Ну что там? – спросил раздраженно Вентер у ползающего на коленях по хвое Окулуса. – Король ждет.

– Не могу определить, – признался маг. – Это не заклинания орденов огня, воды, земли или воздуха. Или я о нем не знаю. И вроде бы не заклинание храмовых магов. Никого из них. На вид, просто вестеносец. Внизу тропа. Видишь? Морда волка обращена на нее. Когда мы пересечем линию его взгляда, заклинание отправит весточку, что семейство короля Лаписа близится к Ардуусу, хотя удар должен быть... Должен быть удар, Вентер. Вот эти линии говорят об ударе... Об ударе особой силы... Но кто его цель? Какая-то магия? Нет никакой магии в свите короля. Так что я не уверен, что заклинание выстроено именно на правителя Лаписа... Но что-то его взвело. Оно было едва заметно, может быть, вовсе незаметно, но когда мы приблизились... Посмотри, Вентер, осиновые палочки пустили корни. Муки животного усиливаются. Так что, хотим мы или не хотим, заклинание сработает. Даже если король не двинется с места. И вот еще... Вроде бы оно не направлено на живое. Не могу разобрать, не могу... Не мой же перстень его разбудил? Нет, кажется, все-таки это только вестница...

– Все сложнее, – подал голос Сор. – Приглядишься, маг. Трубочки бересты на каждой лапе волка. Что вычерчено на их внутренней стороне? Разве ты не слышал, что магическая ловушка способна наделить магией жертву только для того, чтобы затем испепелить ее? Такие насторожи не только вести отсылают, они подобны самострелу!

– Самострелу? – не понял Вентер. – И чем выстрелит этот волк? Прикушенным языком? Или собственными когтями? Или камнями, которыми забита его пасть? Тропа, куда смотрит эта зверюга, здесь в двух десятках шагов, но до отряда их еще двести! А перед нами полудохлая псина. Король Тотус с ножом выходил против горного барса! Он же сказал, что мы должны рвать поставленные силки! Или мы боимся? Войны никакой нет, через лигу стоят дозоры. Ни один сторожевой дым не чернит небо!

– Так-то оно так, но... – затосковал Окулус. – В самом деле береста на лапах... И камни во рту волка мне не нравятся. Не могу разглядеть, но что-то начертано и на них.

– Так вытащи их и прочти! – повысил голос Вентер.

– Нельзя, – сгорбился Окулус. – Сожжет меня, вмиг сожжет. Всегда бьет в того, кто управляет с мумом. А мне не снести удара, я не орденский маг.

– А что делать, чтобы не сожгло? – скрипнул зубами Вентер.

– Может быть, убить животное? – попятился Окулус. – Весточка отправится, конечно, но король ведь сказал, что мы должны рвать силки? Да и двести шагов еще до отряда. Это далеко!

– Так убей! – рявкнул Вентер.

– Что-то свербит внутри, – признался Окулус. – Мы-то не за двести шагов... Лучше бы объехать. Думаю, пару лиг в сторону, и все обошлось бы. На вид заклинание простенькое, но простота его, как простота лаписской стали – нет прочнее ее в Анкиде.

– Да хватит уже болтать! – спрыгнул с лошади Вентер. – Двести шагов – далеко, а объезжать, так за пару лиг!

– Закройся! – прошелестел над ухом Кама Сор.

Заклинание и в самом деле казалось простым. Да, силы оно накопило предостаточно, зверь мучился несколько часов, и осиновые колышки добавили ему муки, и камни тоже были непростыми, но главным все же казалось не это. Сквозь простоту магического плетения и весть, которая невидимо висела на заклинании, словно готовая сорваться капля росы, и в самом деле проглядывало еще что-то. Что-то, что заставило Каму оцепенеть, а затем собраться и медленно свернуться клубком. В собственной голове свернуться, подобрать под себя лапки, как это делает оставленный под елкой зайчишка. Прижаться к траве, замолчать, затаить дыхание и, словно перед ударом урагана, вцепиться в то, что было поблизости, в собственную гнедую. Прильнуть к ней, попросить у нее защиты, соединиться с животным в одно целое. Так, как ее учил Сор, учил Окулус и ее собственное, до конца еще не понятное и не исследованное нутро.

– На! – ткнул мечом в загривок волка Вентер.

И в то же мгновение меч мастера заледенел, да так, что Вентер заорал, не в силах его отодрать от ладони, а затем из раздираемой пламенем пасти зверя ударили две молнии – одна в Каму, а другая прочертила слепящий зигзаг в сторону отряда, и уже оттуда донесся страшный, наполненный мукой крик Игниса.

– Энки, пресвятой благодетель! – судорожно обхватил себя за плечи Вентер.

– Молодец, – протянул руку девчонке Сор.

Кама на дрожащих ногах поднялась с тяжело рухнувшей лошади. Молния скользнула по ее груди, но странным образом не задела, только слегка обожгла кожу, оплавив оловянные пуговицы на жилете и убила гнедую. А вот Окулус не уцелел. Смерть отыскала дорогу к сердцу старого и не слишком умелого мага.

– Игнис! – закричала что было сил Кама.

– Жив! – раздался со стороны отряда испуганный голос Нукса.

Застучали копыта. Стражники торопились вверх по склону. Кама на дрожащих ногах подошла к настоорожи. И волк, и береста, и камни в пасти зверя обратились в прах. Только четыре колышка с обрывками ремешков торчали из обожженной земли. Окулус лежал рядом с выпученными перед смертью глазами. От обуглившегося пальца, на котором блеснул оплавившийся перстень, поднимался дым. Пахло паленой плотью.

– Вот ведь, – сплюнул Вентер, потирая обмороженную ладонь. – Вечно все так с этой магией... Лучше бы и вправду следовало объехать... Что ж делать-то? Придется вам, Ваше Высочество, теперь сидеть на муле бедняги Окулуса.

– Придется, – процедила сквозь зубы Кама.

Весть нашла цель. Далекий соглядатай торопился доставить ее по месту назначения. Сообщить, что заклинание не возымело успеха, не смогло выжечь то, что пробудилось в груди Камы и Игниса. Или смогло?

Глава 2

Игнис

Хозяин большого дома на Северной улице Ардууса, той, что совпадала с дорогой на Бэд-галдингир и на которой даже и в неярмарочные дни хватало народу, а в ярмарочные было не пройти, на все начало весны переселялся в дом к своему дальнему родственнику, где и теснился, потому что иметь большой дом в Ардуусе и не заработать на нем изрядное количество монет мог себе позволить только умалишенный или сказочный богач, которому плевать на ежегодный доход. Предки этого хозяина, который был весьма состоятельным даже для Ардууса, но никак не сказочным богачом и уж тем более не умалишенным, предпочитали красоте прочность. Они не ладили в доме причудливых барельефов и статуй, не украшали окна дорогими витражами или бронзовыми решетками, не подбирали вместо серого камня разные сорта мрамора или гранита и не пытались поднять потолки на такую высоту, что рассмотреть повисшую на балках паутину мог только провалившийся в щель между черепицами какой-нибудь птах. Нет, они строили дом из обычного камня, зато обтесывали его почти так же, как это умели делать древние каламы. Если же им приходилось использовать дерево, то этим деревом, по их мнению, мог быть только дуб, чтобы и через сто или двести лет не пришлось менять балки, столбы, рамы или тяжелые двери, и этот дуб обрабатывался так, что не уступал гладкостью отшлифованному камню. А уж стены и потолки, окна и дверные проемы устраивались таким образом, чтобы даже мысли не возникло в головах у чайных и нечаянных гостей, почему все сделано именно так, и никак не иначе. И странным образом эти самые прочность и простота, которые достигались надежностью материала и незатейливыми способами его соединения, оборачивались подлинной красотой, притягивали взгляд и селили в сердце каждого гостя симпатию и благоволение к дому и его хозяевам.

Почему-то именно об этом думал Игнис, который собрался перед главным турнирным днем отдохнуть, но наткнулся у дверей комнаты на любимую служанку, послушался не разума, а тела, и теперь ничуть не утомленный, что было странно, лежал в постели с горячим и преданным существом под боком и в неверном свете масляных ламп рассматривал дубовые балки над головой и точно такие же балки, укрепляющие стены, простое стрельчатое окно со стеклом в свинцовой раме, серый камень на стенах и на полу, жесткую черную шкуру калба, брошенную у постели, деревянную тумбу, жестяную чашу для умывания и грубое льняное полотенце над ней. Все это ладно складывалось одно с другим и создавало настоящий уют, о котором принц не задумывался в Лаписе, поскольку там все было привычным и удобным, и даже порой оборачивалось роскошью, но, как теперь казалось Игнису, в уют не складывалось. И все-таки стоило ему закрыть глаза, как перед мысленным взором проплывали именно картины Лаписа.

За сто пятьдесят лиг от родного дома и за шестнадцать лет от счастливого пятилетнего возраста Игнису казалось, что он снова проснулся в северном крыле королевского замка, сбросил на пол войлочное одеяло, опустил ноги на холодный камень и, кутаясь на ходу в теплый араманский платок, выбежал на галерею. Четырехугольные башни Лаписа тонули в тумане, стены блестели от утренней росы, и весь мир состоял из сырого камня, холодного ветра, шлепанья босых пяток, потрескивания углей в жаровне на главных воротах, кукарекания далекого петуха и плача на верхней галерее – маленькая Камаена не давала покоя матери. На углу галереи стоял дозорный, но сейчас он был только утренней тенью, это днем Игнис мог позволить себе поговорить со стражником и даже прикоснуться к рукояти его меча, сейчас он спешил. Только рано утром ему дозволялось встретиться с королем Синумом – собственным дедом, лицо которого покрывали такие мелкие морщины, что оно казалось затянутым в сеть. Наступит день, и тот будет занят важными делами, в которых нет места подрастающему принцу. Но рано утром дед принадлежал Игнису. Вот под пятками зашуршали шкуры, затем войлок, потом

опять камень – сорок ступеней, каждая из которых по колено маленькому Тотуму. Главное – не споткнуться и не упасть, а если упал, не заплакать, Синум не любит слез. Снова галерея, плач Камы стал тише, зато в лицо ударил ветер со стороны алеющих на заре вершин, и вот наконец башня старого короля, и он сам сидит в кресле, завернувшись в одеяло, и потягивает из серебряного кубка разогретое с травами и медом вино. Одеяло распаивается, Игнис забирается на руки к деду, прижимается к его широкой груди и уже в тепле начинает с ним уже-утренний разговор:

– Дед, а почему ты говорил, что крепость Ос, которая охраняет вход в нашу долину, построена каламами?

– Потому что так и есть. Она была выстроена древним народом, который жил до нас на этой земле. За пятьсот лет до великой войны. Две тысячи лет назад.

– А зачем была нужна крепость, если до войны оставалось еще пятьсот лет? – не унимался Игнис.

– Потому что, если бы не было крепостей, войны случались бы чаще, – бормотал дед. Его мучила бессонница и ломота в суставах, но внука он ждал каждое утро.

– А от кого должна была защищать эта крепость каламов? – сдвигал маленькие брови Игнис.

– От тирсенов, – объяснял дед. – Они хотели завоевать эти земли. Прошло время, и они попытались завоевать уже нас, потому что каламов в этих местах почти не осталось. Но у них снова ничего не вышло. И все-таки, на всякий случай, мы заключили Ардуусский договор. Чтобы защищать свои земли сообща.

– А почему мы никого не хотим завоевать? – продолжал допрашивать деда Игнис.

– Мы – маленькое королевство, – вздыхал дед. – Мы можем только защищаться. И кстати, эта крепость – Ос – готова послужить нам так же, как могла бы послужить древним каламам две тысячи лет назад.

– А наставник Сор Сойга говорит, что тот, кто хочет защититься наилучшим образом, должен нападать! – вспоминал Игнис.

– Слушай своего наставника, – кивал дед. – Но помни, если ты защищаешься, то можешь защититься. А если ты нападаешь, то рано или поздно будешь и защищаться тоже. Зачем две войны, когда и одной много?

– А крепость Ос выстояла в большой войне? – допытывался Игнис. – В самой большой войне? В той, которая была почти полторы тысячи лет назад?

– Нет, – качал головой дед. – Крепости Ос не пришлось испытать прочность собственных стен и башен. Война обошла ее стороной. А Лаписа тогда и вовсе не было. И битва была не здесь.

– А где? – не унимался Игнис.

– В том месте, где ныне находится Светлая Пустошь, – сдерживал рвущий грудь кашель дед. – Там, где когда-то высился дом богов – Бараггал.

– И кто же там сражался? – перехватывало дыхание у мальчишки.

– Там были два войска, с которыми ныне не может сравниться ни одно, – начинал долгожданный рассказ дед. – Эту землю защищал правитель тогдашней империи Лигурры. У него было три армии – каждая по сто тысяч воинов. И гвардия отборных воинов в десять тысяч человек.

– Это очень много? – восторженно шептал принц.

– Очень, – кивал дед. – Во всей лаписской долине вместе с Лаписом и со всеми деревнями, хуторами и даже горными сторожками и с крепостью Ос всего около семидесяти тысяч человек. Со всеми младенцами, старушками и стариками! А это меньше, чем одна армия императора Лигурры. А у него их было три. И кроме этого к нему на помощь пришли еще более трехсот тысяч человек. Остатки еще двух его армий, а также каламы, араматы, дины, самарры,

нахориты, хапирру, иури, валы, прайды, свеи и даже великаны с севера – рефаимы, которых было ровно сто тридцать воинов. Так что под началом императора собралась великая сила – более шестисот тысяч человек!

– А кто же напал на него? – задавал положенный вопрос Игнис.

– Еще более страшная сила, – скрипел дед. – То войско шло с востока, из далекой земли Эрсетлатари, или, как теперь чаще говорят, Эрсет. И оно шло, чтобы завоевать весь мир. По пути оно покорило самые великие крепости – Абуллу, Кагал, Алку, Бэдгалдингир. Обратило в пепел самое богатое государство тех лет – Таламу. Но даже потеряв множество воинов в этих осадах и битвах, на равнине перед Барагалом то войско превосходило войско императора числом почти вдвое, а силою многократно.

– И кто же воевал на той стороне? – замирал от восторга внук.

– Кто только не воевал, – пожимал плечами дед. – Но это были воины, которые не знали страха. Ни любви, ни страха... Которые управлялись с оружием так, словно родились с ним в руках и прожили по тысяче лет каждый. Люди, даку, дакиты, великаны-этлу. Тому войску было чем удивить противника. Погонщиками машару на бесноватых быках. Таранами. Одних таранов в нем было две тысячи. Это страшно, когда таран бьет в ворота или стену крепости, но когда он сокрушает строй воинов – еще страшнее. Кроме этого, у повелителя вражеского войска были прирученные летающие псы – сэнмурвы, более тысячи злобных духов – мурсов, которых в деревнях до сих пор прозывают могильцами, а также полторы сотни полудемонов – аксов. Жутких воинов и еще более страшных колдунов. К счастью для противника, они были главным резервом повелителя той силы. И их он так и не пустил в дело.

– И кто победил в той битве? – спрашивал Игнис.

– Никто, – отвечал дед. – Хотя, наверное, победил император, поскольку, если бы победил правитель войска с востока, он сожрал бы эту землю, как лепешку с медом. Намазал бы ее кровью и сожрал. А так-то, сожрал лишь кусок земли вокруг Барагала, который теперь называется Светлой Пустошью. Но император тоже погиб в битве. И он был последним императором с этой стороны гор.

– Но почему же правитель восточного войска не победил, если у него была такая сила? – спрашивал Игнис. – Ведь у него были и эти мурсу, и аксы, и даже сэнмурвы! Мама рассказывала мне, что некоторые сэнмурвы могут плевать ядом и изрыгать пламя!

– Могут, – согласился дед. – Твоя мама родом из Даккиты, там они водятся до сих пор, она знает, что говорит. Но не все решают сэнмурвы. Битва была долгой. Войско с востока внушало ужас, но войско императора сражалось за свою землю и держалось стойко. И силы почти уравнились. Может быть, битва продолжалась бы до тех пор, пока в живых не осталось бы ни одного человека. Но восточным войском командовал не человек.

– Бог? – прошептал Игнис.

– Не могу сказать, – поморщился дед. – Может быть, и бог, а может, и нет, но равный силой богам. Это очень длинная история. Когда-нибудь я расскажу тебе ее всю, начиная со времен падения Семи Звезд или даже еще раньше. Но что нам туманное прошлое того, кто уже вырос и стал угрозой целому миру? Лигурры своего противника звали Лучезарным. Наши предки – Лусидусом. Или Экзимиусом. Сам себя он называл Одиумом. Но, наверное, все эти имена были для него, как шелуха. Когда битва застыла в равновесии, он вышел вперед сам. Оказалось, что он выше самого высокого великана. И ни одна стрела, ни одно копьё, ни один клинок не могли нанести ему урон. В одной руке у него был огненный меч. В другой – черный щит. И отсветом семи упавших звезд – семь пылающих камней слепили взгляд противника с его груди.

Король Синум замолчал.

– И... – заерзал Игнис.

– На стороне императора тоже были боги, – словно очнулся рассказчик. – Хотя никто не знал об этом до последнего момента. Они выглядели как бродяги, но сражались вместе с обычными воинами. Их называли угодниками. Они и сейчас есть, но теперь это и в самом деле бродяги. Жалкие подделки под бывшее величие. Богов после той битвы на земле не осталось. И вот один из этих угодников, Энки, встал перед Лучезарным. Как мальчишка перед зловещим воином.

– И у него тоже был огненный меч? – вытаращил глаза Игнис.

– Нет, обычный, – ответил дед. – Висел на поясе. Он даже не вынул его из ножен.

– И Лучезарный убил его? – прошептал Игнис.

– Опять нет, – покачал головой дед. – Не все маленькое, что попадает на пути, можно убить. Есть камешки, о которые тупится даже лучшая сталь. Между ними состоялся разговор. Смысл его сложен для детского ума, скажу только, что угодник сравнил нашу землю с плотом. И сказал, что если плот становится слабым, то бревна раскатываются, и тяжкий груз камнем идет на дно.

– А Лучезарный? – прошептал Игнис.

– Он засмеялся, – пожал плечами дед. – Но не убил собеседника. Потому что как бы ни был этот угодник мал, но там, где меряются подлинной силой, он был равен Лучезарному.

– Энки! – выпалил Игнис. – Но почему же Лучезарный засмеялся?

– Потому что слабый плот точно так же должен был раскатиться и под ногами Энки, – объяснил король. – Лучезарный не мог поверить в способность кого-то совершить то, чего он никогда не совершил бы сам.

– А Энки... – почти перестал дышать Игнис.

– А Энки совершил, – кивнул дед. – Обхватил собственные плечи и покрылся пламенем. Настоящим пламенем, потому что боль скрутила его. И он даже почти кричал от боли. Стонал, стиснув зубы. И прочие угодники, что стояли рядом и в отдалении, тоже занялись пламенем. И земля стала слабой для Лучезарного, и он начал погружаться в нее, как в трясину. И утонул. В том месте посередине Светлой Пустоши, которое теперь некоторые называют Пир. Так на древнем поганом языке обозначалось место святости. На самом деле это грязное и вонючее болото, хотя слуги Лучезарного до сих пор бродят вокруг него в поисках своего хозяина. Но вряд ли найдут его. Почти полторы тысячи лет прошли с того дня.

– А Энки? – налил глаза слезами внук.

– Энки и другие угодники, исконные боги этой земли, растаяли, ушли, исчезли, – объяснил король. – Оставили ее нам. Может быть, они теперь живут где-то в небе и смотрят оттуда, как постигает науки и умения юный принц Лаписис – Игнис.

После этих слов короля малыш обычно получал медовый пряник и обещал деду, а заодно и всесильному (но почему-то сгоревшему) Энки усердие и послушание, но в то утро начала весны он продолжил расспросы. Впрочем, недолго.

– И ничего не осталось от Лучезарного? – спросил он тогда.

– Ну почему же? – скривил губы король. – Перед тем как он утонул в тверди, Лучезарный рванул ожерелье на шее, и семь пылающих камней, подобно каплям яда, разлетелись по всей земле. Поэтому и войны не прекращаются. Поэтому и Светлая Пустошь плодит нечисть. Да и проклятая Сухота за нашими горами тоже исходит ядом из-за этих камней.

– А что стало с теми, кто уцелел в битве? – спросил внук деда.

– Ничего, – ответил тот. – Всех или почти всех аксов Лучезарный забрал с собой, а остальные... Кто-то бросился помогать раненым, кто-то словно очнулся от морока и отправился, куда глаза глядят. Битва закончилась сама собой. Зло рассеялось или почти рассеялось и потеряло силу. Иногда оно подобно хмелю, а хмель рано или поздно рассеивается...

– А на какой стороне были наши предки? – сдвинул брови Игнис.

– На стороне зла, – ответил король и вручил внуку медовый пряник.

Он так и не рассказал Игнису больше ничего о Лучезарном. Вскоре его хватил удар, и до самой смерти король уже не приходил в себя. Дед умер, когда его внуку было двенадцать лет...

...Воспоминания схлынули, но сон так и не пришел. Принц открыл глаза, прислушался к отдаленному крику в коридоре – опять Пустула изводила бесконечными придирками несчастных служанок, затем осторожно снял с груди руку красотки Катты и сел. С ним явно происходило что-то необычное, впервые перед испытанием Игнису не удавалось уснуть, и даже недавние любовные упражнения вместо сладкой истомы только разожгли желание. Он коснулся кончиками пальцев бедра Катты. Или сейчас ему была нужна другая женщина?

Всякий раз, когда принцу Лапису предстояли серьезные испытания, будь то проверка или навыков боя, или магических умений, или каких-то знаний, что устраивал своим чадам время от времени король, или же случался какой-нибудь турнир, вроде того, что уже завтра потребует от принца сосредоточения всех сил, Игнис предпочитал подольше поспать. Утренние разминки, долгие растирания и умощения маслами он не признавал. Все, что ему требовалось, это хорошенько выспаться, поваляться в постели до и после сна, затем оправиться, облить холодной водой, расчесать волосы и затянуть их узлом на затылке, надеть чистую одежду и легко перекусить – съесть, к примеру, тушеного в глиняном горшке цыпленка с кореньями да запить его кубком легкого араманского красного вина. К привычному набору не помешало бы добавить еще вечерней и утренней тишины в коридоре, но добиться этого можно было, только оставив Пустулу в Лаписе, а на подобный подвиг не был способен даже отец Игниса. Да и стоило ли превращать жизнь дяди Латуса почти на месяц в муку или, что точнее, лишать его ежегодного отдыха? К тому же визгливые причитания Пустулы не могли заглушить шума, который доносился через окно; ардуусская ярмарка не думала заканчиваться даже ночью. На Торговой площади стучали молотки плотников, сколачивающих помосты для финальных схваток в борьбе и фехтовании, стрельбе из лука и магии, звенело железо в кузнечных рядах, а в прочих ржали лошади, дудели трубы, били барабаны, щелкали и трещали колдовские шутихи, давил на уши гул тысяч голосов. И все это диковинное действо, наполняющее строгий, но веселый в эти дни Ардуус шумом и беспорядком, оборачивалось в груди Игниса, которому завтра предстояло биться в финальных схватках, странной, неожиданной бодростью. Какой уж тут сон?

Принц стянул ночную рубаху, провел ладонями по груди. Пять дней уже минуло, как лаписский королевский кортеж вошел в ворота Ардууса. Пять дней минуло, как из ельника, в котором Окулус, Вентер, Сор и непоседа Кама разбирались с магической ловушкой, ударила молния, и вот, пожалуйста, – даже следа не осталось на коже, только легкий синеватый узор, словно морозом на стекле выткан. А ведь в первое мгновение показалось, что конец пришел принцу Лапису. Хотя что там показалось, он даже грохота не услышал. Вспыхнуло что-то, встряхнуло так, что почернело в глазах, а когда отпустило, оказалось, что и пары секунд не прошло. Тошнота, которая мучила Игниса с прошлого вечера, куда-то делась, словно впитала неожиданный удар и отправилась тяжелым камнем на дно желудка. Только на груди у сердца расплозлось синее пятно, но и оно уже почти сгинуло.

А ведь придворный маг короля Ардууса – Софус, который по просьбе королевы Фискеллы осмотрел ее сына, показался Игнису весьма обеспокоенным. Нет, он не смог сказать, чей наговор едва не отправил лаписского принца к праотцам. Долго жмурился, теребил тонкими сухими пальцами глухой воротник рубашки, пока не вымолвил, что заклинание действительно было направлено не против принца, а против какой-то магии, следов которой он обнаружить не может. Заметив сдвинутые брови королевы Фискеллы, Софус побагровел и добавил, что общий рисунок заклинания схож с заклинаниями воды, но след его более всего напоминает заклинание огня, а уж тот лад, что описала магу Кама, так и вовсе мог обернуться и заклинанием земли, и заклинанием воздуха, что не имеет особого значения, поскольку на высших ступенях магического мастерства школы колдовства смыкаются. Ведь даже диковинная магия прайдских жрецов, которая обращена к древесным силам, ничто без воды, земли, воздуха или

огня. Фискелла, которая была всерьез обеспокоена случившимся, потребовала подтверждения, что колдовство оказалось опасным и было сотворено магом высшего посвящения, может быть, даже великим орденом мастером, но так ничего и не добились. Софус кивал, но одновременно с этим бормотал, что нет в Ардуусе ни одного сильного орденового мага, еще не прибыли, хотя орденовые башни с милостивого разрешения короля Ардууса уже достраиваются. А если б и был, то вряд ли бы осмелился на запрещенную в здешних краях магию. Ардуус – сильное королевство, и порядки в нем строгие, и если уж кто осмелился их нарушить... На этом месте собственного бормотания Софус закашлялся и зажмурился, как будто от ужаса, но Игнис ясно ощутил, что сквозь притворство проглядывает подлинный испуг ардуусского мага. Но не своеволие и мощь безымянного колдуна испугали его. И не то, что магия, оставившая след на груди принца, и в самом деле была направлена не против него, а против другой магии, следов которой ардуусский маг не отыскал. И даже не то, что молния, ударившая в грудь Игниса, куда бы она ни была нацелена, должна была, без сомнения, выжечь ему сердце, как выжгла она сердце лошади Камы, хотя самой девчонке не смогла даже толком опалить кожу, верно, удар все же был направлен на несчастного Окулуса. Нет, по другой причине трясло главного ардуусского колдуна, да так, что порой зубы начинали отстукивать произносимые им слова. Другое повергло его в ужас.

Его испугал напор невидимого течения судьбы, что издревле приводил в движение народы и государства и который поднял на своих пенных гребнях некоторые атерские королевства, и в том числе королевство Лапис и его принца выше других. Во всяком случае, отец объяснил Игнису ужас Софуса именно так. И еще сказал что-то о древних предназначениях, которые не дают покоя мерзавцам и дуракам. Сначала, правда, посетовал, что каким бы увальнем ни был старик Окулус, свое дело он исполнял неукоснительно, а найти мага в Ардуусе не так легко. Хорошо, что магические ордена наконец получили разрешение на строительство башен в самом большом атерском городе, но ордена не отдают своих магов в услужение королям, а найти хорошего колдуна на улице, да еще такого, чтобы доверить ему магическую охрану королевского семейства, дело невозможное. Те, кто более прочих способен к магии, выявляются и берутся под покровительство орденами еще с младенчества, те, что похуже – подгреваются храмами, а в Ардуусе король Пурус еще недавно не давал разгуляться ни тем, ни другим, так что поломать голову придется. Обычно, когда гибнет или умирает старый маг, новым магом становится его ученик, но Окулус учеников не оставил, ибо отдавал все силы воспитанию королевских отпрысков. А у Софуса, который, как бы ни трясся от ужаса, все равно был одним из сильнейших магов в Анкиде, учеников не было вовсе, и кстати, по той же причине.

Король говорил с Игнисом еще о чем-то, давал какие-то советы, но принц видел, что голова отца занята другим, и если синее пятно на груди его сына и беспокоит короля, то лишь постольку, поскольку оно является частью огромного пятна, наползающего тенью на Лапис и на все королевства атеров сразу. Выходит, древние предназначения беспокоили не только дураков? Неужели затертые сказки о проклятии тех атеров, что после великой войны остались с этой стороны гор, правдивы? Да и какие сказки? Их уже было столько... Взять те же шесть камней, которыми пугают детей в атерских королевствах последние пятнадцать лет, с тех пор как по ярмаркам Анкиды разносилась весть об их скором возвращении. Какие тогда королевства назывались? Тимор, Ардуус, Лапис, Фидента, Утис и Хонор? Шесть! Тогда почему должен бояться один Лапис? И почему бояться? К тому же за эти пятнадцать лет ходило еще столько слухов, и каждые следующие противоречили предыдущим. И назывались уже и другие королевства, и другие проклятия. И где они все? Но даже если те, давние слухи, наполнились истиной, что теперь? Кто-то из диких, не орденовых колдунов принял эти слухи за чистую монету и выставил ловушку на южной тропе, чтобы выжечь или выкрасть один из шести камней, что должен был достаться Лапису? Так нет его! Ни камня, ни камешка, ни песчинки? Неужели Игнис бы не заметил? Тошнота была, съел что-то не то, не он один мучился, Кама тоже послед-

ний день ехала с зеленым лицом, но камня не было. Ни в каком виде! Если, конечно, этот удар молнии и не выжег его. Но не было на груди у Игниса ничего; ни видимого, ни невидимого! Не только его младшая сестрица способна различать магию, он тоже не промах, так что обмануться не мог. Или он чурбан, на который можно навесить любые побрякушки, а потом выжечь их ударом молнии, а он будет только почесываться и удивляться? Не он первый, не он последний. Или не бродили все прошедшие с великой битвы почти полторы тысячи лет слухи о возвращении камней? Сначала через десять лет, потом через пятьдесят, потом каждые пятьдесят! Да в любом трактате упоминается об этих ожиданиях! Где их только не выискивали, на кого только не пророчили, и чем это все кончилось? Если не считать отравленной Сухоты – ничем! Нет их. Потеряны. Рассыпались в пыль. Сгорели и рассеялись. И что делать в связи со всей это маетой принцу Лапису? Готовиться к победе в турнире! Хотя еще немного близости никак не могло ему помешать.

...Дверь закрипела. Шевельнулся полог, и в комнате оказалась Тела, жена младшего брата короля. Тетушка, как ласково звал ее Игнис. В ту же секунду сквозь уличный шум донесся гул ардуусских часов, отбивающих полночь. Катта не спала. Тела повела подбородком, служанка сползла с постели и, сверкая ягодицами и прижимая к груди исподнее, исчезла. Только тогда Тела стала раздеваться сама. Скинула капюшон сюрко, распустила завязи, вовсе освободилась от безрукавки. Затем стала расстегивать котто. Сбросила его на пол. Шагнула вперед, потянула шнуровку на шее, отпустила камизу, которая сползла с плеч, и тоже легла на пол. Языки пламени в лампах вздрогнули, затрепетали, блики, пробежавшие по силуэту тетюшки, напомнили о том, что, несмотря на свои сорок два года, Тела по-прежнему прекрасна. Да, Катта юна, но что останется от ее юности через несколько лет? Хотя так, как прижималась к Игнису Катта, не прижимался никто. А вот Тела сама прижимала его к себе. Теперь прижимала. Хотя и она умела быть юной и слабой. Но не теперь.

– Не ревнуешь? – спросил Игнис, когда жар обратился потом и сладостной пустотой в чреслах. Почти пустотой. На малую долю. Или нет? Да что же с ним такое?

– К служанке? – удивилась Тела. – Нет. Да и ни к кому – нет. Она любит тебя, это хорошо. Она красива, чиста, послушна, верна. Это замечательно. Ты не любишь ее – это еще лучше. И меня ты не любишь, и это просто прекрасно. Хотя...

Тела поднялась над ложем, оперлась на руку. Младшая сестра короля Раппу, который погиб на охоте на калбов, оставив королеву-прайдку, двух сестер, Бету и Телу, и троих детей – вечно сонного Лентуса, что в прошлом году как раз на ардуусской ярмарке сочетался браком с посмешищем всей Анкиды – дылдой Субулой, дочерью короля Эбаббара, дочь Регину и бастарда Эксилуса. У Телы глаза голубые. Сейчас Игнис не видел их в полумраке, но знал, что голубые. А у Регины – зеленые. Может быть, он только поэтому и поддался чарам Телы, что она тетка Регины? Интересно, так ли свежо дыхание девушки, как дыхание ее гибкой тетки? Так ли горячо ее тело? А ведь в тот миг, когда Игнис, утопая в страсти, закрывал глаза, только Регину он и видел. Кто бы ни был в его постели, даже Тела, встреч с которой он ждал как дара, он видел Регину. К сожалению, только тогда, когда закрывал глаза.

– Хотя порой обидно, – почему-то засмеялась Тела. – И все же этого счастья мне не нужно. И тебе тоже.

– Не хочешь, чтобы я оставался твоим? – спросил Игнис, проводя ладонью по гладкой коже бедра, груди... И это совершенное тело принадлежит мерзкому дядюшке Малуму? Да еще и родило ему столь же мерзкого сына Палуса? А ведь Тела любит своего сына, еще бы ей его не любить. И вот вроде нет мудрее женщины в Лаписе, чем Тела, разве только мать Игниса способна сравниться с нею в мудрости да королева-мать Окка, а проделки мерзавца Палуса для нее все равно остаются шалостями. Да и могла ли она изменить сына? Нет. Такое не меняется.

– Ты никогда не будешь моим, – ответила Тела, изогнулась и села на край ложа, показав сухость кожи на поясице – годы брали свое. – Так и я твоей не буду никогда. Думаю, к счастью.

Да и сегодня пришла, чтобы Катта не высосала из тебя все соки. Хотя, как вижу, она бы не управилась с этим делом даже и до утра. Ну и хорошо. И мне хватило. И осталось, как я вижу. Успеешь выспаться. Я предупредила, до утра к тебе никого не пустят.

– Я в темнице? – тоже приподнялся Игнис.

– В светлице, – ответила Тела и, ловко набрасывая на себя одежду, добавила: – К утру посветлеет. Что вы там затеяли с Камой?

– Затеели? – Игнис вспомнил горящие глаза сестры. – А разве не ты дала ей ярлык кураду?

– Я, – кивнула Тела. – Малум его не хватится, пока не придет срок отправляться к Светлой Пустоши. Да и где бы еще она раздобыла ярлык? О том и говорю. Поняла уже, что девчонка хочет повторить судьбу матери. Только ведь до финальной схватки еще и добраться надо.

– Она доберется, – уверенно произнес Игнис.

– Не знаю, – усомнилась Тела. – Все, кто будет сражаться в последний день, очень хороши. Лучше нее, как бы она ни была дерзка. Но даже если и доберется, то сражаться ей придется с Рубидусом. А он самый лучший боец.

– Думаю, я немногим его хуже, – прищурился Игнис. – А кое-кто так уж и точно лучше. Из молодых – Фелис Адорири, из прочих – старший принц Бэдгалдингира, княжич Аштарак, принц Даккиты, принц Хонора!

– Никто из них не участвует в фехтовальном турнире, – напомнила Тела. – Кстати, ты тоже. Еще вспомни княжича Араманы, который был победителем до Рубидуса. Из нынешних Рубидус лучший.

– Знаю, – нахмурился Игнис.

– Ты и сам не оплошай, – добавила Тела. – Тебе еще три схватки. И в предыдущих турнирах ты всегда останавливался перед последним шагом. Спотыкался на одном и том же сопернике.

– Бастард короля Эбббара очень хорош, – стиснул зубы Игнис. – Литус Тацит побеждал меня честно.

– А в этот раз? – подмигнула принцу Тела. – В первом круге он вновь был сильнее тебя. Или ты поддавался? Изучал соперника?

– Во втором круге победителем буду я, – твердо заявил Игнис. – Честным победителем. И Кама тоже. Увидишь.

– Посмотрим, – кивнула Тела. – Литус Тацит лучший в борьбе. Никто не испытывал его в фехтовании или в стрельбе из лука. Но я слышала, что он и там неплох. И даже в магии. Он хороший парень, но ты любим отцом, а он всю жизнь доказывает своему, что бастард ничем не хуже законного сына, которого у его отца нет и уже не будет. Хотя, может быть, Субула подарит королю Эбббара внука? Но так ведь он одновременно станет и наследником Раппу? Ладно. Мой принц, тебе будет очень трудно. Чтобы победить Литуса, тебе нужно измениться. Стать сильнее самого себя. Хотя, – она улыбнулась, – кое в чем, кажется, ты уже изменился. В лучшую сторону.

– Выходит. – Игнис натянуто улыбнулся. – Раньше я был плох?

– Ты был чудесен, – прошептала Тела. – Но сегодня ты был таким, что затмил самого себя. Я даже... – она погрозила ему пальцем, но тут же скорчила гримасу. – А вот Рубидус... Тела задумалась.

– Рубидус – это подрастающая венценосная дрянь. За его показной доблестью – гордыня, за его молчаливой мудростью – пустота, за его учтивостью – презрение. Конечно, и его папочка не благодетель, но мать-то вроде бы... Ладно. Еще и мой Палус с ним сошелся... Хотя чего не сделаешь, чтобы устроиться в этой жизни поудобнее. Для того, чтобы подложить подушку под задницу, иногда приходится стряхнуть с нее чью-нибудь голову...

– Ты о чем? – не понял Игнис.

– Я всерьез опасаясь за Каму, – вздохнула Тела. – Самая глазастая дочка Фискеллы кажется мне слепой. И глухой, слушать меня не хочет. Точнее, не слышит. Лучше бы она оступилась до того, как доберется до главного противника. Хотя случай их может свести и раньше... В финале жребий бросается заново...

– Ну и что? – пожал плечами Игнис. – Оступится, поднимется, отряхнется, залечит шишки и станет красивее прежнего.

– Рубидус способен покалечить соперника, – прошептала Тела. – И такое уже случилось. Рубидус – плохая ставка.

«Как Малум», – подумал Игнис, но не сказал этого. Да и мелькнуло что-то гадкое в глазах Телы.

– И он не поедет в Лапис просить руки дочери короля, если она совершит чудо и сумеет его победить, – закончила Тела. – Можешь так ей и передать. Хотя не стоит.

– А если чудо не свершится и победителем в третий раз подряд станет Рубидус? – спросил Игнис. – Это его не раздобрит? Хотя, проиграв, Кама имеет право не открываться.

– Ты сам еще выиграй три последних схватки, – рассмеялась Тела. – Будет нелегко. Отдохни.

– Разве я устал? – нахмурился Игнис.

– А ведь должен был, – пробормотала Тела. – Даже не знаю, что с тобой стряслось? Вот уж думала всегда, что чем больше черпаешь из хорошего колодца, тем больше он дает воды, но так и колодцу надо дать время, чтобы наполниться, а вот чтобы фонтаном било... Только ты нос-то не слишком задирай. Не та лошадь на долгой тропе к цели приходит первой, что быстрее всех, а та, что с тропы не сворачивает.

– Вот на тропе и посмотрим, – прошептал Игнис.

– Спи, – улыбнулась Тела.

Глава 3 Стрелы

Женщинам и девушкам, или, как фыркал Игнис, девчонкам, разрешалось ходить в ярмарочные дни в масках. Дорожные плащи, свойственные зажиточным ардуусским горожанкам, и легкие полумаски – вырезанные из кожи или сплетенные из шерстяной нити, закрывающие половину лица, или все лицо, или только глаза, позволяли вельможным персонам скрываться от зевак, а множеству стражников (на время ярмарки король Ардууса призывал в дружину всех воинов) – не слишком опасаться грабителей или иных злоумышленников. Так что странно было бы не воспользоваться такой возможностью и не побродить по праздничным улицам, а то и по торговым рядам, тем более что именно сегодня у Камы не было поединков – в предпоследний день ярмарки завершались турниры по стрельбе из лука и по борьбе. Компанию ей должны были составить двоюродная сестра Камы Лава и уже двоюродная сестра Лавы – принцесса Ардууса – Фламма. Вместе с тремя ровесницами пыталась увязаться и дочка Пустулы Процелла, но мамаша перехватила ее в коридоре и, отвесив подзатыльник, отправила умываться и наряжаться. Пустула Тотум, урожденная Адорири, вела своих отпрысков на прием к венценосному братцу – королю Утиса Салуберу Адорири. Конечно же, главным было не внимание седобородого и угрюмого утисского властителя и не разговоры с утисской королевой – Ситарой, которая была младше своего мужа на двадцать лет и терпеть не могла Пустулу. Главным была возможность пройтись по улицам Ардууса, сверкая дорогими украшениями и благосклонно кивая широкоплечим стражникам Малума, коих Пустула всех до одного наняла как раз для таких прогулок. А что ее дети? Дети изнывали и призывали на голову мамаша тяжкие кары, ограничиваясь, впрочем, расстройством живота или фурункулом на пятке.

– Ну и ладно, – взъерошила светлые волосы, натягивая шерстяную маску на глаза, Лава, которая единственная из троих напоминала хоть и миловидного, но мальчишку. – Только нам Процеллы не хватало. Хотя она девчонка не из пустоголовых, но трое – это трое, а четверо – уже толпа.

– А я бы и сама с удовольствием отправилась к королю Утису, – призналась огненно-рыжая Фламма, свешиваясь с галереи доходного дома и разглядывая ползущую по Северной улице толпу. – Принц Фелис – такой красавчик! И, кстати, по мнению многих – лучший фехтовальщик в Анкиде. Жаль, что он не участвует в турнирах!

– Он побеждает в тех турнирах, где сражаются не только принцы или вельможные сынки, но и настоящие воины! – фыркнула Лава. – И в том числе дакиты, лучше которых вовсе нет! И Фелис побеждает даже их! А этот турнир считает баловством.

– Похоже, Фелис Адорири нравится не только Фламме, – вогнула сестру в краску Кама.

– А я слышала, что его безумная сестричка, Аментия, которая не вылезает из мужской одежды, ничем не уступает своему братцу в фехтовании, – заметила Фламма.

– Глупости! – отрезала, поправляя платок и затягивая шнуровку плаща, Кама. – Не знаю, как там владеет легким мечом Аментия, я, кстати, слышала, что она склонна к магии, но Рубидус нисколько не слабее Фелиса Адорири. Во всяком случае, пока Фелис не докажет иного!

– И ты думаешь победить Рубидуса? – хмыкнула Фламма.

– Лава! – в ярости обернулась к сестре Кама.

– Прости, – отшатнулась та. – Я не могла не сказать ей. Она моя лучшая подруга! Но никому более я не вымолвила ни слова. А Фламма – все равно что я сама. Она – могила. Склеп. Ни слова и ни звука. К тому же нам может потребоваться ее помощь!

– Светлая Пустошь вам обеим под платье! – прошипела, опускаясь на дубовую скамью, Кама.

Девушка действительно была расстроена. О том, что она участвует в турнире, знала только Тела, которая дала ей ярлык Малума, Лава и, как думала Кама, догадывались ее мать и брат Игнис. Волосы, кусая губы и шмыгая носом, она срезала, но капюшон плаща и теплый араманский платок пока что позволяли это скрыть от отца и всех остальных. И вот, пожалуйста, самая ветреная девчонка Ардууса, пламенный цветок, огненно-рыжая демоница Фламма знает о ее замысле!

– Успокойся. – Фламма присела на корточки, положила руки на колени Камы. – Во-первых, я не могла не заметить, что ты лишилась своих чудесных волос, как бы туго ты ни затягивала платок. А во-вторых... Хочешь, я открою тебе тайну, которая намного важнее твоей? О ней давно ходят слухи, но никто не знает наверняка. Кроме тех, кто должен знать... – Девчонка прищурилась, испытующе взглядываясь в рассерженное лицо принцессы Лаписа, и прошептала: – Я не дочь своего отца.

Кама, которая только что собиралась разразиться проклятиями, осеклась. Конечно, многие поговаривали, что вторая дочь короля Ардууса ничем не напоминает Пуруса Арундо. Да, ее пламенные волосы несомненно были получены от матери, но все остальное... Вот ее старшая сестра – красавица Фосса, мечта едва ли не всех анкидских принцев, и такой же красавчик – младший брат Болус, не оставляли сомнений в отцовстве, стать и черты лица у них были королевскими. А вот Фламма, которая не могла пожаловаться на стать, судя по лицу, была зачата от какого-то ушлого разбойника. Во всяком случае, что-то разбойное не гасло в ее зеленых глазах ни на секунду. Выходит, что Фламма и в самом деле не королевская дочь?

– Ну и как? – поднялась, уперла кулаки в бока ардуусская принцесса. – Стоит моя тайна твоей?

– И кто же твой отец? – изумленно прошептала Кама.

– Э нет! – погрозила ей пальцем Фламма. – Твоя тайна закончится уже завтра, когда ты выйдешь на помост. А моя продолжится. Так что подожди чуть-чуть. Лава тоже не знает. Да и я... догадываюсь только, и то... Но скоро узнаю точно! Ну, мы пойдем или нет? Я хотела успеть побродить и по оружейным рядам, и по магическим, и на лучников посмотреть! Или вы собираетесь любоваться только собственным братцем?

На галерею вывалился Палус. Лицо его было слегка опухшим после вчерашней гулянки, бархатный камзол выглядел мятым, наверное, сын Телы и спал, не раздеваясь. Палус зевнул, почесал живот, взъерошил черные кудри, разглядел три тонких фигуры в плащах и масках и уже было открыл рот, чтобы изрыгнуть какую-нибудь гадость, но вовремя сложил в голове одно с другим и передумал. Кама удовлетворенно кивнула и, минуя стражников, застучала каблучками к выходу, ведущему на Северную улицу. Подруги последовали за ней.

...Розовая, по цвету гранита, лестница, а ею и являлась Северная улица, поднимающаяся между богатых домов к Торговой площади, на которой в прошлые годы устраивались игры для простых горожан, а в этом заканчивалось возведение башен магических орденов, шумела. Все праздничное действо переместилось на ее ступени и площадки. Звенели колокольцы, натужно кричали втиснутые в ремесленные курточки и порты, насмешкой над цеховыми управителями, ослы, блестели кожаные чучела, на которых каждый мог испробовать силу своих кулаков, взлетала солома на площадках подушечного боя. От больших закопченных чанов, в которых варились восхитительные тянучки, поднимался медовый аромат. Визжала детвора, щебетали торговки, довольно крякали, опрокидывая кубки с вином, ветераны ардуусской дружины. Закручивались собранные из жердей карусели, взлетали устроенные в проулках качели. Взырался по намазанному маслом столбу какой-то отчаянно рыжий руф за призовым кувшином с тиморским квачем.

– Сюда! – потянула подруг за руки в узкий проход между домами Фламма. – В торговых рядах шумно, но на Северной улице в этом году вовсе можно оглохнуть! И держитесь за кошельки! Ардуусские мальчишки ужас какие шустрые!

Ремесленная улица, которая, в отличие от Северной, поднималась к Торговой площади и башням королевского замка не ступенями, а плавно, была ничуть не менее многолюдна и шумела не меньше, но ее шум был иным. Так шумели те, кто занимался делом. Кто продавал и покупал, присматривался, приценивался, строил планы или отказывался от них, или просто давал отдых голове и пищу торговому любопытству. Над Ремесленной улицей, а особенно над начинающимися от нее, украшенными круглыми остроконечными башнями торговыми рядами, которые в Ардуусе называли городом в городе, стоял степенный гул. Кама никогда не была на берегу моря, но Игнис, который однажды сопровождал отца в блистательный Самсум, рассказывал, что примерно так шумят морские волны, накатываясь на берег и с ворчанием возвращаясь в пучину.

– Ну что? – обернулась Фламма, сверкнув зелеными глазами в прорезях маски. – Куда пойдём? Лошадей смотрели вчера, да и народу многовато во внешних рядах. Я там в дерьмо вчера наступила! На посуду и деревяшки насмотреться успеем. Наряды и кожаные ремешки?

Кама и Лава переглянулись и дружно замотали головами.

– Отлично! – расплылась в улыбке Фламма. – Как-нибудь в другой раз. Тогда – оружие и доспехи! Только не застывать на месте, через час уже лучники выходят на помост! А я еще хочу и по магическим рядам пробежаться!

По магическим рядам пробежаться не удалось. Куда там, если оружейный ряд тянулся аж до самой Храмовой площади и на каждом его шагу не только всякий уважающий себя воин, но и любой, кто хоть однажды держал в руках меч, мечтал бы остаться не менее чем на половину дня. Мечи, кинжалы, ножи, копья, алебарды, самострелы, луки, стрелы, доспехи, щиты, пращи, легкие кольчужницы, браслеты, которыми в уличной драке можно уложить разбойника, кольца с шипами, булавы, боевая упряжь, все виды шлемов, посохи со скрытыми в них клинками, сумки, застежки которых способны почти перерубить кисть, капканы, крючья, стальные нити – чего там только не было! Не Фламме пришлось торопить подружек, которые по праву лаписского родства в оружии уж точно разбирались лучше нее, а Лава и Кама хватили ее за руки и тянули за собой. Не было лучших оружейников в Анкиде, чем лаписские мастера. И сталь из Лаписа была лучшей сталью. Так что, к возмущению продавцов, сестры то и дело объясняли рыжеволосой принцессе, что удивительной работы топоры из Араманы выполнены из бронзы и, несмотря на всю свою красоту, ничего не стоят против железного оружия. Что ардуусские мечи проигрывают рядом с лаписскими, но имеют одно преимущество – они все-таки неплохи и сравнительно недороги и могут послужить первым оружием едва ли не каждому искателю испытаний для собственного мужества. Что не следует оценивать клинок по красоте его эфеса. Что дакитские мечи порой приближаются по качеству к лаписским, но они непривычны из-за того, что имеют длинную рукоять и часто одностороннюю заточку. И что северные мечи и топоры достаточно остры, но быстро ржавеют, к тому же они слишком тяжелы для атеров, и поэтому нечего на них пялиться!

– Действительно, рыжая красавица, – с северным акцентом прогудел великан, стоявший перед свейским оружейным прилавком, – нечего пялиться. Нужно покупать и дарить своему избранному. Если надорвется, туда ему и дорога. А нет – позволишь ему любить себя и родишь ему сына, который не заставит краснеть своих родителей. Да хоть молодца, вроде меня!

Кама даже рот открыла от удивления. Свей, который обратился к девчонкам, не был ни рефаимом, ни этлу, и тех, и других ей приходилось встречать в Ардуусе, но он был выше на голову всех вокруг и в полтора раза шире в плечах, чем самый крепкий из дозорных Малума!

– А что топоры? – Великан подхватил самый тяжелый топор, который Кама с трудом могла бы оторвать от стола, подбросил его перед собой, повертел, как тростинку, перебирая топориче двумя руками, бросил еще раз и не глядя поймал за спиной. – Топоры летают сами по себе, было бы желание! Появится – обращайтесь. Продам самые быстрокрылые! Стор Стормур – мое имя!

– Пошли! – скомандовала теперь уже Лава, утаскивая за собой вытаращивших глаза подруг. Разве только Фламма смотрела на свея, а Кама – на трезубцы, торчащие из кадки за спиной продавца. Ни у одного из них зубцы раздвинуты не были.

...Через магические ряды, на которых задавали тон седобородые торговцы из Бабу и Эбаббара, пришлось почти бежать. Амулеты, обереги, накопители мума, ожерелья из нагоренных камней, колдовские посохи, чаши, короба, стопки древних глиняных табличек, испещренных письменами, словно следами птичьих лап, снадобья, минералы, травы, перья так и мелькали вокруг. Даже возле заморенного сэнмурва, попыхивающего слабым пламенем в железной клетке, не удалось остановиться. Бой часов на ардуусской ратуше предупредил о близости полудня, а до амфитеатра, который выделялся белой каламской кладкой между орденскими башнями и королевским замком, еще следовало пересечь Торговую площадь, да не поперек, а вдоль! Хорошо хоть холодный весенний дождь пока не начинался, хотя тучи над Ардуусом клубились.

– Почему башен семь?! – на ходу крикнула в спину Фламме Кама. – Магических орденов же шесть? Орден Воды, Орден Воздуха, Земли, Огня, Солнца и Луны! Почему построены семь башен?

– Седьмая башня чуть в стороне, – обернулась на ходу Фламма. – Она не для магов. Для порядка. Это для Ордена Тьмы.

– А разве такой орден есть? – не поняла Кама.

– Говорят, что есть, – пожала плечами Лава. – Где-то в Эрсет. Да, его колдуны почитают науку черного колдовства, но магия требует полноты. К тому же, если верить древним сказаниям, и черная магия имела силу. Разве не она обрушила башни Бараггала полторы тысячи лет назад? Так что, если есть семь орденов, значит, должны стоять семь башен. Просто одна будет закрыта. Прогуляйся как-нибудь на Храмовую площадь. Там четыре храма стоят квадратом, почти так же, как в Бараггале на священном холме, а между ними маленький храм – храм единого творца, в котором нет ни настоятеля, ни служки. Но храм есть.

– А Храма Света там нет? – усмехнулась на ходу Кама. – Я слышала, что в Эрсет есть и такой, и его послушники молятся о возвращении того, кто сгинул в центре Светлой Пустоши. Отчего бы не построить и его на Храмовой площади? И закрыть на замок. На всякий случай.

– Я бы посоветовала это своему отцу, – расплылась в улыбке Фламма. – Если бы все еще думала, что он мой отец.

Чем ближе к амфитеатру, тем гуще становилась толпа. Для большинства горожан ярмарка была временем страды, но тех, кто собирался поразвлечься, тоже хватало. Каменные скамьи амфитеатра могли вместить двадцать пять тысяч зрителей. На первом ярусе, прикрытом навесом, располагалась знать, причем отдельная трибуна была выделена королевским семействам, а еще на одной могли расположиться те вельможи, кто не хотел показывать свое лицо. Но больше двадцати тысяч мест на верхних трибунах заполняли простые горожане, хотя и не каждый мог себе позволить отсыпать приличное количество монет за право наблюдать, как отпрыски знатных семейств меряются ловкостью, доблестью и силой. Или способностями и старанием, если речь шла о магическом турнире. К счастью для трех подруг, вход на нижние ярусы для знати был устроен отдельно. Поэтому им не пришлось пробиваться к южным воротам, достаточно было подойти к одной из башен ратуши, показать страже вельможные ярлыки и выйти на отдельную галерею, с которой спускалась лестница к трибунам и открывался чудесный вид на чашу амфитеатра. Возвышаясь над Вирской площадью Ардууса на высоту двухэтажного дома, арена напоминала утопленную в древнюю каламскую землю раковину с резным краем – вдоль верхних скамей высились колонны и каменные собачьи головы. Один из предшественников нынешнего короля Ардууса даже собирался было их срубить, сетуя, что уж больно они похожи на морды даку, но так и не собрался. Наверное, помешало то, что, скорее всего, они все-таки больше напоминали головы калбов, а на красном полотнище стяга ардуус-

ского королевства был изображен белый силуэт калба. К тому же всем было известно, что и эти головы, и эти колонны были вырублены из мрамора задолго до того, как образовалась Сухота, где вирские псы наводили ужас на дозорных Раппу и Араманы, и даже задолго до знаменитой битвы у Барагала, когда народы Анкиды впервые узрели даку и дацитов. Но главным все же был ардуусский стяг. Правда, некоторые пеняли ардуусскому символу, что белых калбов, в отличие от белых воронов, не бывает вовсе, но кто ж мог знать точно? Да, белые калбы не попадались охотникам, но ведь нельзя было исключать, что это охотники попадались белым калбам?

Кама встала на краю галереи, обхватила плечи так, словно собралась вознести хвалу Энки, но молиться не стала. Закрывает глаза и вдохнула холодный ардуусский ветер. Странно, но вся эта возня с участием в турнире настолько захватила ее время и мысли, что мечты о встрече с красавчиком Рубидусом словно рассеялись, а между тем ярмарка близилась к концу. Или ей предстояла слишком сложная задача, чтобы разменивать ее на девичьи грезы? Так не ради ли грез она ввязалась в турнир? Или все-таки что-то шло не так? Но ведь она победила в первых схватках? Не без труда, но победила!

К своим почти семнадцати годам Кама привыкла к празднеству и ждала его каждый год с нетерпением, в том числе и тогда, когда никакой Рубидус ей даже и в голову не приходил. Ардуусская весенняя ярмарка ей нравилась куда больше, чем осенняя в Фиденте с обилием крестьян и купцов с юга и запада, во всяком случае, именно в Ардуус собирались правители девяти королевств со свитами и кроме них правители Кирума, Бэдгалдингира, Даккиты и в последние годы – Эбббара. Случались и более дальние гости, но не в этот раз. На столетие Ардуусского договора не все собрались и из девяти. Не прибыли с севера король Тимора Вигил Валор и король Обстинара Аггер Кертус. Хотя их дети были и даже участвовали в турнире. Король Эбббара вместо себя прислал бастарда Литуса Тацита и племянника Сигнума Белуа. Хотя, по слухам, сам Флавус Белуа посещал короля Ардууса месяц назад. Но даже те, кто приехал, явно намеревались не разделять радость встречи и упиваться празднованием и угощениями, а делиться опасениями и тревогой. Напряжение повисло над городом. Во всяком случае, это не пригрезилось Каме, если как раз об этом и щебетала Фламма, выглядывая с галереи места на трибуне для себя и двух спутниц.

– Кто-то шел за нами? – прошептала она на ухо Каме, когда почтенное хонорское семейство покинуло галерею и отправилось вниз на трибуну.

– Скольких ты видела? – так же тихо ответила ей принцесса Лаписа.

– Двоих! – показала два пальца Фламма.

– Один лысый здоровяк с пустыми глазами в серой хламиде мытаря, другой коротышка в коричневом плаще и черном колпаке? – уточнила прильнувшая к Каме с другой стороны Лава.

– Точно так, – кивнула Фламма. – Правда, мне показалось, что следят за нами четверо, но я разглядела только двоих. Я, правда, не сочла ардуускую стражу, да еще парочка свеев пялилась в нашу сторону. Это вас так охраняют, недотроги мои?

– Меня охраняет только мой наставник по фехтованию и борьбе, – заметила Кама. – Ну и Лаву вместе со мной. Сор Сойга. Дакит. Ты его не видишь. Я его тоже не вижу. Но он всегда недалеко.

– Однако у короля Лаписа пятеро детей, не считая племянников и племянниц, – удивилась Фламма. – Отчего наставник следит именно за тобой?

– Не знаю. – Кама задумалась. – Во всяком случае, здесь нас двое, да еще и принцесса Ардууса, что бы ты там о себе ни думала. Игнис участвует в турнире. Лаус всегда с матерью. Нукс и Нигелла с отцом. И за тем, и за другими следят стражники. Наверное, Сор не надеется, что им так же просто будет уследить и за мной.

– А за мной никто не следит, – поежилась Лава. – Ну, конечно, кроме твоего Сора, Кама. И эти двое, которых и я заметила, не мои. С чего бы это меня охранять? Я же не принцесса? И ни Сора Сойга, ни еще кого-то я не чувствую. И этих бы не почувствовала, если бы вы не сказали. Просто заметила.

– А я чувствую, – заупрямилась Фламма.

– Подождите.

Кама оглянулась. В арке, ведущей на площадь, между стражниками мелькнула фигура одного из соглядатаев и тут же исчезла. Принцесса наморщила лоб, вспоминая уроки Окулуса, пробормотала заклинание, шелкнула пальцами, извлекая наброшенную на себя еще при утреннем умывании насторожь. Однако Фламма оказалась способной удивлять. Даже если бы Кама не брала в расчет свеев и ардууских стражников, а последние тащились за подругами от самого дома, насторожь была потревожена еще четырьмя неизвестными. Впрочем, один из них был Сор Сойга, значит – известный. Кама снова закрыла глаза и попыталась расплести заклинание. Да, это не было случайным вниманием. Следили и вправду как будто четверо, хотя четвертого она чувствовать перестала. Разве только след от его внимания. Словно он вначале ослабил поводок, а потом и вовсе его отсек, разорвал, испепелил. Отошел на шаг и стал наблюдать издали. Вблизи остались трое. Сор Сойга и два чудака. Интересно, они будут ждать Каму у выхода или пойдут на верхние трибуны? Фламма и тут ничем ей не уступила.

– Трое осталось, – прошептала она на ухо Каме, засмеялась так, словно делилась девичьим секретом, и добавила: – И тот, что сбросил дозор, очень опасен. Поверь мне. Я чувствую! А ты неплохо управляешься с заклинаниями! Хочешь, я попрошу мастера стражи Муруса, чтобы он отловил этих двоих?

– Нет, – задумалась Кама. – А вдруг их сменят те, кого мы не заметим? Вот если бы он разыскал того, кто уже сбросил дозор?

– Шутишь! – хихикнула Фламма. – Он все-таки мастер стражи, а не мастер заклинаний!

– Ну, мы зайдем места или будем смотреть с галереи? – заныла Лава, которая предпочитала ходить, бегать, подпрыгивать, приседать или сидеть, но уж только не стоять на одном месте. – Холодно же!

– Непременно, – успокоила ее Фламма. – Я просто хочу выбрать такое место, чтобы не только лучше разглядеть Игниса, но чтобы и Кама могла обернуться на трибуны и... рассмотреть того, кого ей хочется рассмотреть! Посмотри, не принц ли Кирума стоит вон в том проходе?

– А кто бы ни стоял, – как можно холоднее ответила Кама, хотя нутро ее мгновенно сжалось, а щеки запылали.

– Именно это я и хотела услышать! – воскликнула Фламма. – Тем более что возле него уже топчется ваш мерзкородственный Палус. Интересно, он так и отправился на турнир, не умывшись? Судя по тому, как движутся его челюсти, ест он на ходу!

Не прошло и пары минут, как подруги уже управлялись с подхваченными при входе на трибуны войлочными подушками: все же было не лето, чтобы сидеть на холодном камне. Лава кроме подушек прихватила еще и три теплых войлочных одеяла.

– От Обстинара прибыли два принца, – щебетала Фламма, поглядывая на ползущие над ареной облака. – Вон они, готовятся к финалу. Тот, что повыше, Аэс. Ему двадцать. А сутулый и чернявый – Тенакс, ему восемнадцать. Впрочем, что я рассказываю... Жаль, что третий не приехал. Нитенсу всего шестнадцать, а красавчик – каких поискать. К сожалению, все трое – мои двоюродные братья. По матери, если что, не сомневайтесь. Но зато все они недурно владеют луками. Если Нитенс будет выпускать стрелы так же, как два его старших брата, через год-два в стрельбе будут меряться между собой силой только принцы Обстинара!

– Однако и в этом году победителем станет Вервекс Скутум, – фыркнула Лава. – Он, конечно, не такой уж красавчик, и некоторые говорят, что нос у него клубеньком, да и ростом

не вышел, но стреляет из лука он лучше принцев Обстинара. А до него победителями были его старшие братья. Так что ничего странного.

– А что ему еще остается? – развела руками, но тут же прыснула Фламма. – У короля Араманы – семь детей. Вервекс – пятый. Только стрелять из лука.

– Не самое плохое умение! – надула губы Лава.

– Вот и увидим, – напряженно прошептала Кама, стараясь даже взгляда не бросить на королевскую трибуну, в проходе которой, скрестив руки на груди, стоял принц Кирума. Ничего, когда-нибудь она откроет Рубидусу глаза, что представляет собой крутящийся вокруг него Палус.

Трое претендентов на победу стояли в центре арены, а на ее краю, у деревянного щита, слуги под надзором старшего мастера ардуусской стражи Муруса укрепляли на веревках выкрашенные алой краской деревянные круги – в локоть, в половину локтя, в ладонь шириной. Не слишком легкие цели даже для стрельбы с полусотни шагов. Тем более что перед стрельбой Мурус, чуть ли не единственный в атерской дружине короля Пуруса широкоплечий лаэт, должен будет качнуть каждую из целей в сторону. Непросто попасть в качающийся круг, к тому же и весенний ветер не только пригнал тучи, но и принялся кружить над ареной. И времени на каждый выстрел отпускаясь всего пять секунд, а от попадания того, кто выпускал стрелу первым, мишень могла и закрутиться, и вовсе повернуться к стрелку ребром. Так что умение умением, а удача в стрельбе на арене ардуусского амфитеатра тоже была не лишней. Кама могла судить об этом по собственному опыту. Ей приходилось натягивать тетиву, и хотя стрелком на крепостные стены Лаписа ее бы взяли без разговоров, вряд ли бы она поднялась высоко в соперничестве с такими лучниками.

– Увидим, – повторила Кама и добавила: – Вот уж кто умеет устраивать детей, так это князь Араманы. Семь детей – это не два и не три. Но оба старших сына уже женаты. И две старших дочери пристроены.

– Так что пусть стреляет из лука и пятый араманский отпрыск, – подмигнула Каме Фламма. – И нос клубеньком ему не помеха.

– Они все семеро хорошо стреляют, – повысила голос Лава. – Даже мальчишка Аласер. Так ему всего двенадцать! А старший из принцев, Келлер Скутум, был пять лет подряд победителем фехтовального турнира! А араманская принцесса – Лацерта Скутум – кроме всего прочего, еще и колдует. И, кстати, она участвует завтра в магическом турнире! Жаль, что к другим турнирам женщин не допускают...

– К борьбе нас надо допустить, к борьбе! – вытаращила глаза Фламма. – А ведь против Субулы Белуа в таком турнире мало кто выстоял бы! Слышали? У нее живот уже, что тыква! Возможно, скоро родит наследника для королевства Раппу!

– Я тоже могу бороться, – процедила сквозь зубы Кама. – И колдовать. Но колдовать слабее, чем бороться. Хотя себя защитить сумею и так, и так.

– Представляю, – хихикнула Фламма. – Достанется кому-то такая жена, вот уж он будет остерегаться. А что касается участия в схватках, сама думаю, что девчонки могли бы проявить себя не только в магии. Но пока есть эти глупые запреты... С ними только в фехтовании может проскочить девчонка, в борьбе и стрельбе лица открыты!

– Если бы во всех остальных турнирах могли проскочить девчонки, то везде бы побежала дочь короля Даккиты, – уверенно заявила Лава. – Я однажды видела, как принцесса фехтует, да и с луком управляется так, что вряд ли кто с нею сравнится.

– Чтобы сравниться, надо сравнивать, – пробормотала Кама.

Она не была знакома с дакиткой, но примерно представляла себе, что та должна уметь. Времени у дакитов было больше. В свои двадцать три года Эсокса Гиббер казалась подростком, младше Процеллы.

– А чего тут сравнивать, – не поняла Фламма. – Хочешь сравнить, бери меч и вызывай ее. Да хоть во дворе Ардуусского замка. Я договорюсь с Софусом, он наложит на обеих турнирный панцирь, Мурус посмотрит, чтобы все было честно, заодно и развлечемся?

– Как-нибудь после, – покачала головой Кама. – К тому же я не жажду утвердиться лучшей фехтовальщицей. Да и чего стоят эти победы? В ардуусском турнире участвуют только члены королевских домов. Конечно, почти все они умельцы, но их не так много. А вот на ярмарке в Фиденте в турнире участвуют все желающие. Думаю, что немногие принцы добрались бы там до финала.

– И думать нечего, – хмыкнула Фламма. – Почти никто. Поэтому и не участвуют. Хотя я слышала, что Фелис Адорири там был из первых?

– А вот сама у него и спроси, – засмеялась Лава и побежала вниз, к краю арены, на которую выходили трубачи и где служки разбрасывали льняные мешочки с леденцами.

Кама прекрасно помнила Фелиса Адорири. На первый взгляд ничто не отличало его от простолюдина, кроме имени. Одевался принц Утиса просто, соблюдением этикета не утруждался, умудряясь при этом не терять достоинства, а умножать его, хотя на вид был обычным стражником и только, особенно если не вглядываться в гордое и всегда спокойное лицо. Пожалуй, он и в самом деле был сильнее Рубидуса в фехтовании, видела Кама, как легко он разделялся с любым в тренировочных схватках, но в турнирах Фелис не участвовал. Наверное, если бы не Рубидус, она могла бы мечтать и о внимании Фелиса. Или не могла и мечтать о внимании принца Утиса? И что такое Утис? Небольшое королевство между Фидентой и Хонором. Граничит с Тиреной. Ну, не такое уж и небольшое, народу-то в два раза больше, чем в Лаписе. И в Кируме столько же. Хотя Кирум граничит не с Тиреной, а со Светлой Пустошью. Тоже не плошка меда. Вот только Рубидус ее заметил, а Фелис всегда смотрел мимо, если он вообще на кого-либо смотрел. Он всегда был будто не здесь. Или старался оставаться незаметным, вовсе не стараясь при этом? Но уж не для Камы. Она всегда все замечала. Вот и теперь сидит среди нескольких десятков королевских дочерей, племянниц, тетушек, сестер, двоюродных сестер, укрывших лица под масками, а также некоторого количества опять же королевских сыновей, братьев и племянников, не пожелавших оставить без присмотра своих женщин, и видит не только натужно надутые щеки праздничных трубачей, но и неуверенность сутулого уродца Тенакса, и досаду Аэса, который словно уже распрощался с надеждою на победу, и уверенность... Да нет, вовсе не уверенность сквозила в движениях Вервекса Скутума, который участвовал в финале стрельбы уже второй год подряд и в прошлом году остался победителем. Вервекс Скутум боялся! От ужаса у него сводило колени и тряслись плечи! Кама готова была побиться об заклад, что капли пота выступили у него на лбу! Перепуганный отпрыск княжеского дома Араманы занимался как раз тем, что боролся с охватившим его ужасом и нервной дрожью. Он беспрерывно покачивался с ноги на ногу, поводил плечами, подергивал головой и даже то и дело разворачивался вокруг себя.

«Танцует», – поняла Кама. Ну, точно, Вервекса еще в прошлом году обозвали танцором, вот только никто так и не понял, зачем ему эти па, эти вращения, не лучше ли было бы сосредоточиться на луке, стреле, собственных руках, цели? Значит, не лучше, решила Кама, если в прошлом году это помогло Вервексу победить в стрельбе. Так может, только этот танец, эти движения, каждое из которых словно закручивалось внутрь, к телу, к сердцу, именно они и помогали неказистому Вервексу Скутуму, пятому ребенку князя Силекса Скутума, собрать себя, побороть ужас и справиться наконец с проклятой дрожью? «А в постели, первый раз в постели, он тоже будет пританцовывать, чтобы справиться с волнением?» – усмехнулась про себя Кама, и в это мгновение состязание началось.

Первая мишень была самой большой. Мурус качнул ее, поспешил отойти: разные стрелки случались, кто-то мог и на пару десятков шагов засадить стрелу в сторону, и ударил молотком по бронзовому диску. Гул разнесся над притихшими трибунами. Примолкли торговцы едой

и питьем, приподнялись, вытянули шеи мальчишки, сдвинули брови бывалые воины, прикусили языки ардуусские тетушки. Стрелки уже стояли с наложенными на тетиву стрелами, но первым должен был выпустить ее Тенакс, который вышел к последнему турниру с худшими результатами.

«Пять секунд», – прошептала про себя Кама.

Мастер стражи уже занес молоток для следующего удара, когда Тенакс наконец отправил стрелу в цель, и гулкий удар по диску совпал с попаданием стрелы в круг. Стрела воткнулась в мишень с краю, закрутила ее, и Аэс отпускал тетиву как будто наудачу, но тем не менее вонзил стрелу почти в центр круга, чуть замедлив его вращение. И одновременно с третьим ударом молотка распорядителя выстрелил продолжающий пританцовывать Вервекс. Он попал точно в центр мишени, но с ее обратной стороны, и когда круг повернулся, то разразившаяся довольными криками публика увидела наконец стрелу, прошедшую насквозь.

– Только так! – крикнула, чтобы перекричать гам, Каме Фламма, словно та была незнакома с правилами. – Если попадаешь с обратной стороны, только насквозь! Иначе считается промахом!

– Я знаю! – буркнула Кама, выглядывая Игниса и не решаясь даже скосить взгляд в сторону Рубидуса. Сразу за стрелками на помост должны были выйти борцы.

– Сегодня интереснее! – прокричала на ухо Каме вернувшаяся с леденцами Лава. – Вчера и позавчера мишени были неподвижны. Кто промахнулся – выбывает! Если никто не промахнулся, тогда повторяется упражнение с малой мишенью, но все отходят на десять шагов.

– Ага! – повысила голос Кама. – И если стрелки хороши, то будут отходить, пока не упрутся в трибуны.

– Так не бывает! – махнула рукой Фламма. – Всегда кто-то промахивается. Во втором упражнении промахнется Аэс. Вот увидишь! Он слишком спокоен! Слишком!

Аэс действительно промахнулся. И ведь Тенекс положил стрелу почти в центр второй мишени. Она не начала крутиться, только добавила к раскачке в стороны колыхание вперед и назад, именно это и подвело Аэса. Его стрела пролетела под мишенью в тот самый миг, когда та отклонилась к щиту. Принц Обстинара скривился на мгновение, затем опустил лук, поклонился на три стороны публике, которая принялась свистеть, и с достоинством покинул арену.

– Если Вервекс промахнется, тогда Тенекс победитель! – хихикнула в наступившей после очередного удара молотка тишине Фламма.

Вервекс не промахнулся. Его стрела пронзила мишень с такой силой, что красный круг раскололся и его часть, с сидевшей в ней стрелой Тенекса, упала на помост. Стрела Вервекса задрожала, воткнувшись в щит, что отгораживал помост от основания ратуши.

Восторженные крики и свист затопили площадь мгновенно, словно таились за деревянным щитом и именно стрела Вервекса вызволила их из неволи.

– Десять секунд! – растопырила пальцы Фламма. – Десять секунд каждому на попадание в малую мишень!

– А если не попадет никто, так ведь бывало? – спросила Кама.

– Бывало, – чихнула Фламма. – Эти проклятые маски! Неужели я не могу быть сама собой?

Рыжеволосая непоседа сдвинула маску на шею и с облегчением вздохнула.

– Я читала прошлые уложения турнира. Такое случалось, хотя и редко. Наверное, потому, что редко кто добирается до самой крохотной мишени. Обычно отсеиваются уже на второй, а то и на первой. Не попадут оба, продолжат состязаться, подойдя к мишени на десять шагов ближе. И будут подходить, пока не упрутся в нее. И ты права, хороший лучник даст фору любому из принцев. Редко кто, вроде того же Фелиса, может тягаться с настоящими воинами. И народ

приходит подивиться не на мастеров, а на вельмож, которые пыжатыся, стараясь отметиться в доблести. Но... Но иногда...

Снова ударил молоток Муруса, по лицу которого нельзя была даже и подумать, что он симпатизирует кому-либо из стрелков, и в наступившей тишине Тинекс выпустил стрелу почти сразу. Она не попала в цель, но зацепила веревку, на которой раскачивалась мишень, отчего та подлетела, а затем заплясала перед щитом. Тинекс расправил сутулые плечи и шутиливо поклонился Вервексу, который так и не прекращал свои танцы, словно подчинялся только для него звучащей музыке. И когда молоток ударил в последний раз, Вервекс уже был готов. Он отпустил тетиву, и на мгновение Кама показалось, что его стрела продолжила танцы даже в полете, хотя, конечно же, никакой стрелы она рассмотреть не могла, и только, как все на площади, вытаращила глаза, когда стрела пятого ребенка князя Араманы, неказистого горца с носом клубеньком, воткнулась в деревянный щит, и маленькая красная мишень закрутилась на ней, словно кусок мяса на вертеле. А затем оглушительный рев толпы заставил Каму зажать уши.

– Об этом будут помнить долгие годы! – прокричала на ухо сестре Лава и тут же потянула Каму с собой за руку. – Пошли, выпьем легкого вина! Борьба не скоро! Смотри! Вервексу вручают серебряный рог! И если у него есть избранница сердца, он может подарить его ей! Пошли! У нас есть время! Пока будут мыть помост, потом воины главной цитадели Ардууса исполнят атерский гимн, затем маг проверит соискателей на то, что они не используют магию. Жребий. Еще почти час!

– Нет, – мотнула головой Кама и поправила маску и платок, скрывающий ее теперь уже короткие, словно у мальчишки, пряди. В груди у нее опять проснулось что-то ледяное, и она изо всех сил прятала это. Тем более что тот, четвертый соглядатай снова набросил на нее петлю внимания, и ей казалось, что он жаждет не ее саму, а именно этот лед у нее в груди. И Кама вновь стала прятаться, как пряталась у магической ловушки, вот только лошади под нею не было, чтобы отвести удар, ну так и удара пока что не намечалось. Хотя ведь и не молния могла протянуться к ее груди, а самая обычная стрела. И Кама, которую, фыркнув, оставили и Фламма, и Лава, подняла руки к вискам и медленно поправила маску. Сор Сойга должен был понять, вот только зайти на эту трибуну он не мог, ну да мастер всегда был горазд на выдумки. Теперь, главное, закрыть глаза и успокоиться. Пусть шумят трибуны. Для Камы никого вокруг нет.

Глава 4

Дождь

Мальчишка Ассулум – лаписский стражник – появился на трибуне, когда помост уже был вымыт, на мокрых досках десяток широкоплечих стражников Ардууса исполнили строгий воинский гимн, а слуги начали раскатывать большой войлочный круг для состязания по борьбе. У Ассулума в руках была лента вестника, поэтому стража у трибуны пропустила его, но выглядел он испуганно и смешно. Особенно без шлема, который хоть как-то приглаживал его торчащие во все стороны вихры.

– Сядь, – кивнула ему на скамью рядом Кама. – Что просил передать Сор?

– Ваше Высочество... – начал лепетать стражник.

– Короче, – потребовала Кама. – Что сказал Сор?

– Следят пятеро, – понизил голос Ассулум. – За вами пятеро, Ваше Высочество. Да еще и все в городе говорят о какой-то опасности! Сор сказал, что следят за всеми – но Нукс и Нигелла на приеме, который устраивает принцесса Фосса. Их караулят издали. А Ее Величество королева Фискелла, вместе с мастерами стражи и Его Высочеством вашим младшим братом принцем Лаусом, отправилась по магическим рядам на поиски мага, нанять вместо бедняги Окулуса...

– Стой, – поморщилась Кама. – Кто за мной следит?

– Пятеро слежек сразу, – слизнул капли пота с верхней губы Ассулум. – Двое здоровяков из дозорных Малума. Наверное, он их отправил. Сор так думает. Они не очень следили, чаще у пивных и винных торговцев останавливались, но с вас глаз не спускали. Еще охранник от ардуусской стражи, но он и не скрывается особо. Он и теперь ждет вас у выхода. Их трое было, но двое смотрят за теми особами, что были с вами...

– Еще? – повысила голос Кама.

– Еще какой-то верзила в сером хитоне и коротышка в коричневом плаще, – едва не начал заикаться Ассулум. – Кажется, еще и в черном колпаке. Ну и сам Сор. Я уже забыл, что он мне сказал. Он меня из харчевни выдернул за шиворот только что! Сказал, что постарается разобраться, кто эти двое. Но оружия у них нет, если только ножи. Что ему передать?

– Иди обратно в свою харчевню, – прошептала Кама. – Сор сам к тебе подойдет. Скажи ему, что есть еще один. Смотрит издали. Но неотступно. Возможно, с магией. Пусть попробует прислушаться. Понял?

Кама посмотрела на онемевшего, уставившегося на нее мальчишку и поняла, что более всего на свете тот разочарован, что не видит лица принцессы. Она усмехнулась, наклонилась к нему и сдвинула с глаз маску.

– Быстро!

– Слушаюсь, Ваше Высочество! – просиял стражник и сорвался с места.

...Тем временем выбравшийся на арену ардуусский маг Софус проверил вышедших в финал четырех молодцов на магическую неутомимость или нечувствительность к боли, посмотрел, нет ли амулетов на теле, не приняли ли перед схватками бодрящей настойки, не шептали ли наговоров. Все оказалось в порядке, хотя плечи и грудь Игниса Софус ощупывал с большим подозрением, чем уделил остальным борцам. Затем Игнис Тотум и Литус Тацит как победители предыдущего дня вытянули жребий, согласно которому первому выпал в соперники длиннорукий увалень Урсус Рудус – принц и второй сын короля Хонора, а бастарду короля Эбаббара – Веритас Краниум – третий сын короля Бабу. Оба они были удачливыми бойцами и, несомненно, встретились бы в финальной схватке, если бы в турнире не участвовали Игнис и Литус. Бастард и побеждал в этом турнире в последние годы. Сейчас все четверо, обнаженные по пояс, выслушивали наставления мастера стражи Ардууса – не наносить

друг другу ударов, не захватывать за причинные места, за уши, нос, волосы, не давить на глаза, не кусаться, ослаблять захваты, если противник сдается, стучит ногой, рукой или головой о помост. Победителем признается тот, кто удержит противника, прижимая его к помосту, на пять ударов бронзовым молотком или применит захват, вынудив противника сдаться. Либо трижды за схватку уронит противника на спину, отрывая его ноги от помоста, либо не будет стоять на ногах на момент окончания схватки, которая длится три минуты, либо трижды вытолкнет проигравшего за пределы круга или не пустит его оттуда к концу схватки. Или же произойдет соединение нескольких условий, количеством не менее трех.

Кама подняла глаза на башню ратуши. Завтра точно так же и ей придется стоять на этом помосте, только в фехтовании жребий иной, выбывший из каждой схватки выбывает и из турнира. А вот в борьбе проиграть нужно две схватки, чтобы выбыть. И три, чтобы выбыть в предварительном круге. Литус пока что не проиграл ни одной. Игнис – одну. Именно Литусу. Прочие по две. Но в первом круге не все встречаются друг с другом. Игнису в первом круге не повезло. Во втором должно не повезти Литусу. А тебе, девочка, повезет ли завтра? Очень сильные фехтовальщики участвуют в турнире, очень...

Кама прищурилась, разглядывая лицо Литуса. Бастард был выше Игниса, который уж никак не слыл коротышкой, на полголовы. Да и его плечи свидетельствовали о неустанных упражнениях и постоянных испытаниях, которыми Литус одаривал собственное тело, а вот лицо было таким, что бастарда хотелось немедленно пожалеть. Из затынутого на затылке хвоста выбилась прядь и теперь свешивалась на лоб. Темные брови Литуса сходились на переносице углом, не только вытягивая и так длинное лицо, но и придавая ему печальный вид. Длинный нос стремился к линии губ, тоже не подчеркивающей веселье сына каламского короля и ныне покойной матери из народа иури. Вот только глаза у бастарда не были плачущими, они были спокойными и как будто покорными, словно все выпавшее ему в жизни бастард принимал без возражений и был готов ко всяческому ухудшению собственной участи. Отчего же тогда он с таким усердием бился на вельможном турнире не первый год? А вот Игнис был красавчиком. Если бы не Рубидус, и не Фелис, и не... – Кама зажмурилась, припоминая, кого из принцев она была бы рада встретить во сне, – то пришлось бы, пожалуй, влюбиться в собственного брата.

– Начали! – вскричал мастер и ударил молотком о бронзовый диск.

...Наверное, Урсус, сын короля Хонора, был самым сильным из четверки, вышедшей на помост. Сильным в том смысле, в каком меряются доблестью силачи на деревенской улице: кто большую тяжесть поднимет и дальше пронесет. Все дети Хонора казались Каме словно вырубленными из камня, хотя старший – Урбанус – и умудрился прибрать к рукам самую красивую дочь из выводка князя Араманы – Таркосу. Впрочем, Урбанус, в отличие от Урсуса, еще и отличался особенным спокойствием и упорством. Зато уж дочь короля Хонора – Бона – была сущим мальчишкой в платье, хотя и добралась уже до девятнадцати лет. И ведь, наверное, тоже присматривалась к женихам? Да уж, ищи женихов, сначала непутевых родственников припрячь надежнее, чтобы вино в кубках некисло, на глаза-то попадает в первую очередь младший сын короля Хонора – безобразник и лентяй Алкус, или как раз здоровяк Урсус, который если что и умел, так это подраться да мебель сломать в трактире. К счастью, король Хонора был строг и остерегал сына от подобных развлечений, иначе бы не один трактир на дороге от Хонора к Ардуусу лишился столов, лавок, а то и дверей. Урсус не был выше Литуса или шире его в плечах, но его туловище напоминало туловище медведя. Или дубовую бочку, скрепленную медными обручами. И руки у него были подобны ногам, если бы на ногах вдруг выросли пальцы и научились хватать и переламывать все, попавшее в них, как, по слухам, ломают попавших в их лапы воришек далекие северные великаны рефаимы или столь же далекие восточные – этлу. Игнису нечего было и думать прижать Урсуса к помосту или применить к нему болевой прием. Скорее бы тот применил болевой прием к принцу Лапису. Схватился бы огромной лапицей за предплечье и тут же вынудил стучать ногой по войлоку. Зачем бросать

или прижимать, если можно схватить и сжать так, что всякий соперник тут же забудет собственное имя и вспомнит имя матери? Собственно, так Урсус и выигрывал почти все схватки. Но у Игниса он не выигрывал никогда. Принц Лаписа не позволял здоровенному сопернику применять хонорские ухватки. Вытанцовывал по краю войлочного круга и всякий раз ускользал от распахнутых объятий. Пару раз огромные ладони шумно схлопывались как раз там, где Игнис стоял долю секунды назад. При втором хлопке принц Лаписа и схватил сразу две эти ладони, которым оставалось только калечить одна другую, и перекинул Урсуса через бедро. Публика, которая уже начинала понемногу роптать от очередных танцев на помосте, взревела от восторга. Вскочивший на ноги Урсус заревел громче публики, ринулся на обидчика и тут же вылетел из круга, потому что обидчик в очередной раз оказался быстрее. Урсус, конечно же, не был глупее придорожного столба. Сложить одно с другим в голове он мог прекрасно, поэтому умерил пыл и стал подбираться к сопернику медленно. Принцу Хонора было ясно, что Игнис не может взять его силой, но любая следующая ошибка Урсуса означала его неминуемый проигрыш. И вот тут Игнис удивил публику впервые. В то самое мгновение, когда здоровяк в очередной раз развел руки, чтобы поймать неуловимого противника в живые тиски, тот сам шагнул к нему навстречу. Кама, которая не сводила глаз с брата, окаменела. Верно, и сам Урсус окаменел от изумления, иначе почему вместо того, чтобы захлопнуть ловушку, расплылся в улыбке? Уж не думал ли этот лаписский наглец перемочь хонорского забияку, будучи с ним лицом к лицу? Но в тот самый момент, когда огромные руки все-таки начали смыкать объятия, Игнис сам обнял здоровяка, с трудом свел руки у него на спине, сжал кисти в замок и рванул рукастую тушу на себя и вверх.

Кама часто видела этот прием. Наверное, и Урсус его видел. Вот только никогда не примерял его к себе. И никто не примерял его к Урсусу, поскольку, кто бы ни вышел против него, Урсус всегда имел над противником двухкратный перевес хотя бы в собственной тяжести. Конечно, про принца Лаписа ходили слухи, что отец и мать не обидели его силушкой, но он был против тяжеловеса мышью, а даже самая сильная мышь, как бы она ни хотела пить, ни за что не вытянет ведро из колодца. Игнис вытянул. Оторвал толстые ноги Урсуса от войлока, выгнулся, опрокинулся назад, но и здоровяка-противника перекинул через себя, да так, что последний покатился до края войлока и выкатился из круга.

– Игнис! – вскочила на ноги вместе с ударом бронзового молотка Кама, но ее голос тут же потонул во всеобщем восторженном крике. Положительно жители Ардууса влюбились в принца Лаписа. Только бы стены ратуши не рухнули от гула!

– Ничего себе! – завопила вернувшаяся вместе с Лавой Фламма. – Кажется, у меня появился новый будущий муж! Хочу твоего брата! Хочу!

– Осталось, чтобы согласился он, – едва разомкнула губы Кама.

– А у него есть какие-то предпочтения? – наклонилась к уху Камы Фламма. – О главном я не беспокоюсь, наводила справки, братец твой точно предпочитает девушек.

– Боюсь, что сейчас он думает только о том, как выиграть турнир, – ответила Кама.

Не понравилась ей победа брата. Не из-за легкости, из-за неожиданного куража. Тот же Сор Сойга всегда говорил ей, да и Игнису, и всем остальным отпрыскам королевского дома Лаписа, что бояться надо куража. Кураж подобен хмелю. Подобен крыльям. Чувство полета он дает каждому, кого посещает в минуту схватки или еще какого испытания. Тот, кто испытывает кураж, способен на многое. Преодолеть высоту, которую никогда не преодолевал. Победить соперника, о победе над которым мог только мечтать. Поднять тяжесть, на которую в обычное время не хватит силы двоих таких, как он. Но кураж изменчив, как ветреная девушка. Недолог, как летний солнечный дождь. И, самое главное, пуст. Он – ничто. Он не делает тебя в два раза сильнее, ловчее и удачливее. Поэтому бойся куража, он дает тебе чувство полета, но не дает настоящих крыльев. Тебе кажется, что ты летишь, но на самом деле ты падаешь. Поэтому, если кураж настиг тебя, отдышись и соберись с силами.

– А ты разве не знаешь? – подтолкнула покрасневшую Лаву Фламма. – Не смотрела? Вербекс подарил ей свой серебряный рог!

– Вот, – Лава распустила сверток, который держала в руках, показала край рога. – Я знала, что он подарит его мне.

– Понятно, – улыбнулась Кама. – Не зря я удивилась твоему желанию выпить легкого вина. Никогда не замечала за тобой особой жажды.

– Представляешь? – взмахнула руками Фламма. – Через год она сможет стать араманской княжной! Ее муж, конечно, не будет князем Араманы, но возглавит один из дозоров, что стерегут южную границу Сухоты. А она будет ждать его долгими вечерами и вышивать араманские платки.

– Да ну тебя, – надула губы Лава. – Еще ничего не известно!

– Однако рог у тебя, – засмеялась Фламма. – Или ты рогом же собираешься и отплатить танцующему стрелку?

– И все-таки почему Сор следит именно за тобой? – отмахнулась от Фламмы Лава.

– Не знаю, – ответила Кама после паузы. – Но однажды он сказал, что наставник должен быть рядом с тем учеником, который может превзойти своего учителя.

– Ого! – воскликнула Фламма, присматриваясь к арене, на которую вышли Литус Тацит и Веритас Краниум. – Я много слышала о вашем даките. Некоторые считают, что двадцать лет назад, когда он еще служил дакитскому королю, равных ему не было в воинском искусстве! Ведь он дальний родственник твоей матери? И ты можешь превзойти его? Почему ты, а не Игнис? И разве может человек превзойти дакита?

– Не знаю, – потерла виски Кама.

Весенняя прохлада не баловала теплом, но под маской было жарко. Хотя что-то удерживало Каму от того, чтобы снять ее.

– Не знаю, – повторила Кама. – Завтра посмотрим, чего я стою. В крови моей матери есть и кровь дакита, и кровь этлу. Только что Игнис показал, что такое кровь этлу. Кровь дакита должна будет проявить себя завтра. В моем фехтовании. Если повезет. Я должна победить Рубидуса. Сор говорил многое. К примеру, если на войне лежит долг, то никакая случайность не должна помешать исполнить его.

– Интересно, – потерла веснушчатый нос Фламма. – А если судьба сталкивает тебя с другим воином? С тем, у которого другой долг? Ну, вот как на этом войлочном круге? Что делать? Воспринимать соперника как случайность, которая не должна помешать, или как нечто непреодолимое? Ведь у него тоже долг, и ты сам для него случайность, не более того!

– Тебе-то зачем? – хихикнула Лава. – Разве ты воин?

– Пока нет, – стерла с лица улыбку Фламма.

Тем временем на войлочном круге разворачивалась настоящая борьба. И Литус, и Веритас были испытанными бойцами. Никто из них не полагался только на силу, хотя и тот, и другой могли похвастаться и твердыми мышцами, и гибкостью тела, и несгибаемостью воли. Правда, Литус был повыше Веритаса, зато последний с готовностью подныривал под руки противника и не без успеха пытался схватиться за его пояс. За первую минуту схватки, к восторгу публики, и тот, и другой успели ощутить прикосновение войлока к собственным лопаткам. Но постепенно Литус стал брать вверх. Небольшое преимущество противника в росте и весе вкупе с таким же преимуществом в умении заставляло Веритаса сильнее напрягаться и быстрее тратить силы. Вскоре он уже тяжело дышал, а Литус как будто и не устал, раз за разом отбивая безуспешные попытки соперника сделать удобный захват. В какой-то момент Веритасу удалось добраться до пояса бастарда, но уже в следующее мгновение ноги сына короля Бабу оторвались от земли, и бедняга улетел за пределы войлочного круга. Как раз и ударил гонг.

– Прости, но Литус и сегодня победит, – постаралась перекрыть вопли публики Фламма. – Он бережет силы. И он мудрый.

– Не отказывай в мудрости Игнису! – подала голос Лава.

– Я не отказываю, – пожалала плечами Фламма. – Я им восхищаюсь. Но... сама увидишь. Хотя я бы не удивилась любому исходу. Тем более что без дождя сегодня все-таки не обойдется.

И словно услышав слова рыжеволосой разбойницы, холодный дождь обрушился на арену. Застучал по навесу над вельможными трибунами, намочил доски, зашуршал, впитываясь в войлок. Плечи борцов заблестели каплями. Мокрые хлопья снега замельтешили перед глазами.

«Увижу, – подумала Кама. – Непременно увижу. Была бы рядом, подошла, обняла, прошептала важное на ухо, охладила, а лучше бы плеснула в лицо холодной водой. Но я не рядом. Да и самой бы так же завтра не разгореться. Смотри и учись. Смотри и учись. Смотри и учись. Давай, Игнис. Соберись. Может быть, хоть дождь охладит тебя».

...Жребий не всегда милостив. Сразу стало понятно, почему берег силы Литус. После победы ему пришлось остаться в круге, куда, почти шлепая по лужам, вышел и Урсус. Здоровяк успел оправиться от броска, которым его угостил Игнис, и даже наполнил глаза яростью. Рычание его, во всяком случае, было слышно и на трибунах. Очередным гулом отметил начало схватки бронзовый молоток, и Урсус тут же бросился на противника. Да, Литус, несомненно, был крупнее Игниса, и увернуться от объятий принца Хонора ему было труднее, но он и не стал уворачиваться. Он шагнул в сторону, поймал Урсуса за руку и в тот самый миг, когда здоровяк, вновь расплывшись в улыбке, приготовился развернуться и стиснуть смертельные для всякого объятия, прыгнул. Вот уж чего не ожидал никто. Всеобщий вздох разнесся по трибунам. Ладно бы, если бы прыгнул Веритас, даже Игнис, но прыжок высокого Литуса... Ему незачем было прыгать, достаточно было не попадаться в объятия Урсуса, но Литус прыгнул, и вторая рука Урсуса не нашла цель, зато свою цель нашел и удержал бастард. Он вывернулся в прыжке, обвил плечо Урсуса ногами и упал вместе с ним на помост, выкручивая его толстенную руку на себя и давя ему на горло лодыжкой. Здоровяку хватило пары секунд. Вскоре он принялся молотить по войлочному покрытию помоста и свободной рукой, и ногами, и даже, разбрызгивая мокрый снег, затылком. Литус отпустил жертву вместе с ударом гонга. Рев трибун был ему наградой.

Кама покачала головой. Теперь уже победа Игниса не казалась ей чем-то безусловным. Литус был явно сильнее. Конечно, Игнис мог прыгнуть выше головы, но победы заслуживал именно бастард. Тем более что если Игнис выиграет схватку у Веритаса, то ему придется схватываться с Литусом без отдыха. Или почти без отдыха.

Когда принц Лаписа и Веритас вышли в пропитанный водой круг, Мурус помедлил с ударом молотка. Может быть, он хотел дать угомониться восторженной публике, может быть, растянуть представление. Оставались только две схватки, после которых помост должны были занять музыканты, танцоры и жонглеры, но дождь расстроил их планы. Так что Игнис и Веритас, два совершенных на вид воина, две гордости двух королевских домов, стояли друг против друга на краях войлочного круга не менее пары минут.

Кама поймала взгляд брата, проследила за ним, обернулась и улыбнулась под маской. На три ряда выше сидела принцесса Раппу – Регина Нимис. Капюшон закрывал ее лицо до самых глаз, но маска была сдернута к подбородку. Кама почти ничего не знала о возможной избраннице Игниса, кроме того, что та была дочерью лаэта и прайдки, сосватанной некогда ныне покойным Стробилусом Нимисом в далекой северо-западной стране, в которой, кстати, всходили на престолы и правили женщины, а не мужчины. Впрочем, в нежном лице Регины не чувствовалось властности, только холод, но и тот поражал не равнодушием, а ледяным изяществом черт. И все-таки, демон ее раздери, ведь она открыла лицо именно для него!

– Все пройдет, – услышала Кама незнакомый голос.

Прямо над ней сидела девчужка, плащ и маска на которой были черного цвета. И так маленькая, она казалась от этого еще меньше, к тому же устроилась на скамье с ногами, обхва-

тив их и свернувшись почти в комок, но глаза, которые блестели сквозь прорези маски, ничем не подтверждали догадку, что их обладательница замерзла.

– Все пройдет, – повторила незнакомка те же слова, и ее голос показался Каме змеиным шипением, но шипением не противным, а приятным, бархатным, нежным. – И этот праздник, и союз девяти королевств, и все, все, все, что ты видишь. Ты еще будешь вспоминать это время, Кама, и плакать о нем. Оно не скоро повторится. И если повторится, то не для нас.

– Все проходит, – медленно выговорила Кама. – Мы становимся старше и видим все иначе.

– Многие не станут старше, – ответил голос. – Взрослые не станут стариками. Старики не смогут уповать на счастье собственных внуков. Мир подходит к концу. Или ты не чувствуешь? Ты должна! Оглянись! Краски мира бывают так яркие только перед его концом!

Кама отчего-то похолодела, вздрогнула, оглянулась, поймала взглядом просвет в облаках, раду, сияющую сквозь холодный дождь, снег на каменных собачьих головах, неожиданную яркость стен амфитеатра, ратуши, золотых стрелок часов на башне ратуши, блеск черепицы на высоченных башнях королевского замка за нею, но когда вновь обернулась, незнакомки за ее спиной уже не было. И в это мгновение вновь ударил гонг.

– Ну же! – дернула ее за рукав Лава. – Ты будешь смотреть?

Еще не понимая, что произошло, с трудом рассеивая охвативший ее странный холод, Кама вновь повернулась к помосту. На нем происходило что-то непонятное. Веритас крадучись двигался вдоль края войлочного круга, а Игнис неподвижно стоял в его центре и только едва приметным движением головы давал понять, что видит противника. Веритас зашел за спину Игниса, но нападать из-за спины считалось бесчестием, поэтому он двинулся дальше и только тогда, когда оказался почти напротив правой руки Игниса, рванулся к нему.

Только мгновение, одно мгновение Каме казалось, что именно Веритас схватил Игниса за правую руку, но почти сразу же она поняла, что схватил противника все-таки Игнис. То ли принц Лаписа был натренирован именно в этом приеме, то ли удачно воспользовался движением соперника, но через то самое мгновение, за которое Веритас должен был расправиться с ее братом, принц Бабу лишился опоры. Ухватив его за пояс и за руку, Игнис поднял Веритаса над головой так, словно держал набитое соломой чучело, сделал несколько шагов к границе круга и швырнул соперника на доски. Глухой удар потряс площадь. И наступила тишина.

Кама оглянулась на Регину. В ее глазах стояли слезы. Принцесса Раппу подняла маску на лицо, встала и бесшумно пошла прочь. И тут грянул всеобщий стон, который сменился диким, невыносимым ревом толпы. Ударил гонг. Кама посмотрела на помост. Корчась от боли, Веритас с трудом поднимался, покачиваясь на четвереньках, а Игнис стоял, опустив руки, и смотрел на уходящую Регину.

– Ну что?! Ну что?! – кричала Лава и била кулачком в плечо Фламму.

– Ничего, – отрезала та жестко и, посмотрев на Каму, вернула маску на лицо, прикрыв ею веснушки.

«Это не мой брат, – подумала Кама. – Или не только мой брат. Мой брат не такой. Он лучший. Он не мог поступить так. Поэтому он не победит. А если победит, то это будет не его победа».

...И вот Мурус снова взял в руки бронзовый молоток. И началась последняя схватка. Испытанный борец против молодого борца. Бастард против принца. Спокойствие и выдержанность против кипения, силы и азарта.

Литусу пришлось нелегко. Игнис был настроен на то, чтобы сломать бастарда, порвать его, уничтожить. И у него были силы для этого. Они бурлили в нем, бугрили его тело мускулами, зажигали огонь в его глазах и сердце, но Игнис сгорал в этом огне. И Кама, которая не сводила глаз с брата, чувствовала это. Игнис был силен, быстр, ловок, а Литус был безупречен. Он уходил от захватов, перехватывал противника, отвечал приемом на прием, и уже на

первых секундах Игнис оказался на спине. Он вскочил на ноги, как дикий зверь. Почти взлетел, выпрямился, как пружина! Падение ничего не значило для него, он посчитал это случайностью. Лучший меч может выпасть из руки, но он остается лучшим мечом. Но прошло еще несколько секунд, и там, где Игнис раз за разом рассчитывал обнаружить слабость противника, он обнаруживал его мудрость. Сила, способная раздавить любого силача, сила, наполнившая тело Игниса, оборачивалась против него самого. Вот очередное невероятное усилие, способное подбросить вверх даже Урсуса, вместо того чтобы сбить с ног Литуса, перевернуло вверх ногами самого принца и снова уложило его спиной на войлок. Литус только подправил его движение. Поражение взглянуло в глаза принцу Лапису.

И тут Игнис попытался прийти в себя. Остыть. Собраться. Он словно вспомнил наставления Сора Сойга, который, конечно же, наблюдал за своим учеником. Игнис чуть согнул колени, опустил плечи, расставил в стороны руки. Он не мог проиграть. Сегодня был его день, а не день бастарда. И победа, которая таилась за взмахом бронзового молотка, была его победой. Оставалось совсем немного. Добавить к жару умение и волю, и уничтожить противника, пусть даже он выше на полголовы и отдал всем этим воинским наукам больше времени, чем любой из принцев, выходивших на помост Ардууса.

Литус был утомлен. Его ноги скользили по мокрому войлоку. На его плечах, груди, лбу выступил пот, который не мог смыть даже дождь. Движения стали чуть медленнее, но не стали менее точными. Бастард, которому было непросто противостоять принцу Лапису, как непросто противостоять урагану, устал, но эта усталость не была безнадежной. Он просто стал скупее в движениях, и, наверное, и это тоже играло в его пользу.

Игнис приблизился, скрестил с Литусом предплечья, ухватил его за пояс, не обращая внимания на то, что и его пояс ухвачен, ему ли было бояться захвата, бояться должен был бастард. Сделал резкое движение в одну сторону и в следующее мгновение потащил противника в противоположную, чтобы уронить его на мягкий войлок через выставленную ногу. Прием был самым обычным и, как говорил Сор Сойга, самым лучшим. Самый простой, доведенный до совершенства, заученный навсегда прием приносит больше побед, чем сложнейшее, невозможное умение редких мастеров. И он должен был принести победу Игнису, потому что Литус уже сдавал, принц Лаписа чувствовал это и по дыханию, и по поту, заливающему лицо бастарда. Должен был, но не принес. Выставленная нога Игниса поймала лишь пустоту. Зато та нога, на которую опирался принц Лаписа, непостижимым образом оказалась подсечена ногой бастарда. И тем более невозможным было то, что Литус вдруг развернулся к Игнису спиной, и именно на его спину принц Лаписа и лег, прежде чем оторвать ноги от войлока, взлететь и приложиться о тот же войлок собственной спиной. Плюхнуться в лужу. В третий раз. И услышать победный удар гонга. Гул чужой победы.

В реве толпы, приветствующей победителя турнира борцов, которым по праву стал в третий раз бастард короля Эбббара, принц Лаписа, ослепленный несправедливостью судьбы и собственной ненавистью к ее избраннику, вскочил на ноги и ударил воздевшего к небу руки бастарда в спину.

Глава 5

Совет

От древнего каламского города, некогда прикрывавшего вход в благословенную долину, сберегаемую от холодных ветров горами Балтуту, на начало нового времени оставались лишь развалины, большею частью фундаменты зданий и основания стен, да амфитеатр, который впоследствии, когда в этих местах осели атеры, стал частью главной площади уже другого города и на котором теперь проводился турнир, но горожанам, а особенно приезжим, казалось, что дух древности по-прежнему витает над башнями Ардууса. И уж во всяком случае, над старым королевским замком, который примыкал к амфитеатру и частью которого была ратуша. За последние сто лет проход в долину был перегорожен высоким валом, на котором поднялась знаменитая ардууская стена – как защита от нечисти из Светлой Пустоши, да и от прочих бед. Уже в самом городе частью этой стены стала цитадель, строительство которой заканчивал Пурус Арундо, что правил Ардуусом последние двадцать лет. Ворота цитадели смотрели на Вирскую площадь, амфитеатр, ратушу и королевский замок, а внутри цитадели имелся уже и новый дворец, и новая ратуша, и все, что нужно городу, который собирается стоять вечно, но сердце города оставалось в старом замке.

Может быть, не зря предки короля Пуруса приглашали для строительства старого замка уцелевших каламских мастеров и наказывали использовать для строительства прежде всего камень из каламских руин? Камня как раз и хватило на замок, а едва камень кончился – ожили каламские каменоломни, где трудились тысячи атеров, обживая пустынную землю, которой отныне предстояло стать их родиной. Новые поселенцы ходили по старым, расчищенным мостовым, строили дома на тех же фундаментах, на которых стояли прежние сооружения. Возделывали успевшие затянуться бурьяном поля. Подрезали разросшиеся плодовые деревья. Восстанавливали виноградники. Расчищали дороги. Рожали детей. Располагались в ардуусской долине основательно, навсегда. Так он и вырос – Ардуус, яркая тень на древних камнях, веселая игрушка на месте заурядного каламского города, давно перещеголяв его размером. Да и много ли их осталось, каламских городов? Разве только Эбаббар да Кирум, порядком уже перестроенные новыми жителями. Да прекрасный Самсум – отец всех городов Анкиды. Конечно, не считая Уманни, который захватила Светлая Пустошь. Но его древности недоступны, разве только для тех смельчаков, которые обзываются паломниками и идут к холму четырех храмов, чтобы поклониться пеплу того, кто спас этот мир, да и то издали. К тому же ветшает Уманни. Рушатся дома.

Хотя разве полторы тысячи лет недостаточный срок, чтобы и атерские стены считались древними? Да что там полторы тысячи лет, и тысячи лет было бы довольно. И пятисот выше самой высокой ардуусской крыши. Да и со времен заключения ардуусского договора прошло уже сто лет, и не осталось никого, кто бы помнил первое ардуусское празднество, разве только кто-то из угодников, которые, по слухам, тянут бродяжью ляжку и дольше ста лет. Или же кто-то из дацитов, и у тех срок в полтора раза от обычного, но последних не так много в окрестных землях, да и кто же знает, что они помнят, если легче разговорить камень, чем дакита? Лучше уж обратиться к пожелтевшим свиткам, в которых сочтено все, в том числе и то, что прошедшие сто лет были не самыми плохими годами. Тогда отчего же воздух Анкиды стал таким терпким, что нельзя вдохнуть его, чтобы не закашляться или не поперхнуться? Не об этом ли поют менестрели на площадях Ардууса? Значит ли это, что век спокойствия и благоденствия подошел к концу? Или все дело в вестях, что приходят с севера, запада, юга, востока? Или нечисть, обитающая в Светлой Пустоши, взяла силу, и дозоры девяти королевств не справляются с нею? Ни первое, ни второе, ни третье и ни все остальное. Или все перечисленное и кое-

что страшнее? Тень беды нависла над Анкидой. Но беды самой нет. Только тень? Холод без снега? Сырость без дождя? Свист без ветра? Нестерпимый жар без огня?

В разных раздумьях явились к прощальной трапезе собравшиеся в Ардуусе короли и князья, но именно тревога витала над круглым столом, хотя разговор, чтобы обозначить ее, не клеился. Может быть, потому что в последнее утро ярмарки короли собирались без советников, магов, слуг и прочей привычной челяди? Все они оставались за дверями большого зала, а точнее, окунались в торг, торопились приобрести подарки близким да закончить разговоры о сватовстве и будущих совместных празднествах. За столом собрались только венценосные особы, по одному от королевства. Даже угощения королям подавали дочери короля Пуруса – красавица Фосса и огненно-рыжая, неугомонная разбойница Фламма. А сын короля Болус сидел у входа и с тоскливым видом снимал пробы со всех заносимых блюд. Хотя к кувшинам с вином, несмотря на свои пятнадцать лет, он прикладывался с видимым удовольствием. А судя по ехидству, которое сквозило в каждой гримасе его сестры Фламмы, пробы с лучших блюд снимались дважды. Однако сидевшим за круглым столом было не до вкуса угощений. Они переглядывались друг с другом, словно каждый ждал первого слова от соседа. И когда молчание стало тягостным, король Ардууса отодвинул блюдо, в задумчивости потер длинный нос, осушил кубок вина и заговорил. И его голос зазвучал в тишине отчетливо, но тревожно:

– Сто лет назад, в одна тысяча триста девяносто девятом году, королевства Ардуус, Бабу, Лапис, Обстинар, Раппу, Тимор, Утис, Фидента и Хонор – подписали Ардуусскую грамоту, в которой говорилось, что если тьма стусит над нашими землями, если кому-то из нас будет угрожать враг, то все встанут на его защиту. Соберется войско, которым будет управлять один из девяти королей. В первую очередь этот груз достался королю Ардууса, в сотый год ноша, которая так ни разу и не легла на плечи, а была хранима в запаснике Ардууса, снова считалась моей. В двенадцатый раз для моего королевства, во второй раз для меня. Все прочие королевства из девяти отстояли в этой упряжи по одиннадцать раз. С завтрашнего дня почетная тяжесть переходит к королю Бабу. Что скажешь, дорогой Флагрум?

Флагрум Краниум, крепкий воин пятидесяти девяти лет, отец пятерых детей, заговорил не сразу. Сначала окинул взглядом сидевших за столом, помолчал с минуту, уставившись на остывающую перед ним на блюде ногу ягненка, затем посмотрел вверх, где древние камни смыкались заостренными сводами:

– Разве обязательно что-то говорить? Или ты, дорогой Пурус, думаешь, что впереди у нас нет еще ста лет благоденствия?

Король Ардуус развел ладони. Промолчали и все остальные. Король Бабу громыхнул пустым кубком, с благодарностью кивнул Фоссе, тут же наполнившей его, выпил, вытер ладонью губы, посмотрел на сидевшего напротив него худого и черного, словно закопченного на горячем ветру, короля Бэдгалдингира – Тигнума Ренисуса, который был старше самого Флагрума еще на десять лет.

– Дорогой Тигнум, когда ты родился, Ардуусскому договору был двадцать один год. Когда ты рос, были живы те, кто заключал его. И не только они. Ведь, как известно, среди нас, с нами все сто лет были не только девять королевств, которые подписали договор, но и те, что воздержались от подписи. Все эти годы они были нашими друзьями и сейчас сидят в этом зале за этим добрым столом. Что они думали тогда?

– Ты действительно хочешь моего ответа? – проскрипел Тигнум.

– Выслушаю с почтением, – кивнул Флагрум.

– Хорошо, – согласился Тигнум. – Хотя об этом было говорено столько, что я, к примеру, выучил все сказанное наизусть. Да и почтенный Пурус Арундо напомнил выученное, вновь обратившись к тем же разговорам. Думаю, лет в пять я уже затвердил все доводы и все объяснения. К счастью, ни один из них не пригодился. Пока. Ну да ладно. Все знают, что сто лет назад была война. Не самая страшная, но и не веселенькая прогулка. Тирена пыталась заполучить

обратно ее исконные земли, которые не были отвоеваны у нее когда-то, но были брошены, пусты и заселены в силу именно своей пустоты. Тогда атерским и не только атерским королевствам пришлось нелегко. Но они выстояли. И заключили договор после победы во избежание разрозненности перед лицом нового врага. Возможного врага. Врага, которого за эти сто лет так и не случилось. Не так ли?

Тигнум обвел тяжелым взглядом сидевших за столом королей.

– Благодаря тому, что у нас есть этот договор, – напомнил король Ардууса. – Но его подписали не все, кто присутствовал в этом самом зале сто лет назад. Не так ли?

– Так, – кивнул Тигнум и откинулся в кресле. – Хотя напомню, Тирена была разбита без всякого договора, и в той войне участвовали не только девять королевств. Договор подписали девять королевств, не подписали мои предки, а также Кирум и Фаонтс, который ныне прозывается Даккитой, – Тигнум кивнул растяннутому губы в улыбке и показавшему клыки королю Даккиты Халибсу Гибберу. – Не подписали договор представленные послами Арамана и Аштарак, мое почтение их нынешним князьям. Ну, и не могу не добавить, что в последние годы во всех наших празднествах принимает участие король Эбббара. Сначала прошлый, теперь нынешний. Так что нас здесь пятнадцать!

– Нас здесь двенадцать, – не согласился Флагрум. – Или короли Тимора и Обстинара прибыли и стоят за дверью? Да и короля Эбббара нет в этом году.

– Бастард короля Эбббара выиграл турнир по борьбе! – улыбнулся Тигнум, покосившись на окаменевшего короля Лаписса. – Его племянник в городе. В городе его дочь, которая вскоре должна разрешиться от бремени. Может быть, Флавусу Белуа нездоровится? Хотя он и младше меня на девять лет. К тому же, как я слышал, месяц назад он гостил у почтенного Пуруса Арундо? Ну что, простим Флавусу маленькую неточность? Может быть, он перепутал обороты свитка и прибыл на месяц раньше?

За столом сдержанно засмеялись.

– Сыновья короля Обстинара вчера достойно представляли своего отца на турнире по стрельбе из лука, – продолжил Тигнум. – Детей короля Тимора мы увидим сегодня. Да, их отцы не здесь, на севере беспокойно. Но их королевства с нами! Так что нас не девять, а пятнадцать! Да, не все из нас подписали договор тогда, сто лет назад. А что, если их остановила их собственная мудрость? Мудрость девяти заставила их подписать договор, а мудрость прочих – воздержаться. Кто из них выиграл? Все. Кто проиграл? Никто.

– Игра еще не закончена, – подала голос Рима Нимис, единственная женщина в зале, не считая ардуусских принцесс. – Причины могли быть разными, но игра еще не закончена. Я не пойму, к чему заходить издалека, когда все ясно видно вблизи? Кто-то побоялся, что атерские королевства сольются в одно, кто-то не решился расстаться даже с крупницами самовластья, кто-то поостерегся огорчить свою знать.

– Например? – раздраженно молвил Тигнум.

– Кирум, Эбббар, – улыбнулась Рима. – Надеюсь, я никого не обижу, ведь речь идет о событиях столетней давности? Королевский дом Кирума атерский, но большинство его населения – не атеры, мое почтение Асеру Фортитеру.

– А разве Раппу атерское королевство? – склонился вперед Тигнум.

– Лаэтское, – продолжала улыбаться Рима. – Единственное из девяти. И атеры, и лаэты, и руфы – виры. Они – один народ, который даже говорит на одном языке. Да, письмена отличаются, и многие слова тоже, но корень у языка один. Поверьте мне, я прайдка, поэтому вынуждена была выучить ваши языки. И теперь я знаю их лучше вас. Раппу – лаэтское государство, хотя мы открыты для всякого доброго человека. Но мы живем на краю Сухоты. Я не хочу сравнивать Сухоту и Светлую Пустошь, хотя Сухота и крупнее, и нечисти в ней больше, пока, во всяком случае, но там только мы и Арамана. И дозоры там только наши и Араманы, потому как Даккита и Бэдгалдингир отгорожены от Сухоты стеной. Вам здесь чуть-чуть проще. Мы

всегда чувствовали, что нам может потребоваться помощь. Пока не потребовалась. Пока. Но мы рассчитываем на нее. И готовы помогать сами.

– Так, может быть, пришло время? – Пурус выпрямился, поднялся с кресла. – Нужно сделать так, чтобы наш союз был союзом не девяти, а пятнадцати?

Король Ардууса окинул взглядом всех собравшихся за столом. Вжавшегося в кресло седого короля Бабу Флагрума Краниума. Пошедшего красными пятнами после упоминания турнира по борьбе короля Лаписы Тотуса Тотума. Светловолосого и всегда невозмутимого князя Араманы Силекса Скутума. Сдвинувшего брови Каниса Тимпанума – князя Аштарак. Поблескивающего клыками Халибса Гиббера – короля Даккиты. Ядовито улыбающегося короля Кирума Асера Фортитера. Царственную Риму Нимис – урожденную Радере, прайдку по родству, лаэтку по духу. Седобородого Салубера Адорири – короля Утиса. Скучающего Паллора Верти – короля Фиденты. Напряженного Гратуса Рудуса – короля Хонора. Искрящегося злым взглядом Тигнума Ренисуса – правителя Бэдгалдингира.

– О чем мы спорим? – с нежной улыбкой поднял руку король Фиденты. – Что изменится от количества подписей под Ардуусской грамотой? Разве сейчас мы не пошлем наши дружины, если, как встарь, нагрянут кочевники с юга? Разве мы не защитим Аштарак? Да что Аштарак, мы бы стали защищать и Дину, хотя уж она-то точно ничего не подписывала, нигде не присутствовала и никуда не собирается.

– По глупости и заносчивости, – буркнул король Хонора. – Динская знать считает, что, если несколько тысяч их предков помахали мечами полторы тысячи лет назад на стороне императора и благословенного Энки, а все виры стояли на противной стороне, никакого союза ни с атерами, ни с лаэтами, ни с прочими для них быть не может!

– Как угодно, – кивнул Паллор. – Хотя есть хроники и подревнее полуторатысячных, и в тех хрониках дины махали мечами вовсе не на праведной стороне. Не о динах мы здесь говорим. Сто лет – это много. И хороший закон – это долгий закон. Три хороших закона, которые сменяют друг друга, хуже одного, пусть даже он и обнаружил какие-то недостатки. Ардуусскому договору – сто лет. Впиши мы туда хоть одного из тех, кто не пожелал вписаться в него сто лет назад, Ардуусскому договору будет не сто один год, а один год. Один день! Зачем? Или у нас нет других забот? Да и сотрите со своих лиц эти мрачные маски! Или вы думаете, что мне так легко улыбаться, когда все вокруг меня мрачны?

– Я тоже улыбаюсь, – проскрипел Тигнум и растянул губы еще сильнее.

– Спасибо, дорогой Тигнум, – осветился еще более яркой улыбкой Паллор. – Я бы тоже улыбался, будь мой город так же защищен, как хотя бы одна из твоих крепостей. Хотя что мне сетовать? У меня реки с двух сторон, с третьей горы. Может быть, лучше послушаем князя Аштарак, мне вот кажется, что он чем-то обеспокоен? Хотелось бы получить и какие-то весточки от Обстинара и Тимора. Да и правитель благословенной Даккиты тоже имеет что сказать. Или мне показалось?

– Не показалось, – коротко бросил Халибс. – Но сначала я бы хотел услышать то, что не успел договорить король Пурус.

– Хорошо, – прищурился король Ардууса. – Скажу больше. Может быть, даже больше, чем собирался. Хотя мрачность присутствующих, как я понимаю, связана с тем, о чем мы говорили с каждым при личной встрече. Так что можете улыбаться хотя бы потому, что, уверяю вас, каждому из вас я говорил одно и то же.

– То-то я смотрел, как ты гладко излагал, – заскрипел Тигнум. – Четырнадцать разговоров... Поневоле выучишь наизусть нужные слова...

– Тысячи разговоров, дорогой Тигнум, – покачал головой Пурус. – Потому что прежде, чем говорить с каждым, я тысячи раз разговаривал сам с собой.

– Ух ты! – вытаращил глаза Флагрум. – И как же это перенесла прекрасная королева Тричилла? Моя Фенестра давно бы придушила меня или заткнула бы мне рот!

Смешок прокатился вокруг стола.

– Я уединялся в новой башне посреди цитадели, – дал повод еще одному смешку Пурус Арундо, сам улыбнулся, но тут же погасил улыбку. – Не буду повторяться, все, что я говорил вам, вы помните. Мы будем оставаться тем же договором столько, сколько нужно для нашей безопасности, пусть даже нас будет не пятнадцать, не девять, а восемь или пять или два! Но мы должны стать тем, чем полторы тысячи лет назад была Лигурра!

– Она плохо кончила, – процедил сквозь зубы король Хонора Гратус.

– Если бы не она, Анкида бы не устояла, – ответил Пурус.

– И мы были бы на той стороне, что праздновала победу, – парировал Гратус.

– Когда мясник что-то празднует, он разделяет не соседских свиней, а собственных, – развел руками Пурус. – Это старый разговор, дорогой Гратус. Что ж, я напому. И в Хоноре возносят молитвы благословенному Энки, а не тому, кто отравил своим трупом Светлую Пустошь!

Над столом повисла тишина. Пурус на мгновение закрыл глаза, потом продолжил:

– Я помню, что мне говорил каждый из вас. В ответ на предложение создать единое царство вокруг Ардууса, который на сегодня есть средоточие силы и славы атеров с этой стороны гор. Виров, если хотите. В Ардуусе живет больше людей, чем во всех прочих королевствах ардуусского договора, вместе взятых. И лишь немногим меньше, чем во всех королевствах, чьи правители раз в год собираются за этим столом. Богатства Ардууса неисчислимы. Силы – велики. Но не беспредельны. И они не будут беспредельны, даже если мы все станем единым целым. Но мы будем сильнее.

– И что же мы говорили тебе в ответ? – расплылся в ехидной улыбке король Бэдгалдингира. – Уж напомни мне, дорогой Пурус. Ответь королю, который правит королевством с числом подданных чуть более четверти от твоих подданных. К тому же лишь четверть из них виры. Что мы говорили тебе в ответ на предложение создать великое вирское царство? И что говорили тебе Аштарак и Арамана?

– Я помню, – не менее сладко улыбнулся Пурус. – Так же, как то, что я сказал в окончание каждого разговора. Вы говорили, что я хочу стать императором? Нет, отвечал я вам. Я не хочу этого титула, меня устраивает тот, что есть. Вы говорили, что я хочу лишить вас королевских титулов? Нет, отвечал я вам. Называйтесь так, как вам угодно и как было угодно вашим предкам – королями, князьями, царями. Вы говорили, что я жажду ваших богатств? Нет, отвечал я вам. Я сам могу поделиться с вами богатствами, чтобы укрепить ваши крепости и ваши дозоры. Вы говорили, что я хочу подчинения и покорности? Нет, отвечал я вам, потому как я хочу славы и благоденствия для наших народов. Вы говорили, что я хочу огромную армию для Ардууса? Да, отвечал я вам. Но не огромную, поскольку огромные армии – это тяжелый груз для любого царства. Огромной она должна стать на случай большой войны. В прочее время она должна быть такой, чтобы наши жены и дети спали спокойно. Армия собирается тогда, когда на страну надвигается тень. В прочее время она стережет ее сон своей меньшей частью. Нам нужно хорошее войско на севере – в Обстинаре и Тиморе. Второе на юге – в Аштараке и Бабу. Третье – на восточных границах Даккиты. К этому еще и усиленные дозоры вокруг Светлой Пустоши и Сухоты. Не исключая строительства стены вокруг поганой равнины. Это облегчило бы жизнь всем.

– Хонор далек и от Сухоты, и от Светлой Пустоши, – подал голос король Гратус.

– Зато близок от Тирены и от дикарей с юга, – заметил Пурус.

– Огромная армия, и даже не слишком огромные, но три войска, да еще и усиленные дозоры потребуют денег, – прогудел Флагрум.

– Да, – кивнул Пурус. – Но не больше, чем они требуют их теперь. К тому же никто не заставляет, к примеру, маленький Лапис, в котором жителей меньше всего, напрягаться так же, как Ардуус.

– Маленький Лапис кует лучшее оружие в Анкиде, – глухо обронил Тотус Тотум.

– Мне известно о подвигах лаписских мастеров, – язвительно улыбнулся Пурус, заставив вновь окаменеть короля Лаписа.

– А дружины? – весело прищурился Паллор. – Их тоже в одну копилку?

– Нет, – расхохотался Пурус. – И дружины, и городская, и граничная стража, и, наконец, ваши жены останутся с вами. Для вас ничего не меняется. Кроме того, что вы будете не частью договора, а частью великого царства от крепости Баб до Эбаббара. От Обстинара до Аштарака и Бабу.

– От Эбаббара? – поднял брови Тигнум. – Неужели ледяной Флавус Белуа, обладатель трона императора Лигурры, согласился с твоим предложением?

– Царский трон без царства – как седло без коня, – хмыкнул Пурус. – Флавус сам захотел встать рядом со мной. И не потому, что Светлая Пустошь поджаривает ему пятки. Эбаббар богат, может быть, даже богаче Ардууса. Но им правит мудрый правитель, который смотрит в завтрашний день. Месяц назад Флавус был у меня. И оставил доверительные грамоты и обязательства по предоставлению воинского отряда.

– Мы, значит, недостаточно мудры? – сдвинул брови король Утиса.

– Никто здесь не глупее меня, – повысил голос Пурус. – Но дело не в мудрости, а в знании. И этим знанием я хочу с вами поделиться. Тимор и Обстинар отсутствуют не просто так. Опасность грозит их подданным. Их правители известили меня, что не могут покинуть свои королевства, но пока что рассчитывают обойтись без помощи Ардуусского договора.

– Умер король Аббуту, – проскрипел Тигнум. – Никакой опасности в его смерти я не вижу. И это не новость. Наследника у него нет. Королевство в загоне. Народу мало, все бедны, даже вельможи подобны черни. Их совет старейшин призвал Тимор и Обстинар взять Аббуту под свое крыло. Но Касаду и Вала не слишком этим довольны и готовы двинуть на Аббуту войска. И что? Ознаменуем столетие Ардуусского договора большой войной? Или Тимор и Обстинар справятся без нас?

– Нет, – понизил голос Пурус. – Не справятся. Но по другой причине. Касаду и Вала не двигают войска на Аббуту. Касаду довольно сильна, но теперь она собирает ополчение и просит помощи у Махру и Рапеса. И дружины Обстинара и Тимора не только наводят порядок в Аббуту, где распоясались нахоритские разбойничьи шайки. Сейчас короли наших северных братьев заняты тем, что приводят в порядок собственные укрепления. Они готовятся к войне. Две свейских орды высадились на северный берег.

– И что же? – поднялся с места Тигнум. – Может быть, всю Анкиду поднять против двух свейских ватаг?

– Может быть, – покачал головой Пурус. – В каждой ватаге – более ста тысяч свеев.

Короли замерли. Только каблучки Фоссы цокали по камню.

– Между тем, если я соберу всех ополченцев Ардууса, их будет только сто тысяч, – сказал Пурус и добавил в тишине: – И некоторые, кстати, считают, что один свей стоит двух атеров.

– Не уверен, – процедил сквозь зубы король Лаписа.

– Надеюсь, что я ошибаюсь, – согласился Пурус. – Но берег уже разорен вплоть до Шуманзы. Войско Валы заперто в столице. Шуманза осаждена. И во главе той орды правитель по кличке Веселый Свей. Его зовут Джофал. Сто тысяч разъяренных дикарей под Шуманзой! Это всего лишь четыреста лиг от Обстинара! И до реки Азу, омывающей Светлую Пустошь, меньше тысячи! Но еще сто тысяч штурмуют Иевус. Если обе эти шайки пойдут на юг, нам придется непросто. Свейские ладьи уже теперь бороздят речные воды у Эбаббара. И у меня только в дозорных вокруг Светлой Пустоши нанято не менее тысячи свеев.

– Двести тысяч свеев – очень много, – покачал головой Флаграм. – Раньше и десять тысяч были редкой шайкой. Больше они не могли собрать, потому что сами грызлись между собой. Откуда столько народу?

– С ними анты с севера-востока и венты с северо-запада. Да и всякая мерзость из Этуту, что не подчиняется его королю, – объяснил Пурус. – И пока что я сам не могу понять, как сумели они объединиться.

– Никто и никогда не брал штурмом Иевус! – подал голос Асер Фортитер, король Кирума. – Рефаимы придут на помощь иури. Но даже если случится невозможное, всякая победа – поражение свеев. Потому что они тут же начинают праздновать, жрать, пить, насиловать женщин! Да и награбленное торопятся увезти на свои холодные острова!

– Веселый Свей, – повторил Пурус. – Джофал! Я слышал, что они слушаются его так, словно он император! Он управляется с ними!

– Манны, – вдруг подал голос князь Аштарака. – Купцы жалуются. Много стали брать. Подорожная пошлина выросла многократно. К тому же дозорные маннов не пускают караваны торговать в дальние поселения. Заказывают много оружия. Очень много. Плохого оружия, дешевого, но много. И их стало много. Очень много. Табуны большие. И оружие.

– Да, – пробурчал Флагрум. – Это есть. Оружия на юг идет много.

– У меня не было покупателей с юга, – удивился король Лаписа.

– У тебя дорогое оружие, – пожал плечами Флагрум.

– К тому же они действуют через посредников, – добавил князь Аштарака. – Можно и не знать, что продаешь оружие степнякам.

– Там образовался единый правитель? – спросил Пурус.

– Неизвестно, – пожал плечами князь. – Но Тирена боится, укрепляет поселки и города. Появились большие шайки степняков. Они налетают на селения, вырезают стариков, а детей, молодых мужчин и женщин забирают в рабство. И уже пошли беженцы. Самые умные. Я принимаю пока. Из Дины и не только. Есть даже из Ситту и Кунука!

– А я думал, что все это пустые слухи, – нахмурился король Фиденты. – Но мои купцы тоже жалуются. Море стало опасным. Много пиратов. И данаи, и чекеры, и даже ханеи. И ладьи свеев видели по всему тиренскому берегу. И пираты охвачены безумством, словно пытаются насытиться перед смертью! Те, кому удалось отбиться, говорят, что пиратов столкнули в море степняки. Эшмун и Шадаллу обложены данью. Пока что это подвиги отдельных орд, но если они объединятся...

– За полторы тысячи лет не объединились! – крикнул король Хонора. – Мои купцы месяц назад вернулись из степной столицы Санду. Там многолюдно для зимы, да, в степи полно разбойников, охрану приходится нанимать сильную, но в самом Санду оружием никто не бряцает!

– Они заворачивают мечи в войлок, когда нападают, – улыбнулся Паллор, но тут же стер улыбку с лица. – Одно – несомненно. Степняки подобны саранче. Они могут полторы тысячи лет стрекотать в пустыне, но потом, неизвестно почему, поднимаются тучей и летят. Так вот, вряд ли они полетят на запад. И не потому, что Экрон готов к войне. Белый мор пришел с северо-запада. Или на нилотских кораблях, или еще как. Все порты по северному берегу моря Тамту закрыты.

– Да, – подал голос князь Аштарака. – Многие порты закрыты и на южном берегу, а те, что принимают купцов, выдерживают их две недели на якоре, прежде чем пустить на берег. Поэтому, если что...

– Полторы тысячи лет разносится это «если что», – прошипел Тигнум. – И что, если что? Может быть, этот веселый Джофал пойдет на прайдов? Или напорется на белый мор? А степняки перережут друг друга? Или отправятся еще южнее, чтобы потрепать Кему?

– Может быть, – согласился Пурус. – Но я бы не полагался на счастливый случай. И к путникам присматривался. Под видом беженцев за наши стены может проникнуть враг. Во всяком случае, король Эбббара уже подумывает о том, чтобы закрыть свой порт и не пускать паломников в город.

– Эбббар живет только за счет паломников! – подал голос Тигнум.

– Лапис живет за счет продажи отличного оружия! – хмыкнул Пурус и посмотрел на короля Тотуса. – Но ведь он не продает его всяким мерзавцам?

Король Тотус мрачно промолчал.

– И вот что я хочу сказать, – продолжил, опускаясь на место, Пурус. – Я знаю, что некоторые и через полторы тысячи лет не готовы забыть, что вируы были на стороне тьмы с востока. Но теперь мы здесь. И это наша земля. И уйти нам с нее некуда. Долины Иккибу нет уже тысячу лет. На ее месте страшная Сухота. Поэтому, хотите вы или нет, но великому царству со столицей в Ардуусе быть.

– Значит, кто-то уже согласился, – хмыкнул Тигнум. – И что же ты сделаешь, Пурус, с теми, кто не согласится никогда?

– Ничего, – холодно ответил король Ардууса. – Ардуусский договор никто не отменял. Приду на помощь, если она потребуется. Попрошу помощи, если она потребуется.

– А если не потребуется? – растянул губы в улыбке Тигнум.

– Потребуется, – подал голос король Даккиты.

– Да ну? – поднял брови Тигнум.

– Эрсет бурлит, – холодно ответил король Даккиты. – И если в этом бурлении что-то сварится, это будет страшнее и веселого Джофала, и маннов, и пиратов, и белого моря.

– Он бурлил всегда, – нахмурился князь Араманы.

– Да, – кивнул король Даккиты. – Но в этот раз в варево брошены особые корни. За зиму я принял более десяти тысяч беженцев. И это не враги, это женщины, дети, старики. Иногда воины, но если это воины, они покрыты ранами. В основном это даку и даккиты с гор и рудников Униглага. Но не только.

– Кто же еще решил переселиться в даккитское ущелье? – рассмеялся король Хонора.

– Многие, – язвительно улыбнулся король Даккиты. – И атеры, и руфы, и лаэты. Но у нас мало земли, я уже говорил с почтенной королевой Раппу, она примет лаэтов.

– Всех, – кивнула Рима Нимис. – И не только их. Но путь через Сухоту почти невозможен, так что буду просить любезного короля Бэдгалдингира пропустить несчастных. И всех участников Ардуусского договора тоже. Что касается атеров и руфов...

– Я приму всех, – бросил Пурус. – И дацитов и даку тоже. С западной стороны ардуусской стены много земли.

– Хочешь подкормить Светлую Пустошь? – расплылся в ядовитой улыбке Тигнум.

– Я дам им камень для крепких стен, – отрезал Пурус. – Или подданные Кирума служат кормом Светлой Пустоши? Ардуус не граничит с нею напрямую. Между ним и Светлой Пустошью твои земли, почтенный Тигнум. Да, там почти нет твоих подданных, но там несут службу мои дозоры!

– Мы уже слышали, – откинулся в кресле король Бэдгалдингира. – Тысяча свеев день и ночь печется о нашем спокойствии. Благодарность тебе, Пурус, не имеет границ. А беженцев я пропущу. И даже не возьму с них подорожный сбор. И тоже готов дать земли. Но камня у меня нет. Точнее, есть, но в виде гор. Зато дерево разрешу рубить столько, сколько нужно. Западнее моих ворот.

– Ты сказочно щедр, – склонил голову в сторону Тигнума Пурус и повернулся к королю Даккиты. – Беда, которая приходит к нашим дальним друзьям, делает их ближними. Мы примем беженцев, почтенный Халибс.

– Не сомневаюсь, – кивнул король Даккиты. – И благодарю тебя, Пурус. И тебя, Тигнум. И тебя, Рима. И всех, кто захочет облегчить их участь. Но беженцев будет еще больше. И они бегут не только от войны. Все они – почитатели Энки. Их вырезают. Именем Лучезарного.

В который раз тишина повисла над круглым столом. Полторы тысячи лет прошло, как предки почти всех, кто сидел за ним, пришли в Анкиду, ослепленные сиянием Лучезарного. Пришли, чтобы выжечь ее дотла.

– Стойте, – наконец пробормотал Тигнум. – Отчего могильный холод охватил нас? Будет царство атеров или не будет, что это меняет для всех? Или мы готовы вцепиться друг другу в глотки? Мы были и будем вместе, потому что иначе нас не будет. Но зачем пугаться того, что давно сгнуло? Разве твои стены стали тоньше, дорогой Халибс? Разве крепость Баб уже осаждена? Да, я знаю, что есть еще перевал Бабалон и северный путь через земли антов, но это тысячи и тысячи трудных лиг. Годы потребуются! Да и кто сказал, что те, кто возносит мольбы Лучезарному, сумеют объединиться?

– Никто, – пожал плечами Халибс. – Я сказал то, что сказал. Добавлю только еще одно. Донасдогама!

– И что? – не понял Тигнум. – Древнее подземелье Лучезарного давно мертво.

– Сухота, – покачал головой Халибс, – это одно крыло бабочки. Огромной бабочки, если смотреть на рисунок земель вокруг гор Митуту. Второе крыло – равнина Миам и равнина Нуам. Такие же мертвые, как Сухота, но с другой стороны гор. И туловище бабочки – камни Митуту. И ее сердце – подземелье Донасдогама. Как считается, обрушившееся. Тогда откуда вся эта нечисть? Ведь она меняется. В последние годы мои дозорные встречались с тварями, которых не видели никогда прежде. Их даже нет в уложениях древних! Откуда они берутся?

– В Сухоте из провала, именуемого Врата Бездны, – отчеканил князь Араманы.

– А за горами Митуту из отдушин Донасдогама, которые не завалило полностью, – развел руками Тигнум. – Конечно, если слуги Лучезарного не проббили их.

– Пробивают, – кивнул Халибс. – Слуги Лучезарного бродят по долине Миам и Нуам так, словно нечисть им не страшна. Или служит им. Точно так же они будут ходить и по Сухоте. Они ведут себя так, словно ждут гостя.

– Гостя? – разнесся тревожный шелест над столом.

– Это невозможно, – отрезал Пурус.

– Согласен, – кивнул Халибс. – Но невозможность возвращения Лучезарного не отменяет возможность возвращения его ужаса. Его слуги выпрямили спины. И в месте падения Бледной Звезды, в провале Мерифри, вновь светятся огни Храма Света. И не всех это страшит. Кто-то бежит ко мне, а кто-то не боится нечисти и идет в древний Иалпиргах! Еще двадцать пять лет назад я говорил твоему отцу, Пурус, что нужно идти туда и сровнять храм с землей. Он отказался. Что ж...

– Чтобы вскрыть галереи Донасдогама, потребуются сотни лет! – воскликнул Тигнум.

– Цитадель Соболен, – тихо ответил Халибс. – Всего лишь триста лиг через вершины Митуту на восток от Араманы. Мой лазутчик пять лет назад выпустил там сэнмурва. Окольцованного сэнмурва. Все лето его ждали в развалинах Алу. И дождались. Он вылетел через Врата Бездны.

– Это путь не для людской армии! – повысил голос Тигнум. – Нам ли бояться одинокого сэнмурва?

– Если из дна бочки бьет тонкая струя, рано или поздно через отверстие выльется все, – усмехнулся Халибс.

– Этот путь не для людей! – вскочил на ноги Тигнум.

– А кто сказал, что против нас поднимутся люди? – удивился Халибс. – Или кто-то забыл о шести камнях? Как раз теперь им срок!

Глава 6

Фламма

– Ну, и что он? – прошептала Фламма, вихрем промчавшись по темному коридору и подсаживаясь к Лаве и Кама, которые сидели на дубовой скамье у дверей Игниса. – Ночь ведь уже прошла!

Лава только замотала головой, а Кама посмотрела на стражников, которые маялись в отдалении, ответила неохотно:

– Плохо. Но зайти не могу.

– Кто у него там? – сдвинула брови Фламма, вскочила с места, приоткрыла дверь, просунула в щель конопатый нос.

– Новый маг, – пожалала плечами Кама. – Мать вчера нашла на ярмарке. Наняла на свой риск. Почти наняла.

– И кто он? – поинтересовалась Фламма, вновь прижимая створку. – Бродяга какой-нибудь?

– Конечно, бродяга, – подала голос Лава. – Угодник. Угодники ведь все бродяги?

– Угодник? – выпятила губу Фламма. – Мало их осталось. Но уже то хорошо, что гадостей от угодника ждать не будешь. Конечно, если он не самозванец какой-нибудь. А что, настоящего мага не удалось найти? Угодники ведь вроде больше насчет целительства? Я, кстати, мало чего умею, но вот насчет целительства прошла полный курс наук! Сам Софус меня учил! А этот угодник, он точно маг?

– Да, показал что-то матери, – пробормотала Кама. – Огонь, что ли, зажигал вовсе без мума. Пальцами. Лаус до сих пор в восторге. Его Алиусом зовут. Алиус Алитер. Лаэт из Тимора.

– Старик? – зевнула Фламма.

– Ну... – пожалала плечами Кама. – Для кого как. Пожалуй, что нет. По-моему, ему нет и сорока. Я не присматривалась.

– Молод для угодника, – с умным видом кивнула Фламма. – И что же он делает с Игнисом?

– Ничего, – прошептала Лава. – Сидит рядом. И молчит. Не умеет он ничего, скорее всего.

– Отец еще будет говорить с магом, – добавила Кама. – Может быть, и не наймет его. Но если бы я сотворила что-то подобное тому, что сотворил Игнис, я бы хотела именно этого. Чтобы рядом кто-то сидел и молчал. И лучше кто-то незнакомый.

В коридоре послышалась ругань. Затем хлопнула дверь, и раздался грохот сапог. Поблескивая драгоценностями, раскрасневшаяся Пустула гнала по коридору несчастных отпрысков. Лицо Процеллы было заплаканным. Дивинус кусал губы. Кама, Лава и Фламма поднялись со скамьи и обменялись с сестрой короля Утиса поклонами.

– Ужас, – прошептала вслед вельможной мерзавке Фламма. – Спасибо тебе, Энки, что послал мне в матери Тричиллу Арундо, урожденную Кертус, а не Пустулу Тотум, урожденную Адорири!

– А мне Куру Арундо, урожденную Тотум, – прыснула Лава.

– И я благодарна Энки, – прошептала Кама, оглянувшись на дверь. Сейчас ей хотелось быть рядом с братом.

– Пошли отсюда, – предложила Лава. – Игнис никуда не денется. Король запретил ему без особого распоряжения покидать комнату до завтрашнего отъезда, во всяком случае, я это слышала. Пусть уж этот новый маг так и сидит рядом с ним.

– Пойдем, – подмигнула Кама Фламма. – Тебе нужно развеяться перед турниром! А то уже скоро маги выйдут на арену, этого я точно пропустить не хочу! Ты готова?

– Да, – кивнула Кама, сдвинула плащ и показала мужские порты. – Доспехи будут в ратуше в полдень. Служанка Катта притащит их туда. Там столько народа, что на меня никто и внимания не обратит. Обычно я переодевалась на лестнице. Не хочу идти в доспехах через город, да и отец может увидеть. Не хочу. Но я сейчас даже думать о турнире не могу!

– Значит, ты не влюблена? – удивилась Фламма.

– Не знаю, – покраснела Кама. Вроде бы ничего не произошло за последние дни, кроме ужасного поступка Игниса, и вот же, словно и думать о Рубидусе забыла. Или нет? Да нет же. Стоит закрыть глаза, и твердый взгляд принца Кирума заполняет все.

– Пошли! – едва не подпрыгнула на месте Лава. – Только я сначала перекусила бы где-нибудь! Но если попадусь на глаза матери, могу лишиться и турнира, и вечернего карнавала!

– Я тут знаю одно местечко... – приложила палец к губам Фламма. – Вкуснее, чем там, нигде не кормят. И оттуда есть проход в ратушу и на арену. Да-да, прямо на галерею третьего этажа, где не будет никого! Там же просительные Софуса и Муруса, которые заняты только турниром. И мытарские, но у них окна на другую сторону, а все мытари на ярмарке. Так что, красотка, забудь про лестницу и давай сюда свою Катту, с нами пойдет. Она ведь не знает, что должна принести в ратушу? Знает? Выходит, твой секрет еще меньший секрет? Не хочешь попасть впросак, считай каждую служанку живым человеком с глазами, ушами, языком и памятью. Зови, зови свою Катту, не пожалеешь. Там за нами никто не уследит. Кстати, мы ведь можем и на магическое действие посмотреть из окон ратуши! Сегодня разбирают деревянный щит, поставленный для стрелков, так что все будет видно! И еще мне есть что вам рассказать!

...Этот огненно-рыжий вихрь мог завертеть кого угодно. Только что Кама сидела в коридоре у дверей самого несчастного человека в Ардуусе, а может быть, и во всей Анкиде и собиралась если не свести счеты с жизнью, то самое меньшее – не явиться на фехтовальный турнир, и вот она, даже забыв надеть маску, расталкивая толпу, бежит вместе с двумя подружками и пыхтящей за ними служанкой по Ремесленной улице! И ей все равно, следит ли кто-нибудь за принцессой Лаписа или нет.

– Сюда! – крикнула Фламма, показывая на тяжелую дверь в неказистой на первый взгляд башне, служащей внешней подпоркой крайнему, магическому торговому ряду и началом королевского замка, и замолотила в железо кулаками. – Ну, быстрее же там!

Дверь заскрипела, и в щели показалось заспанное лицо стражника.

– Чего надо? – начал он гудеть недовольным голосом, но, разглядев разъяренное лицо Фламмы, заткнулся, а получив чувствительный толчок тонкой ручки в нагрудник, судя по звуку, приложился вместе с алебардой о стену коридора.

– Эта дверь для замковой кухни, – объяснила, обернувшись, Фламма и тут же приняла у заплаканной Катты тяжелый мешок. – Не плачь, хорошая. Все с ним будет в порядке. И радуйся, что подобная пакость случилась именно теперь. Лет через пять его бы ничто уже не спасло. А его нынешний возраст – это время для глупостей и ошибок. Беги обратно к нему. Не век же ваш новый маг будет сидеть у него в комнате? Пошли, у этих дверей стражники всегда спят. Но я-то пока еще считаю дочерью короля!

– О чем ты? – с недоумением переспросила Кама, уже в темном, освещенном редкими лампами коридоре, забирая у Фламмы мешок. – Что такое: «беги обратно к нему»? Что ты сказала служанке?

– Кама ясноликая! Принцесса! – рассмеялась Фламма. – Среди нас ты-то уж точно принцесса. Самое главное, не привыкать к слугам, словно к какой-нибудь утвари. Они не утварь! Я тут задумалась, мало ли кто мой отец? Вдруг он – простой человек? Вдруг и я, рыжее чудо, из них? Задумалась да присмотрелась. У них есть лица! Так что не забывай заглядывать им в глаза. Только так ты сумеешь вовремя разглядеть врага или негодяя. Или большую любовь,

как сегодня. Неужели ты еще не поняла? Твоя Катта рыдает из-за твоего братца. И я готова вслед за тобой срезать свои волосы, если она уже не побывала в его постели.

– Зачем? – возмутилась Кама. – Что ей делать у него в постели?

– Ну, это даже я знаю, – хихикнула Лава.

– Так ты думаешь... – потрясенно прошептала Кама.

– Иногда, – кивнула Фламма, открывая низкую дверь и выводя подруг на убегающую куда-то вверх винтовую лестницу. – И ты знаешь, мне кажется, что это приносит пользу. Как ты считаешь, твой братец очень красив?

– Без сомнения, – с гордостью ответила Кама.

– В таком случае, позволь мне не поверить, что он до сих пор девственник, – развела руками Фламма. – Хотя дело-то не в красоте... Понимаешь, когда мужчина перестает быть девственником... Матушка сказала мне, что в его походке, в осанке появляется нечто. Нечто свидетельствующее. Кстати, девушек это тоже касается. Так что можешь не заливать мне, что ты уже познала радости любви. Нет. Ни ты, ни Лава.

– А ты? – радостно охнула Лава.

– И я нет, – вздохнула Фламма. – Но с этим спешить не следует. Потому как начать можно только один раз. И, кстати, если в постели твоего братца побывала эта прекрасная служанка...

– Прекрасная? – не поняла Кама.

– Она очень красива, очень, – с некоторым сожалением кивнула Фламма. – Конечно, не столь красива, как ты... Но очень красива. Так вот, в постели твоего братца побывали многие. Уверена в этом.

– Многие? – закинула мешок на спину и поспешила за подругой Кама. – И кто именно?

– Ну, не знаю, – пожала плечами, поднимаясь по ступеням, Фламма. – Опять же следи за лицами. Когда женщина смотрит на того, с кем она была в постели, у нее глаза становятся влажными. Конечно, если все закончилось хорошо. Или продолжается хорошо.

– И это тебе сказала твоя мать? – поразились Кама. – И ты это с нею обсуждаешь?

– А с кем еще мне это обсуждать? – не поняла Фламма, выводя подруг на открытую галерею, проходящую по крепостной стене. – Я бы обсуждала это с Лавой, но она об этом знает еще меньше меня.

– Я знаю, кто смотрел на Игниса влажными глазами! – выпалила Лава.

– Кто? – вытаращила глаза Кама.

– Эта Катта и... – Лава собралась с духом, – и Тела.

– Тела Тотум, урожденная Нимис, – поняла Фламма. – Очень красивая. И очень умная. Выходит, Игнису повезло.

– Стойте, – бросила загремевший мешок на камень Кама. – У Телы есть муж! И даже сын! И она старше Игниса на двадцать лет!

– Ну и что? – прошептала, покосившись на стоявших впереди стражников, Фламма. – У моей матери тоже есть муж. Но еще у нее есть и я. Как ты это объяснишь?

– Ну... – осеклась Кама.

– Радуйся, – подхватила мешок подруги Фламма. – Если бы его женщиной была та же Пустула Адорири, а она тоже красива, даже не спорь со мной, то, боюсь, Литус Тацит не отделался бы двумя сломанными ребрами. Твой брат перегрыз бы ему горло. Ладно, что окаменела? Бежим, недалеко осталось. Здесь лучше языками не трепать!

...Каме пришлось сделать над собой усилие, чтобы сдвинуться с места. А Фламма вместе с Лавой уже всю волокли мешок по стене, упирающейся теперь в башню не замкового крыла, а самого замка. Пришлось и Каме пробежаться немного и даже задуматься на мгновение, отчего вытаращили глаза и окаменели стражники, неужели она и в самом деле настолько красива?

– И еще, – пыхла уже на следующей винтовой лестнице Фламма, – в маске, конечно, не находишься. Да и глупо ее надевать где-то еще, кроме ардуусской ярмарки, но что-то тебе с твоим лицом надо делать. Все, мимо кого мы пробежали, смотрели тебе вслед. Думаю, минут на пять, а то и дольше на Ремесленной улице случился поголовный столбняк.

– Не поняла? – вовсе растерялась Кама. – Что делать с лицом?

– Ну, не знаю, – нахмурилась Фламма. – Обесцветить брови, нарисовать синяки под глазами. Морщинки охрой. Есть еще такой пепел, придает лицу серый цвет. А еще один рябой умелец на рынке может тебе такой нарыв на щеке изобразить, что от тебя в стороны будут шарахаться прохожие. И никакой магии!

– Да? – вытаращила глаза Кама.

– Но лучше всего, – остановилась Фламма и зашептала Каме и Лаве едва ли не в лицо, – зачернить зубы и сунуть за щеку какую-нибудь вонь. Или скорчить вот такую гримасу!

Фламма сдвинула челюсть в бок, зажмурила одни глаз, подняла бровь другого и надула щеки.

– Ой! – вздрогнула в ужасе Лава.

– Вот! – с торжеством кивнула Фламма, вновь обратившись в веселую и милую девушку. – Я долго тренировалась, но это моя гримаса. Не повторять! А если фантазии не хватает, можно наесться чеснока и лука! Лучше всего помогает!

– От чего помогает? – чуть ли не хором закричали Лава и Кама.

– От беды, – снова взялась за мешок Фламма. – Пока ты – принцесса, это тебе почти не нужно. Но... разное может случиться. И уж тогда твое лицо, дорогуша, словно золотое кольцо в грязном притоне. Вместе с пальцем откусят. Так что учись прятать золото!

Вконец запыхавшись, миновав еще с десяток постов стражи и окончательно запутавшись в лестницах и переходах, Кама уперлась носом в затылок Лавы, Лава ткнулась в спину Фламмы, а ее высочество рыжеволосое безобразие ударом ноги открыло очередную дверь, шагнуло через порог, бросило на пол мешок и, обернувшись с милой улыбкой, почти пропело:

– Вот вы и в ужасном логове самой конопатой из всех анкидских принцесс и непринцесс тоже!

Вслед за Лавой Кама шагнула через порог и замерла. Она ожидала увидеть все, что угодно: роскошную девичью, отделанную лучшими сортами дерева и задрапированную самой дорогой тканью, строгий зал с мраморными стенами, завешенными крыльями сэнмурвов, и с полом, на котором лежат шкуры убитых рыжеволосой разбойницей животных, мрачную келью, в стенах которой торчат многочисленные шипы и крючья, а деревянные лавки вымазаны кровью, но она увидела то, что никак не совпадало не только с Фламмой, но и со всем ардуусским замком.

Это была довольно просторная комната с двумя большими полукруглыми окнами в дальней стене. В центре свода, на высоте примерно восьми локтей, торчал крюк, на котором висело что-то напоминающее маятник с метелкой, разрисовывающей рассыпанный по полу цветной песок по своему разумению или замыслу хозяйки жилища. В правом углу имелось ложе, предписанное скорее дозорному при Светлой Пустоши, но не принцессе, хотя укрыто и заправлено оно было вполне приличным одеялом и, скорее всего, предполагало под ним чистое белье. Рядом стояли три или четыре сундука и платяной шкаф, исключая даже намек на какие-то девичьи игрушки или что-то подобное. Но вся остальная комната ничем не напоминала девичью вовсе. Там также имелись сундуки, некоторые из которых были открыты, являя Каме горла бесчисленных бутылок и каких-то других сосудов. Между этими сундуками стоял огромный стол, на котором горой лежали свитки, переплетенные в пергамент книги, стояли опять же какие-то пузырьки и бутылки, чаши, весы, неуклюжие часы в бронзовом корпусе, ножи, щипцы, ступки, разделочные доски, ножницы, перья, чернила, листы бумаги и пергамента, камни, пучки травы и что-то еще, но не в беспорядке, а именно так, как все это и должно было лежать,

если бы кто-то заинтересованный совершал со всем этим имуществом какие-либо действия. К тому же под глиняной лампой оставалось достаточно места, чтобы разложить лист бумаги и даже поставить локти. Собственно, лист бумаги там и находился. Но еще больше свитков и другого диковинного добра находилось на полках, которые были устроены на дальней стене и на той, в которой располагалась дверь.

– Ты шутишь! – поняла Кама. – Это жилище Софуса?

– Ага, – хмыкнула Фламма. – Не была у него в жилище, но думаю, что там ты не увидишь ни единого свитка. А если он и есть, то обязательно перевязан льняной тряпочкой, запечатан сургучной печатью и заперт в самом тяжелом сундуке. Это моя комната. Я здесь живу. Пока что.

– Ты считаешь, что здесь можно жить? – поразила Кама.

– Можно! – крикнула Лава, плюхнувшись на постель.

– Вот, она знает, – кивнула рыжеволосая, непостижимым образом превращаясь из разбойницы в усердную школярку. – И не только жить. Но ты особо не приглядывайся. Здесь беспорядок. Мы же не за этим сюда пришли?

Фламма выставила из угла к постели две корзины, сорвав с них ткань и наполнив комнату восхитительными запахами, а затем выволокла из-под большого стола маленький, нисколько не заботясь, что разрушила причудливый песочный рисунок в центре комнаты.

– Игрушка, – поморщилась она. – Все думают, что какое-то колдовство, а это просто хитрость. Если кто-то зайдет в мою комнату без меня, я по рисунку на песке буду это знать. И никакой магии.

– И никакой магии, – повторила Кама, беря в руки тонкий меч, который обнаружился на малом столе. – Подожди! Откуда это у тебя? Это же отличное оружие! И сталь выше всяких похвал! Не лаписская, но ничуть не хуже.

Она вытянула клинок сначала на ладонь, потом вовсе достала его из ножен. Рукоять была длинной, на два с половиной хвата. Гарда маленькая, из зачерненной стали. Лезвие чуть изогнутое, заточенное с одной стороны на всю длину, с другой на треть от острия. Кама поднесла клинок к лицу. Вдоль едва приметной грани, которая проходила по всей длине оружия, пересекая друг друга, завивались бесчисленные кольца.

– Дакитский меч!

– Нет, – гордо расправила плечи Фламма. – Дакский. Из кузниц Чилдао. Ему более полутора тысяч лет. Это меч из Эрсетлатари, принцесса. Он выкован еще при Лучезарном, то есть он с темной стороны.

– Ты с ума сошла, – дрожащими руками вставила клинок в ножны Кама. – Да он бесценен!

– Может быть, – кивнула Фламма, пряча меч под одеяло. – Но я еще не слишком хорошо с ним управляюсь. Нашла тут на Рыбной улице одного дакита, он меня учит. За небольшую плату. Он говорит, что я способная, но я-то вижу, что мне еще не один год пыхтеть с этим мечом.

– И сколько ты уже занимаешься? – спросила Кама.

– Всего шесть лет, – пожалала плечами Фламма. – Ведь этого мало? Два часа в день. Ну и здесь или на большой башне, когда там никого нет, уже без наставника. Тоже часа по два. Часто дольше. Но пока ярмарка, не всегда получается.

– Ты пошла искать себе учителя, когда тебе было одиннадцать лет? – прошептала Кама. – Одна?

– Восемь, – улыбнулась Фламма. – Мой учитель иногда уходит куда-то. Путешествует. Так что еще общим счетом года три я занималась без него. Но он всегда возвращается и поправляет, если что-то я стала делать не так. У меня очень хороший учитель. Если бы меня спросили, кому можно доверять в Ардуусе, я бы назвала его имя. Конечно, не теперь, когда вы рядом.

– У меня нет слов, – рухнула рядом с Лавой на кровать Кама. – А твой отец знает, что ты учишься мастерству дакитского меча?

– Пурус Арундо, скорее всего, нет, – пожала плечами Фламма. – А настоящий отец надеется на это. Этот меч передала мне моя мать. Без единого слова. Я думаю, что это – его подарок.

– А Пурус Арундо... – медленно начала Кама.

– Знает, – твердо сказала Фламма. – Не о мече, о моем настоящем отце. Он очень умный. Очень. Страшно какой умный. Поверь мне, если бы я была его дочерью, я бы гордилась им. Я даже и теперь горжусь им. Но я и боюсь его. Поскольку то, что он все знает и ничего не делает, пугает меня еще больше.

– А что он может сделать? – удивилась Лава.

– Ну, разное, – хмыкнула Фламма. – Выгнать меня из дома. Отправить куда-нибудь в дальнее королевство. Или, к примеру, убить свою жену. Ведь сына она ему уже родила? Да и меня в таком случае он убьет. Кровь смывает любой позор.

– Мне страшно, – прошептала в наступившей тишине Лава и закрыла лицо ладонями.

– Мне тоже, – тихо ответила Фламма. – И вот еще в чем я уверена. Рано или поздно, но он убьет моего настоящего отца. Так что мне следует поторопиться, чтобы разыскать его.

– А что за свитки и все это на твоём столе и на полках? – нарушила тишину Кама. – Я, кстати, не вижу тут ни пыли, ни паутины. Ты говорила что-то о целительстве?

– О целительстве здесь мало, – призналась Фламма. – Софус учил меня на словах, хотя я старалась схватывать изо всех сил. И даже научилась кое-чему. Почти все эти свитки от Фоссы, моей старшей сестры. Сводной сестры, если угодно. У нее есть магические таланты, и король Ардууса потратил кучу денег, наприглашал толпу наставников, чтобы обучить ее магическому мастерству. Того же Софуса измучил. Нет, она многое может, но все по наитию, потому как ленива, а эти свитки я спасала от помойки и огня.

– И все прочитала? – в ужасе прошептала Кама.

– И перечитываю! – прошептала в ответ Фламма. – Ты же не видишь паутины? Кстати, нахожу это увлекательнейшим занятием! Я даже кое-что понимаю в написанном! Но сюда я привела вас не за этим. А ну-ка, посмотрим, что в этих чудесных корзинах! Есть можно все, поскольку все это еще сегодня утром выпекалось и жарилось на королевской кухне. Для угощения королей чуть ли не половины Анкиды. Представляете, как старались ардуусские повара? Последняя трапеза случается только раз в году, это честь Ардууса! Попробуй только подать что-нибудь не слишком вкусное, вся Анкида будет промывать косточки Пурусу Арундо, мол, ардуусские повара не сумели угодить атерским и прочим королям. Так вот, сумели, как всегда. Короли остались довольны. И я их обслуживала. И даже снимала пробы! Ну, вместе с братом. И, конечно же, это не объедки, и не только потому, что объедков не осталось вовсе. Все было отложено и отобрано на самой кухне. До подачи на стол. И вино в том числе. Вино, как положено, легкое, потому что в предпоследний день ярмарки короли обсуждают самые важные вопросы. Так что опьянения не будет!

– Зачем же тогда пить, сказал бы мой дядя Латус Тотум, – грустно произнесла Кама, вдыхая аромат чудесных блюд. – Но я могу только пробовать. Пожалуй, мне все-таки стоит выйти на арену сегодня вечером.

– Пробуй! – выставила кубки на стол Фламма. – Я бы на твоём месте, конечно, обожралась и плюнула на этого самого Рубидуса с самой высокой замковой башни. Но и тебя тоже могу понять. Вот ты, Лава, что бы сделала, если бы должна была перещеголять в меткости своего Вервекса?

– Вервекс не мой! – подскочила Лава.

– Зато серебряный рог твой, – хмыкнула Фламма. – Но если бы ты была лучницей и стрелки выступали в шлемах, рискнула бы ты привлечь внимание Вервекса отличной стрельбой?

– Нет, – решительно тряхнула головой Лава. – Я и сейчас ничего не решила и никому ничего не обещала.

– А если бы на месте Вервекса был Рубидус? – прищурилась Фламма. – Или еще какой красавчик? Адамас Валор? Фалко Верти? Фелис Адорири? Ты бы рискнула?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.